

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование Human. Culture. Education

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 2 (40) 2021

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
Syktyvkar
SyktSU Press
2021

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, Томск);

Бараханова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; Русская христианская гуманитарная академия (Россия, Санкт-Петербург);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Россия, Улан-Удэ);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Россия, Якутск);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, профессор института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто (Россия, Сыктывкар; Канада, Торонто);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Коробейникова Лариса Александровна, доктор философских наук, профессор института искусств и культуры Томского государственного университета (Россия, Томск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме;

Лю Лэи, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно, директор международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» (Италия, Салерно);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Николс Лоуренс Т., доктор социологии, профессор социологии университета Западной Виргинии, департамента социологии и антропологии (США);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сурво Арно, доктор философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, доктор философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета (Россия, Чита).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Гудырева Любовь Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Гуляева Сабина Тахировна, старший преподаватель кафедры информационных систем института точных наук и информационных технологий Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: lrudenko@bk.ru

Подписной индекс журнала в объединенном каталоге "Пресса России" — 94103.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2021.

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophy, Professor. Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elizaveta A. Barakhsanova, Doctor of Education, Professor. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Elena E. Brazgovskaia, Doctor of Philology, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Education, Professor, Director of The Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Uliana A. Vinokurova, Doctor of Sociology, Professor. Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Sergei A. Goncharov, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Saint Petersburg);

Igor L. Zherebtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg University; Professor of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Ziuzhev, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Science and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; employee of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Dalius Jonkus, DSc in Philosophy, Professor. Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Larisa A. Korobeinikova, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Arts and Culture, Tomsk State University (Russia, Tomsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culturology, Associate Professor of the Department of theory and history of culture of St.-Petersburg State Institute of Culture; senior methodologist of the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House;

Liu Leyi, professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno. Director of International Centre for Studies and Research 'Mediterranean Knowledge' (Italy, Salerno);

Liubov M. Mosolova, Ph. D. in Art history, Professor Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Lawrence T. Nichols, Ph. D. in Sociology, Professor of Sociology. Department of Sociology and Anthropology, West Virginia University (USA);

Thoe Scott, Ph. D, Professor. Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Arno Survo, Ph. D, Associate Professor. Department of Folklore Studies, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Vera V. Survo, Ph. D, Professor, Researcher. Department of Ethnology, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Grigory L. Tulchinsky, Ph. D, Professor. Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Ph. D, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Iurii P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Education, Professor. Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Ph. D, Professor, Deputy Director. Expert Analytical Center for Developing Educational Systems in the field of Culture, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Russia, Moscow);

Klavdiia G. Erdyneeva, Ph. D, Professor, Head of the Pedagogy Department. Transbaikalian State University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Lubov V. Gudyreva, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Management and Marketing Department;
Head of the Publishing House of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Elena P. Belkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Foreign Languages Department of the Institute of Foreign Languages
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Sabina T. Gulyaeva, Senior lecturer of the Information Systems Department
of the Institute of Exact Sciences and Information Technologies
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, leading editor of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: *lrudenko@bk.ru*

Subscription reference of the journal in the union catalogue "Press of Russia" is 94103.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Казакова Г. М. Региональная идентичность как результат социальной инженерии.....	12
Сокровищук А. А. Роль созерцания прекрасного (красоты) в формировании мировоззрения: прошлое и настоящее проблемы.....	23

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ананьева Ю. С., Жаркова А. Г. Гостиничная архитектура как маркер историко-культурных локаций: основные векторы развития.....	40
Болгова Е. В. Образ человека в мире животных: языковые проявления антропоморфизма vs зооморфизма.....	59
Гринько Е. Н. Ценностные аспекты в культуре личности студента медицинского вуза (лингвокультурологический подход).....	73
Епифанова А. Г., Долдо Н. В. Функционал и дискурсивность дизайна виртуальной среды в формате культурологической интерпретации.....	87
Иванищева О. Н., К. вон Пост, Х. Рэйхе «Все, что он говорит, чистая ложь» (к проблеме установления истины в политических дебатах).....	96
Иткулов С. З. Специфика когнитивного сознания субъекта-логоцентрика в нонсенс-поэзии XIX века (на примере текстов Козьмы Пруткива и Эдварда Лира).....	114
Мищенко И. Е. Футурулогия милитаризма: основания и опыт социокультурного прогнозирования.....	127

Филиппова-Стоян Л. Е., Игнатъева Е. И. Экспонирование памятников со сложной историко-культурной структурой (на примере экспозиции «Дворец А. Д. Меншикова» Государственного Эрмитажа).....	141
---	-----

ПЕДАГОГИКА

Воложанинова А. Р., Терентьева С. Н. Особенности адаптации студентов на начальном этапе обучения в вузе (на примере ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина»).....	157
Гурленов В. М., Трофимова Ю. И. Как пользоваться знаниями о проявлениях личности при планировании и реализации урока иностранного языка.....	170
Минаева Н. В. Особенности применения нормативных правовых актов, регламентирующих требования к квалификации педагогического работника вуза.....	179
Сведения об авторах	187

CONTENTS

PHILOSOPHY OF CULTURE

- Kazakova G. M.** Regional Identity as a Result of Social Engineering.....12
- Sokrovishchuk A. A.** The Role of Contemplation of the Beautiful
in the Formation of the Worldview: Past and Present Issues.....23

CULTUROLOGY

- Ananyeva Yu. S., Zharkova A. G.** Hotel Architecture as a Marker
of Historical and Cultural Locations: the Main Vectors of Development.....40
- Bolgova E. V.** The Person's Image in a Zoomorphic Worldview: Language
Instances of Anthropomorphism vs Zoomorphism.....59
- Grinko E. N.** Value Aspects in the Personal Culture of a Medical
University Student (Linguoculturological Approach).....73
- Epifanova A. G., Doldo N. V.** Functionality and Discursiveness
of Virtual Environment Design in the Format of Culturological
Interpretation.....87
- Ivanishcheva O. N., C. von Post, H. Rähä** "The Fact is That Everything
He is Saying So Far is Simply a Lie" Expressive Truthmaking
in the Political Debate.....96
- Itkulov S. Z.** Specifics of the Cognitive Consciousness of the Logocentric
Subject in the Nonsense Poetry of the 19th Century (as Exemplified
in the Texts of Kozma Prutkov and Edward Lear).....114
- Mishchenko I. E.** Futurology of Militarism: Foundations and Experience
of Sociocultural Forecasting.....127

Filippova-Stoyan L. E., Ignatyeva E. I. Exposure of Monuments with a Complex Historical and Cultural Pattern (on the Example of the Exposition of «Palace A.D. Menshikov»).....141

PEDAGOGY

Volozhaninova A. R., Terentyeva S. N. Specific Features of Adaptation of the First-year University Students (Case Study of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University).....157

Gurlenov V. M., Trofimova Y. I. How to Use Knowledge about Personality Manifestations when Planning and Implementing a Foreign Language Lesson.....170

Minaeva N. V. Peculiarities of Normative Legal Acts Specifying Qualifications of the University Teaching Staff.....179

Our Contributors.....187

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008.001

DOI: 10.34130/2233-1277-2021-2-12

Г. М. Казакова

Южноуральский государственный аграрный университет,
Челябинск, Российская Федерация;
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Российская Федерация

Региональная идентичность как результат социальной инженерии

В статье дается анализ региональной идентичности как социо-и культурообразующих оснований региона, обладающих ресурсом наращивания «прибавленной стоимости» символического капитала региона. А это, в свою очередь, ведет к росту инвестиционного капитала территории.

Региональная идентичность рассматривается в контексте процессов «социальной инженерии»: как конформистская и «понимающая»; традиционная и инновационная. Региональная идентичность проявляется как производная от деятельности политических институтов и связанная с границами субъектов Российской Федерации (московская, тамбовская, хабаровская и пр. идентичности); а также как структура на цивилизационной (Европа и пр.), исторической, географической (Юг России, Сибирь и пр.), ареальной (Горнозаводской Урал и пр.) и других основах.

Раскрывается диалектика взаимосвязи региональной идентичности и символического капитала региона через процессы социальной инженерии и социального менеджмента.

Эффективность социальной инженерии региональной идентичности зависит от: ценностей локуса, методов реализации политики идентичности (революционные или эволюционные); опоры на общественность или отсутствия таковой (поддержка или конфликт); степени публичности и открытости политики идентичности; политических потребностей действующих властей в легитимизации курса и т. д.

Символический ресурс региональной идентичности применяется в различных разновидностях управления, таких как имиджмейкинг региона — создание положительного запоминающегося образа региона; брендинг — формирование устойчивых ассоциаций и позитивной эмоциональной связи у людей с данным образом; паблик-арт — интеграция проектов современного искусства в пространственную среду региональных «месторазвитий».

«Социальная инженерия» региональной идентичности дает следующие результаты: упорядочиваются особенности региональной жизни; минимизируются двусмысленные трактовки и возможные расхождения между идеей и ее символическим воплощением; происходит перезагрузка региона или страны в соответствии с новой логикой символов и т. д. Все это приводит к мощному модернизационному эффекту региона от солидарного действия, поддержки курса перемен.

Ключевые слова: *региональная идентичность, социальная инженерия, символический капитал, символический менеджмент, имиджмейкинг, брендинг, паблик арт региона.*

G. M. Kazakova

South Ural State Agrarian University, Chelyabinsk, the Russian Federation;
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation

Regional Identity as a Result of Social Engineering

The article analyzes the regional identity as the social, cultural and forming foundations of the region, which have the resource of increasing the “added value” of the symbolic capital of the region. And this, in turn, leads to an increase in the investment capital of the territory.

Regional identity is considered in the context of the processes of “social engineering»: as conformist and “understanding”; traditional and innovative. Regional identity manifests itself as a derivative of the activities of political institutions and is associated with the borders of the subjects of the Russian Federation (Moscow, Tambov, Khabarovsk, etc.); as well as a structure based on civilizational (Europe, etc.), historical, geographical (South of Russia, Siberia, etc.), areal (Mining Urals, etc.) and other bases.

The dialectic of the relationship between regional identity and the symbolic capital of the region through the processes of social engineering and social management is revealed

The effectiveness of social engineering of regional identity depends on: locus values, methods of implementing identity policy (revolutionary or evolutionary); reliance on the public or lack of it (support or conflict); the degree of publicity and openness of identity policy; the political needs of the current authorities in legitimizing the course, etc.

The symbolic resource of regional identity is used in various types of management, such as image-making of the region-creating a positive memorable image of the region; branding-forming stable associations and positive emotional connections among people with this image; public art-integrating contemporary art projects into the spatial environment of regional "localities".

The "social engineering" of regional identity gives the following results: the peculiarities of regional life are ordered; ambiguous interpretations and possible discrepancies between the idea and its symbolic embodiment are minimized; the region or country is rebooted in accordance with the new logic of symbols, etc. All this leads to a powerful modernization effect of the region from joint actions, support for the course of change.

Keywords: regional identity, social engineering, symbolic capital, symbolic management, image-making, branding, public art of the region.

Введение. Региональная идентичность — мощный инструмент мобилизации населения, важный элемент культурного дискурса региона [1]. Региональная идентичность — это форма проявления культуры «укорененности», интегрирующая в пределах определенной территории местные проявления российской (цивилизационной) идентичности и различные региональные социокультурные характеристики [2, с. 113]. Региональная идентификация находится в прямой зависимости от эффективной работы всех подсистем: от административных и общественных до семейных, образовательных, социальной защиты и т. д. В повседневности приходится различать идентичность реальную и символическую.

Социальная инженерия — термин, который представляет собой совокупность подходов прикладных социальных наук, ориентированных на целенаправленные действия по изменению организационных структур человеческого поведения. Применение приемов *социальной инженерии* для формирования региональной идентичности возможно для изменения социального поведения, менталитета, аксиологической картины мира, а самое важное, управления пове-

дением и заинтересованности самих регионов в лице их граждан, в более высоком уровне жизнеспособности региона.

В житейской реальности индивид ощущает свои родовые корни, голос крови, свое фактическое пребывание в социальной общности. Но идентичность как феномен сооружается на уровне символическом. Реальный индивид в этом случае вступает в мир символов, которому нужно соответствовать. Он соотносит себя с предложенным символическим рядом, соотносит житейскую картину мира с героическими, мессианскими, подвижническими идеологемами, которые вызывают пафос, настроение энтузиазма. Однако этот процесс несет в себе огромные сложности, так как история не всегда позволяет сойтись этим двум пластам осмысления реальности [3, с. 367].

В последние десятилетия возникают новые формы «проектного подхода» в конструировании региональной идентичности, осмысление чего происходит в терминах «регионостроительство», «сетевая концепция», «ретерриториализация», «децентрализация», «новый регионализм» и пр. Конструируемая региональная идентичность становится инструментом социально-политической мобилизации населения, разновидностью «социальной инженерии».

Методы исследования, теоретическая база. В контексте социальной инженерии региональная идентичность проявляется в двух основных вариантах:

— как производная от деятельности политических институтов и связанная с границами субъектов Российской Федерации (московская, тамбовская, хабаровская и пр. идентичности);

— как структура на цивилизационной (Европа и пр.), исторической, географической (Юг России, Сибирь и пр.), ареальной (Горнозаводской Урал и пр.) и других основах. Формальные (административные) границы отходят на второй план, за основу берется регион как социокультурный локус: история освоения территории, общая модель хозяйственной деятельности и уклад повседневной жизни поддерживают представления жителей об общем пространстве поверх административных границ и на этой основе формируют устойчивую региональную идентичность как историко-культурный «фундамент» места и ментальный конструкт [4, с. 138] Идентичность регионального сообщества актуализируется на основе не-

избежности совместного бытия и потребности в добрососедских и взаимовыгодных отношениях с населением других территорий

Региональная идентичность в контексте *социальной инженерии* является значимой, устойчивой, непреходящей характеристикой прежде всего политических процессов в регионах. Достаточно иметь в виду, что те или иные особенности регионов обусловлены исторически сложившимися паттернами регионального развития, возникшими в ходе освоения территорий и включения их в структуру государства. Также очень популярен механизм «изобретения традиций», который повсеместно используется политическими акторами в качестве политической мобилизационной стратегии идентичности. Данная стратегия является «игрой на двух уровнях»: внешнем и внутреннем. Внешний уровень адресован акторам, находящимся вне региона (федеральный центр, зарубежные и международные организации, экономические акторы) и преследует цель притока в регион ресурсов (инвестиций, налоговых льгот, преференций, поддержки влиятельных персон, лоббизм и т. д.). Внутренняя адресована внутрирегиональному социуму (избирателям), преследует цель максимизации власти либо легитимизации статус-кво (для правящих элит), либо, наоборот, подрыва ее легитимности (для контрэлит).

Таким образом, в современности социальная реальность переносится из физического пространства в план сознания, заменяется интенциональными смыслами. Особенно это актуализируется в информационную эпоху [5, с. 138]. Эта противоречивая ситуация формирует разные стратегии ориентации — *адаптивную* и *креативную*. *Адаптивная* ориентация дает модель *конформистской* идентичности, *креативная* — «понимающей».

«Понимающая» идентичность отличается от эмоциональной и поведенческой идентичности логической выстроенностью, адекватностью в понимании ситуации. Она демонстрирует способность к обобщению, к свертыванию в целостность разных форм идентичности. В ней, помимо логических структур, наличествует глубокий символический строй на основе культурных традиций [5, с. 15]. Понимающая идентичность особенно актуализируется в эпоху информационного общества.

Результаты исследования и их обсуждение. *Социальная инженерия* региональной идентичности представляет собой ряд стандартизированных действий. Прежде всего — это формирование чувства общей «почвы», что включает в себя разработку истории региона. На конструирование региональной идентичности влияет прежде всего политика, в частности, федерального центра по отношению к региону, в том числе информационная, проявляющаяся в содержании и характере информации о регионах в центральных СМИ. Здесь конструктивистский характер воздействия элит наиболее заметен, так как история всегда перегружена политическим смыслом: это своего рода символическая политика, осваивающая историческое время и пространство. Памятные даты, памятники, ритуалы, топонимика, краеведческая литература, отбор «героев» и великих людей, происходящие при активном участии региональных элит, создают образ общего прошлого как мощный консолидирующий фактор.

В этом случае региональная идентичность может развиваться по двум моделям: *традиционной* и *инновационной*.

Традиционная модель предполагает поддержку и эксплуатацию региональными властями уже сложившихся паттернов регионального своеобразия, использование уже наработанного культурно-символического ресурса и подчеркивание закрепленных особенностей места.

Инновационная модель в территориальном маркетинге связана с тенденцией поиска и конструирования новых выразителей особенности, уникальных явлений и репрезентационных символов (например, попытка Челябинска превратить город в «метеоритную столицу мира» в 2013 г.). Для данного направления характерно использование новых механизмов конструирования идентичности: виртуальные площадки, сетевые технологии, флешмобы, перформансы и пр.

Эффективность *социальной инженерии* региональной идентичности при этом зависит:

— от ценностей, определяющих содержание политики идентичности (краткосрочные имиджевые задачи и ставка на долгосрочное развитие территории и повышение качества жизни ее населения);

- методов реализации политики идентичности: революционные или эволюционные;
- опоры на общественность или отсутствия таковой и ее реакции: поддержка или конфликт;
- степени публичности и открытости политики идентичности, участия внешних акторов и профессиональных групп в выработке целей и средств достижения политики идентичности: инклюзивных или эксклюзивных;
- политической потребности в легитимизации курса действующих властей и упрочения позиций действующего губернатора [5, с. 15].

Важным результатом *социальной инженерии* является создание *символического капитала* территории, обуславливающего в дальнейшем ее привлекательность и уникальность. Современная геополитика представляет собой сложную процедуру обмена *символического капитала* (в качестве такового выступают рыночные ценности, права и свободы человека) на капитал реальный (природные и людские ресурсы). С этих позиций перед большинством российских регионов стоит задача преодолеть собственную непривлекательность как «геополитического товара» [6, с. 19].

Понятие *символический капитал* как капитал «чести и престижа» [7, с. 231] первым ввел в научный оборот П. Бурдьё в 1980 г. в работе «Практический смысл». Специфика функционирования символического капитала, по мнению П. Бурдьё, определяется отношениями «услуга — доверие — услуга». Услуга является единицей измерения такого капитала, стоимость доверия определяется количеством и качеством вложенного в создание доверия труда. Преимуществом существования символического капитала является его мобильность, объясняемая информационной природой символического капитала. Соответственно, перспективой развития символического капитала выступает информационное накопление, ведущее к символическому могуществу конкретного общества. В отличие от материального капитала функциональные возможности символического капитала больше, поскольку он приносит как денежную выгоду, так и символическую, т. е. выгоду политического, социального, психологического, эстетического, религиозного, аксиологического и т. д. характера.

Возможности символического капитала по консолидации общества, повышению легитимности политических элит, модернизации региона обширны и, пожалуй, безграничны, а актуализация стойкой региональной идентичности является универсальным и мощным инструментом быстрого накопления «доверия», усиления единства общества, предпосылкой формирования гражданского общества или предгражданских институтов, создания массовых настроений поддержки политического курса и ряда других условий, необходимых для модернизационных процессов [8, с. 146—154].

Вопросы символического ресурса, накопления символического капитала реализуются в процессе символического менеджмента.

Под *символическим менеджментом* понимается особая политическая технология, целенаправленно используемая политическими элитами для создания различных видов символической продукции: ритуалов, традиций, образов, легенд, имиджа, брендов, мифов и т. д. Весь этот символический ресурс применяется в различных разновидностях управления, таких как *имиджмейкинг* региона — создания положительного запоминающегося образа региона; *брендинг* — формирование устойчивых ассоциаций и позитивной эмоциональной связи у людей с данным образом; *пাবлик-арт* — интеграция проектов современного искусства в пространственную среду региональных «месторазвитий», чтобы обозначить их сакральные функции или историко-культурные смыслы.

В этом случае символический менеджмент перерождается в искусство «политической манипуляции» — деятельности по управлению информационной средой с целью создания у населения желаемого представления о себе и регионе.

1. При этом стратегии конструирования новой региональной идентичности (ее корректировки, перерождения и т. д.) учитывают следующие характеристики региона: этничность, экономические процессы, геополитику, размер региона и степень урбанизации, специфику региональных элит, особенности массового политического поведения, электоральную устойчивость. А политика региональной идентичности становится «искусством возможного», используя взаимодополняющие стратегии *символического менеджмента*: контроль над политической повесткой дня; целенаправленное включение политики региональной идентичности в политический дискурс.

2. Стратегический выбор акторами моделей поведения: поиск эффективного способа продажи символической продукции на рынке политики региональной идентичности.

3. Манипуляция проблемными измерениями политики: минимизация конкуренции за счет монополизации рынка или ослабления оппонентов [9, с. 97—98].

Применение подобного символического инструментария приводит к следующим результатам:

Во-первых, упорядочиваются особенности региональной жизни, структурированные в неких понятных символах и целостных образах.

Во-вторых, минимизируются двусмысленность трактовки и возможные расхождения между идеей и ее символическим воплощением и смыслов, которые им могут приписывать люди при восприятии.

В-третьих, происходит перезагрузка региона или страны в соответствии с новой логикой символов [10, с. 122].

Заключение. Все это приводит к мощному модернизационному эффекту от солидарного действия, поддержки курса перемен. Уже отмечалось, что действие символического менеджмента направлено на индивида — «совокупного жителя территории», но на уровне управления региональные смыслы артикулируются политическими элитами. И здесь важно недопустить ситуацию диссонанса: когда новые символы и представления входят в противоречие с культурными традициями локального общества [11]. Вот почему слабое понимание политическими акторами самостождественности населения с территорией значительно сказывается на региональной и федеральной политике. Отсюда продуктивным должно стать формирование региональной идентичности как целостной совокупности трех сценариев: актуализации исторически сложившихся смыслов; поддержки и укрепления сложившихся символов в настоящем времени; поиска и конструирования на этой основе новых смыслов. Таковы сценарии «дрейфа» региональной идентичности — цивилизационной подвижности ее «прошлого», «настоящего» и «будущего» как важнейшего предварительного условия солидарной модернизации региона.

Библиографический список

1. Казакова Г. М. Регион как пространство-время идентичности: топочрон и хронотоп региональной идентичности // *Культура культуры*. 2018. № 1 (17). С. 10.
2. Казакова Г. М. Регион как социокультурный феномен. М.: НОУ УРАО, 2013. 164 с.
3. Гуревич П. С., Спирова Э. М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.
4. Назукина М. В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне России: акторы, специфика, тренды // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. 2014. Т. 14. С. 137—150.
5. Региональные идентичности и социальные отношения : монография / Е. М. Калашникова, В. А. Порозов, А. А. Краузе и др.; Пермский гос. гуманитарно-пед. ун-т. Пермь, 2014. 198 с.
6. Суханов В. М. Региональная политическая идентичность в России: теоретический анализ состояния и перспективы. Саратов, 2009. 44 с.
7. Бурдые П. Практический смысл : пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
8. Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности, методики исследования // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2018. № 29. С. 143—155.
9. Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003. Т. VI. № 2. С. 91—105.
10. Демидова М. В. Единицы измерения и ликвидность символического капитала: социально-философский подход // *Вестник Поволжской академии государственной службы*. 2014. № 2 (41). С. 117—124.
11. Мурзина Д. Ш. Роль региональных мифов в политическом сознании россиян // *Власть*. 2013. № 7. С. 102—104.

References

1. Region as space-time of identity: toponochron and chronotope of regional identity. *Kul'tura kul'tury* [Culture culture], 2018, no. 1 (17), p. 10. (In Russ.)
2. Kazakova G. M. *Region kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Region as a sociocultural phenomenon]. Moscow: NOU URAO, 2013. 164 p. (In Russ)
3. Gurevich P. S., Spirova E. M. *Identichnost' kak sotsial'nyy i antropologicheskyy fenomen* [Identity as a social and anthropological phenomenon]. Moscow: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 2015. 368 p. (In Russ.)
4. Nazukina M. V. New trends in identity politics at the regional level of Russia: actors, specificity, trends. *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2014, vol. 14, pp. 137—150. (In Russ.)

5. Kalashnikova Ye. M., Porozov V. A., Krauze A. A. et. Al. *Regional'nyye identichnosti i sotsial'nyye otnosheniya: monografiya* [Regional identities and social relations: monograph]. Perm', 2014. 198 p. (In Russ.)

6. Sukhanov V. M. *Regional'naya politicheskaya identichnost' v Rossii: teoreticheskiy analiz sostoyaniya i perspektivy* [Regional political identity in Russia: theoretical analysis of the state and prospects]. Saratov, 2009. 44 p. (In Russ.)

7. Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. St. Petersburg, Aleteya, 2001. 562 p. (In Russ.)

8. Fedotova N.G. Symbolic capital of the place: concept, features, research methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 2018, no. 29, pp. 143—155. (In Russ.)

9. Gel'man V. Ya. Political elites and strategies of regional identity. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, vol. VI, no. 2, pp. 91—105 (In Russ.).

10. Demidova M.V. Units of measurement and liquidity of symbolic capital: a socio-philosophical approach. *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2014, no. 2 (41), pp. 117—124 (In Russ.).

11. Murzina D. Sh. The role of regional myths in the political consciousness of Russians. *Vlast* ' [The Authority], 2013, no. 7, pp. 102—104 (In Russ.).

А. А. Сокровищук

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Роль созерцания прекрасного (красоты) в формировании мировоззрения: прошлое и настоящее проблемы

Философия как теоретическое мировоззрение, наряду с наукой, искусством, моралью и правом как формами общественного сознания, является одним из важнейших активов человеческой культуры. Мировоззрение относится к сенсорной стадии познания. На взгляд автора, мировоззрение — это промежуточное звено между сенсорной и рациональной стадиями познания, поскольку оно присутствует в структуре познавательного мышления. Пройдя долгую и сложную историю, античная эстетика, тесно связанная с практикой античного искусства, заложила основу для понимания многих эстетических категорий, сыгравших важную роль в продолжении истории искусства и эстетики. Гармонизация общественных отношений в цивилизованном обществе, по-видимому, должна основываться на единстве эстетики и этики. Краткий обзор взглядов самых известных философов показывает, что существует разнонаправленный вектор понимания созерцания. С одной стороны, мы говорим о чувственном познании; с другой стороны, философия утверждает, что это акт мышления. Красота — это приписывание свойства или характеристики человеку, объекту, животному, месту или идее, которые обеспечивают перцептивный опыт удовольствия или удовлетворения. Красота изучается как часть эстетики, культуры, социальной психологии и социологии.

Поскольку это может быть субъективный опыт, часто говорят, что «красота находится в глазах смотрящего». Если учитывать, что эмпирические наблюдения вещей, которые считаются красивыми, часто совпадают между группами в консенсусе, красота, как утверждается, имеет уровни объективности и частичной субъективности, которые не являются полностью субъективными в их эстетическом суждении. Уродство — это противоположность красоте.

Ключевые слова: созерцание, красота, мировоззрение, философия, созерцание прекрасного, проблемы мировоззрения, проблемы философии, прекрасное.

A. A. Sokrovishchuk

Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg,
the Russian Federation

The Role of Contemplation of the Beautiful in the Formation of the Worldview: Past and Present Issues

Philosophy as a theoretical worldview, along with science, fine arts, morality and law as forms of social consciousness, is one of the most important assets of human culture. Worldview refers to the sensory stage of cognition. In my opinion, the worldview is an intermediate link between the sensory and rational stages of cognition since it is present in the structure of cognitive thinking. Having passed through a long and complex history, ancient aesthetics, closely related to the practice of ancient fine arts, laid the foundation for understanding of many aesthetic categories that played an important role in the continuation of the history of arts and aesthetics. The harmonization of social relations in a civilized society, apparently, should be based on the unity of aesthetics and ethics. A brief review of the views of the most famous philosophers shows that there is a multidirectional vector of understanding of contemplation. On the one hand, we are talking about sensory cognition; on the other hand, philosophy claims that it is an act of thinking. Beauty is the attribution of a property or characteristic to a person, object, animal, place, or idea that provides a perceptual experience of pleasure or satisfaction. Beauty is studied as part of aesthetics, culture, social psychology, and sociology.

Since this can be a subjective experience, it is often said that “beauty is in the eye of the beholder”. Often, given that empirical observations of things that are considered beautiful often coincide between groups in consensus, beauty is claimed to have levels of objectivity and partial subjectivity that are not entirely subjective in their aesthetic judgment. Ugliness is the opposite of beauty.

Keywords: *contemplation, beauty, worldview, philosophy, contemplation of beauty, the problems of philosophy, the problems of philosophy, is beautiful.*

Введение. Душа никогда не увидит красоты, если она сначала не станет красивой, и всякий, кто хочет увидеть красоту, должен сначала сам стать красивым. Именно этот тезис Плотин утверждает в «Эннеадах».

Возможность соприкосновения судьбы человека с Красотой — одна из самых сокровенных тайн существования, которая беспокоит представителей разных культур. Человек давно пытается измерить индивидуальную и социальную жизнь потоком глобальной гармонии. Для него важна не столько сама жизнь, сколько ее полнота красоты и, прежде всего, глубокое переживание эстетической привлекательности мира. Развитие идеи красоты, идей об эстетическом идеале проходит через всю историю философской мысли. Естественно, понимание красоты и ее идеала со временем измени-

лось, поэтому мы не сможем разработать универсальное определение идеала красоты. Однако понимание красоты неизменно связано с такими категориями, как гармония, мера, симметрия, пропорциональность.

Знаменитый теоретик архитектуры Леон Баттиста Альберти, написавший десять книг по архитектуре, сказал: «Есть нечто большее, состоящее из комбинации и связи числа, ограничения и размещения, то, что чудесным образом освещает все лицо красоты. Это то, что мы называем гармонией, которая, несомненно, является источником всего очарования и красоты. В конце концов цель гармонии состоит в том, чтобы расположить части в целом разной природы в идеальном соотношении, чтобы они соответствовали друг другу.

Созданная природа измеряется законом гармонии. И нет ничего важнее в природе, чем то, что она производит, должно быть совершенно совершенным. Гармония, ибо без нее высшая гармония частей распадается» [1, с. 25].

Да, искусство — это волшебство. Исследования показали, что просмотр произведений искусства стимулирует моторную кору — часть мозга, которая контролирует движения тела. Когда вы смотрите на предмет искусства, вы не просто видите или думаете о нем, вы чувствуете его всем своим существом. Буквально, вы откликаетесь на произведение искусства всей душой и клетками, оно влияет на ваши чувства, разум, эмоции и даже ваше физическое тело. Это можно назвать первым волшебным достоянием искусства. Он проходит через вас как электрический заряд [2].

Мировоззрение возникает как сложный результат взаимодействия психики человека с окружающей средой. Важной чертой мировоззрения являются социальные ценности и установки человека. Мировоззрение является фундаментальным социальным качеством человека, формируется с детства и закладывает ядро личности.

Привлекая науку, мы открываем еще более удивительные вещи. Исследование показало, что пейзаж, особенно море, не только снижает стресс, но и ускоряет процесс восстановления после операции. Несмотря на архетип страдающего художника, существует сильная связь между творчеством (и особенно практикой художественной формы) и счастьем.

Но это не все. Через искусство вы можете открыть и понять истинную сущность важных реальностей. Знание любой из них может сделать вас счастливее. Понимание их можно считать опьяняющим, так как оно повышает качество жизни и удовольствие от нее.

Результаты исследования. Исторически сложилось так, что одной из главных проблем эстетики всегда была сама эстетика, которую чаще всего интерпретировали с точки зрения красоты, прекрасного, возвышенного. Эстетика как философия искусства и красоты — традиционные клише классической эстетики, восходящие к античности. Из текстов древнегреческих философов (Платон, Аристотель, стоики, Плотин) и теоретиков различных искусств (красноречие, музыка, архитектура) следует, что проблема красоты (в ее структурных принципах гармонии, порядка, меры, ритма, симметрии и т. д.) решалась, как правило, в онтологической сфере и имела прямое отношение к космологии.

Аристотель в своем трактате «О поэтике» [3, Т. 4], развивая античную традицию, видел смысл искусства в мимесисе (подражании). Однако, в отличие от Платона, который осуждал это конкретное искусство как «имитацию подражания», Аристотель считал, что поэтический мимесис фокусируется не столько на безрассудном копировании реальности, сколько на ее «правдоподобном» представлении в моде, вероятностном [4, Федра, Государство].

Плотин, основываясь на теории эманации Вселенной, разработал четкую иерархическую систему уровней красоты от трансцендентного (Единого) через ноуменальное до материального и рассматривал выражение прекрасного (все уровни) как одну из основных задач искусства [5].

С приходом христианства начинается новый этап имплицитной эстетики. Первые отцы Церкви (Климент Александрийский, Василий Великий, Григорий Нисский, Августин и др.) представляют Вселенную как прекрасное творение Бога-Художника; вершиной и целью божественного творчества объявляется человек, созданный «по образу и подобию» Бога. Красота во всех ее проявлениях служит возвышению человека до Бога.

Икона (важнейшее сакральное и художественное явление в православной культуре) понималась как образ идеального зримого образа архетипа, наделенного его энергией. Красота видимо-

го мира (в том числе в творчестве человека) интерпретировалась византийскими мыслителями как символ божественной красоты. Особое внимание уделяется свету (физическому и духовному) как одной из основных модификаций красоты [6].

Классическое греческое существительное, которое лучше всего переводится на английский язык словами «красота» или «красивый», было κάλλος, kallos, прилагательное — καλός, kalos. Однако *калос* может также переводиться как «хороший» или «прекрасного качества» и таким образом имеет более широкое значение, чем просто физическая или материальная красота. Точно так же *калос* употреблялось иначе, чем английское слово «красота», поскольку оно в первую очередь относилось к людям и имело эротический оттенок.

Греческое слово *койне*, обозначающее красоту, было ὥραϊος, hōraios, прилагательное hōra, этимологически происходящее от слова ὥρα, означающее «час». В греческом языке *койне* красота ассоциировалась с «бытием своего часа». Таким образом, спелый плод (своего времени) считался красивым, тогда как молодая женщина, пытающаяся казаться старше, или пожилая женщина, пытающаяся казаться моложе, не считались бы красивыми. В аттическом греческом языке слово hōraios имело много значений, включая «юный» и «зрелый возраст».

Самую раннюю западную теорию красоты можно найти в трудах ранних греческих философов досократического периода, в частности Пифагора. Пифагорейская школа видела сильную связь между математикой и красотой. Например, они отмечали, что объекты, пропорции которых соответствовали золотому сечению, казались более привлекательными. Древнегреческая архитектура основана на этом представлении о симметрии и пропорции.

Платон считал красоту Идеей (Формой) превыше всех других Идей. «По мнению Платона, интернациональность сознания, направленная на достижение вечной идеальной красоты, может служить гарантом осуществления истинности жизни, ее осмысленности. Философ говорит: «Прекрасное — трудно». Действительно, процесс возвышения в метафизическую сферу бытия знаменует собой *объективность* формальной красоты, выступающей в данном случае пределом, к которому можно только стремиться, но никогда не достигнуть. С другой стороны, сложность выражается также в определенном формировании человеком самого себя для пости-

жения красоты мира. Труд этот тяжелый, но одновременно благодарный и необходимый, ведь образное созерцание прекрасного — это познание своего внутреннего мира» [7, с. 32]. Аристотель видел связь между прекрасным и добродетелью, утверждая в «Этике», что «Добродетель стремится к прекрасному» [3, Т. 1].

Классическая философия и скульптуры мужчин и женщин, созданные в соответствии с постулатами греческих философов об идеальной человеческой красоте, были заново открыты в Европе эпохи Возрождения, что привело к повторному принятию того, что стало известно, как «классический идеал». С точки зрения женской красоты, женщина, чья внешность соответствует этим принципам, как говорят, обладает «классической красотой», в то время как основы, заложенные греческими и римскими художниками, также обеспечили стандарт для мужской и женской красоты в западной цивилизации, как это видно, например, в Крылатой Победе Самофракии. В эпоху готики классический эстетический канон красоты был отвергнут как греховный. Позднее ренессансные и гуманистические мыслители отвергли эту точку зрения и считали красоту продуктом рационального порядка и гармоничных пропорций. Художники и архитекторы эпохи Возрождения (например, Джорджо Вазари в своей «Жизни художников») критиковали готический период как иррациональный и варварский. Эта точка зрения на готическое искусство просуществовала вплоть до романтизма XIX века.

Средневековая западноевропейская эстетика (особенно в схоластический период) уделяла особое внимание гармонизации принципов и категорий античной эстетики с христианским учением, активно опираясь на опыт отцов церкви, таких как Ареопагит и Августин. Согласно францисканцу Бонавентуре, эстетически воспринимая реальность, в которой распространяется божественная красота, можно приблизиться к пониманию концепции красоты-формы-подобия в целом и, следовательно, сущности Сына, а через него и Отца.

Особенно важно познакомиться с прекрасным, понять его роль в определении смысла в современную эпоху, потому что со второй половины двадцатого века общество стало глобальной силой, поистине космической, с научными и техническими навыками, потенциалом, аналогов которому нет в мировой истории. Человечество использует атомную энергию и способно остановить течение жизни

на Земле. Соответственно, актуальность изучения феномена красоты определяется процессом массового разрушения оптимистического мировоззрения; ростом трагического мировоззрения и эгоцентризма; шифрования стабильных семантических тестов. Не случайно даже в экономически стабильных странах количество самоубийств неуклонно растет, а сотни миллионов людей страдают от различных форм депрессии. Жизнь в личной гармонии становится хрупкой и нестабильной, довольно редким состоянием, которое все труднее преодолевать в волне всеобщего хаоса. Таким образом, выделяется проблема глубокого обоснования основополагающих принципов взаимоотношений человека с окружающим миром, целенаправленного формирования ценностей, эстетического осознания [8].

Эстетическая установка — это состояние созерцания предмета с единственной целью — оценить его. Таким образом, для большинства авторов эстетическая установка бесцельна: у нас нет никаких причин заниматься ею, кроме поиска эстетического наслаждения.

Эстетическая оценка может осуществляться с помощью органов чувств: смотреть на скульптуру, деревья в цвету или горизонт Манхэттена, слушать “Богему” Пуччини, пробовать ризотто с грибами, чувствовать прохладную воду в жаркий день и т. д. Однако чувства могут быть не нужны для того, чтобы получить эстетическое отношение. Мы можем радоваться, например, воображая прекрасный дом, которого никогда не существовало, или обнаруживая или постигая детали сложной теоремы в алгебре. В принципе, таким образом, эстетическая установка может относиться к любому предмету через любой возможный способ переживания — чувства, воображение, интеллект или любую их комбинацию [9].

Доказательство того, что красота играет ведущую роль в саморегуляции внутреннего мира человека, формируя сущность смысловой полноты человеческого существования, — задача данной работы. Ведь известно, что очищение от отрицательных эмоций положительно влияет на формирование оптимистического мировоззрения. Чем больше развит эстетический опыт, тем более духовно богата личность, тем разнообразнее и полнее ее жизнь. Переход любой социокультурной системы в качественно иное состояние, связанный с эмансипацией личности и более высоким уровнем свобо-

ды, требует более глубокого творческого раскрытия себя, формирования новой личной культуры, способной противостоять процессу «атомизации» общества, росту индивидуализации.

Мир, в котором люди разделены религиозными, расовыми и национальными предрассудками, где присутствует политическая и классовая неприязнь, корпоративный и государственный эгоизм, — это все говорит о том, что обществу нужен универсальный язык красоты.

Существует богатая традиция в исследовании прекрасного, однако ответы на многие вопросы, отражающие попытку понять специфику эстетического восприятия, остаются проблематичными, противоречивыми, непроясненными. Все это побудило З. Фрейда заметить: «Польза прекрасного не слишком ясна, его культурная ценность тоже не очевидна... Эстетика как наука изучает условия постижения прекрасного; о природе и происхождении прекрасного она ничего не может сказать... К сожалению, и психоанализ может немного уяснить в природе прекрасного» [10, с. 68].

Трудность осмысления феномена красоты связана, во-первых, с тем, что прекрасное заключает в себе впечатление чего-то таинственного, загадочного, сложного для объяснения феномена. Во-вторых, эстетическое мировосприятие формируется под воздействием различных факторов (природных, социальных, метафизических, субъективных). Однако в этом интегративном слиянии многообразного, фундаментальном синтезе разных граней действительности, противоположных тенденций важно выяснить сущность красоты, смысловую направленность эстетических реалий.

Как таковое искусство часто отвергается как “лишнее”. Это неверная оценка ценности искусства. На самом деле искусство — это основа того, кто мы есть, а ностальгия — признак рациональной души человека. Без него что мы здесь делаем? Куда делись наши мечты? Возможно, нам будет удобнее оставить вызов в стороне и перейти на постоянную диету из реалити-шоу, мягкого журнального дизайна интерьера и топ-40 поп-хитов, но мы, безусловно, менее человечны для этого. Искусство не указывает на воображаемую красоту или на то, что находится только в глазах смотрящего. Скорее, она опосредует и участвует в очень реальной красоте. Эта красота вечна и жива. В этом истинный смысл ностальгии [11]. Ностальгия выводит нас из себя и ставит перед нами невыполнимую

задачу постижения мира, находящегося за пределами этого. Через искусство мы видим достаточно, чтобы поиск продолжался, и все же он всегда скрыт.

Идеалистическая же интерпретация прекрасного органически возникает из трансценденции мифологического мировоззрения в результате углубляющейся рефлексии. В нем отразилось сознание бесконечности Вселенной, чудо вселенского совершенства, жажда приобщения к метаэмпирической гармонии Космоса. Таким образом развивается и полностью оправдывается образ абсолютно совершенного существа и иницируется примат сверхчувствительной реальности, Красоты самой по себе, которая не зависит от случайных, временных, изменяющихся форм, проявлений, относительных и вихревых потоков становления.

Одна из первых попыток привести разнообразное, многослойное и противоречивое богатство реальности к рациональному единству была воплощена в философии пифагорейцев. Они разработали понятие числа, которое считалось результатом гармонического самоопределения бесконечности. Согласно пифагорейцам, число было душой гармонии, ее творческой силой, поскольку числа не только «прячутся» в таких вещах, как структура, ритм и симметрия, но они глубже самих вещей, являясь принципом их образной структуры.

Согласно Платону, истинная вечная и неизменная красота существует в комплексе идей. Эта сверхпространственная, супрафизическая идеальная красота выступала в качестве модели, «прототипов», принципов генерации видимых объектов и явлений. Идеи образуют постоянный образец отдельных предметов. Каждому классу одноименных вещей в мире чувств соответствует в мире вещей, понятых разумом, некая вечная, неявная, исчезающая, неотъемлемая причина того, что делает вещь вещью определенного класса. И поэтому сверхчувствительная красота — константа универсального совершенства. Отдельный чувственный объект воспринимается красивым только потому, что в нем актуализируется идея. С «отделением» вещи от мира идей как ядра Вселенной красота приходит в упадок, исчезает; хаотическая дисперсия увеличивается. Ибо прочность феноменальной реальности зависит от синтеза идеи и материи, от укоренения трансцендентного мира в чувствительном существе.

Следовательно, мир идей — это:

- причина или источник красоты;
- образец совершенства;
- цель, к которой стремится все чувствительное существо.

Гармония мира Идей достигается через интеллектуальный экстаз, извлечение истины из глубины собственной души. А значит, сверхчувствительный мир — это абсолютная объективная реальность. Однако для этого необходимо очистить душу от жажды чувственных удовольствий. Красота доступна только самой возвышенной и очищенной душе.

Наиболее систематически линия Платона была развита Гегелем, который также обнаружил, что за естественной оболочкой, видимой гармонией, «лежит мысль, внутреннее начало вещей», и с этой точки зрения становится ясно, что красота есть не что иное, как «чувственное проявление идеи» [9, с. 172]. Красота Гегеля отражает лишь чувственную степень развития абсолютной идеи; он менее совершенен, чем концепция. И, следовательно, чем выше уровень развития мысли, тем меньше человеку нужна Красота, отвращающаяся от истины. В итоге Гегель уничтожает роль эстетического мировоззрения. «Красота является ее [идеи] законченным воплощением и становится действенной силой, преображающей, а не отражающей (в отличие от субъективной истины или добра) действительность» [9, с. 169].

Красота человеческой жизни занимает особо важное место в составе эстетических представлений человека. Но следует понимать, что поиск гармонии, основанный на недоверии к совершенству Целого, культе борьбы, научных знаний, технологий, стремлении к полному равенству, уравниванию личности, строгой регламентации всех аспектов социальной жизни, линейного мышления, забвению глубины микрокосма, — неизбежно превращается в трагедию или фарс.

Таким образом, изучение основных сфер духовной деятельности (мифология, религия, искусство, философия и т. д.) и различных подходов, связанных с воплощением идеала, показывает, что все они родились в ответ на устремления к более прочным и непоколебимым гармоническим структурам. И в этом смысле потребность в красоте — это не просто сиюминутная прихоть человеческого воображения, а глобальная и жизненно важная веха. «Стоит упомянуть

об этом интересном факте, — отмечал З. Фрейд, — что счастье жизни прежде всего ищут в наслаждении прекрасным, где бы оно ни предстало перед нашими чувственными или интеллектуальными глазами — будь то в области человеческих форм и жесты, будь то в области естественного творчества или даже научного творчества» [12, с. 8—9].

В одной из своих статей об искусстве Ф. М. Достоевский выразил мысль о том, что потребность в красоте и творчестве, воплощающая ее, есть такая же потребность, как есть и пить, и без этого человек не хотел бы жить в мире. Это значит, что для человека важна не столько сама жизнь, сколько ее качественное наполнение, эстетическая наполненность и гармоничная привлекательность. Ведь время существования человека измеряется не количеством прожитых лет, а внутренним событием, интенсивностью, яркостью, глубиной переживаний, их смысловой направленностью, которые порождают творческое отношение к бытию. Н. А. Бердяев в своей работе «Экзистенциальная диалектика Божественного и Человеческого» сформулировал основополагающий принцип индивидуального и универсального существования: Красота «...является выражением человеческого присутствия в мире» [9, с. 173]. Изучение социальных систем прошлого и настоящего подтверждает, что вся аутентичная культура всегда была сосредоточена на следующих задачах:

1. Гармоничная организация общественной жизни.
2. Гармония между обществом и природой.
3. Улучшение самого человека.

Вот почему без преувеличения можно сказать, что стремление к красоте — это универсальная потребность, пронизывающая все грани человеческой жизни. Для мифологии ограниченная красота бесконечна, религия абсолютна, искусство — это увлекательное, тревожное явление мгновенной глубины, философия постигает интеллектуально раскрывающееся Бесконечное, наука осуществляется на основе овладения силами природы, для морали — почтение, для политики — актуализированная свобода. Именно в процессе обретения устойчивой гармонии сформировались все феномены культуры, хотя время от времени происходят различные модификации в рамках различных форм общественного сознания по отношению к Красоте. Эта основная потребность могла быть реализована

или возникла спонтанно, бессознательно; она могла быть выполнена полностью успешно, а могла трагически. Но глубокое стремление к абсолютной гармонии всегда присутствовало во всех культурах и было основной движущей силой человеческого поведения. Попытка жестко рационализировать метафизические глубины Вселенной, безграничное доверие к интеллекту, логическому аппарату для понимания феномена красоты неизбежно привели даже такого выдающегося философа, как Гегель, к такому парадоксальному и безутешному выводу.

Одна из самых влиятельных концепций красоты в истории мировой культуры возникла в рамках монотеизма. Уже в идеалистической парадигме присутствуют элементы религиозного трепета, культ сверхчувствительной и метафизической красоты. Однако, несмотря на близость к идеалистической точке зрения, религиозное учение о прекрасном имеет свои особенности.

Мы должны обратить внимание на то, что платоновский мир безличен, у него нет имени, нет истории, он воплощает законы, по которым движется космическая жизнь. Бог в идеалистическом образе существа действует как вспомогательная функция, создавая определенные формы чувственной красоты из предшествующего ему материала. В доктрине развитого религиозного сознания вместо безличных идей, определяющих чувственную красоту, бесконечно возвышается Творец всего сущего — Бог, персонифицированный субъект, наделенный атрибутами неизменной и безграничной красоты, трансцендентной, священной, надвидимая красота над Вселенной. Все величие и красота видимого мира — ничто по сравнению с невидимым величием абсолютно гармоничного Бога, от которого полностью зависит существование Вселенной. Этой высшей и божественной гармонии можно достичь, пробудив духовное видение. Основное средство познания абсолютной гармонии — требование духовной чистоты. Чем больше человек освобождается от власти тела, тем больше света истинной красоты вспыхивает в сокровенных глубинах души. Обычный человек любит красивое, но не может понять, что действительно красиво. И только возвышенный человек способен подняться из физического мира в мир высший, развивая способность к сверхчувствительному интеллектуальному созерцанию, открывая существование абсолютной гармонии.

Таким образом, с позиции монотеизма человек мог найти мир абсолютной красоты, только осознав присутствие Бога как источника вечного и безграничного совершенства, наиболее одухотворенной, наиболее насыщенной реальности. Только присоединившись к Богу как к самой сокровенной единице бытия, человек, актуализируя личный духовный опыт, способен преодолеть пестрое разнообразие мира, хрупкость внешней привлекательности, тревожную неопределенность обособленного существования.

Восхищаясь красотой жизни и соединяя себя через искусство с его вечными ценностями, мы приближаемся к гармонии. Через развитие эмоций, разума и интеллекта мы входим в мир высших достижений мировой культуры. Красоту не следует рассматривать как явление, изначально открытое для индивидуального сознания, прозрачное, представленное в обновленной, неизменной форме, вне эстетической практики. Красота носит субъективно-объективный характер, чтобы понять необходимость различных проявлений человеческой духовности. Развитие художественного творчества во всех областях искусства ведет к открытию научных или философских истин, процессам «плодотворного воздействия» на социальную жизнь, поскольку только человек с сильным менталитетом, открытым духовным опытом, способен понять истинную красоту каждой части мира. Красота — это «надстроенная ценность»: все хорошее во всех его формах, если оно воплощено чувственно, имеет, помимо своей добродетели, ценность красоты. Из всех ценностей красота — самая привлекательная. Любовь к прекрасному свободно зарождается в душе человека, и в то же время есть любовь к этим ценностям, воплощение которых создало красоту. Итак, без какого-либо насилия над волей человека, под влиянием красоты можно добиться постепенного освобождения от эгоистичных недостатков человека и пробудить в нем высокие черты характера.

Если красота универсальна, как, например, утверждал Платон, то разумно считать, что мы не познаем ее через чувства. Действительно, предметы, о которых идет речь, совершенно различны и также известны по-разному (взгляд, слух, наблюдение). Если есть что-то общее между этими предметами, то это не может быть то, что познается через чувства. Сравните красоту масляной живописи с красотой сбора цветов в поле Монтаны летом или серфинга на гигантской волне на Гавайях. Кажется, что в этих случаях нет едино-

го общего элемента: даже чувства или основные идеи, связанные с ними, не совпадают. Точно так же люди во всем мире находят красивыми различную музыку, визуальное искусство, исполнение и физические атрибуты. Именно на основе этих соображений многие считают, что красота — это ярлык, который мы прикрепляем к различным видам опыта, основанным на сочетании культурных и личных предпочтений. Если, с одной стороны, красота кажется связанной с эстетическим удовольствием, то стремление к первому как средству достижения второго может привести к эгоистическому гедонизму (эгоцентричному удовольствию, стремящемуся к самому себе), типичному символу декаданса.

Но красоту можно рассматривать и как ценность, одну из самых дорогих для человека. Например, в фильме Романа Полански «Пианист» главный герой спасается от опустошения Второй мировой войны, играя балладу Шопена. А прекрасные произведения искусства охраняются, сохраняются и преподносятся как ценные сами по себе. Нет никаких сомнений в том, что люди ценят красоту, вовлекаются в нее и желают ее просто потому, что она прекрасна. Углубление внутреннего мира человека, усиление духовного мировоззрения, основанного на Красоте, находит большой потенциал в развитии человеческого рода, каждого человека.

Определение красоты также можно найти в «Риторике» Аристотеля. Это довольно сложное определение можно упростить следующим образом: красота — это то, что само по себе драгоценно, но в то же время приятно для нас. Мысль Аристотеля также может быть представлена следующим образом: всякая красота хороша, но не все хорошее красиво; вся красота — удовольствие, но не всякое удовольствие прекрасно. Красота — это и хорошо, и приятно. Красота ассоциируется с удовольствием. Она отличается от использования большой ценностью сама по себе, а ценность пользы — результатами. В самой природе Аристотель видит красоту и порядок. А искусство — результат остроумного подражания законам матери-природы. Искусство дополняет то, что зародилось в природе, то есть энергию, направленную на определенную цель, как говорит Аристотель в «Физике». В «Метафизике» он отмечает, что природа и искусство — две главные движущие силы в мире. У природы свои внутренние законы, и через искусство есть вещи, форма которых находится в душе [3, Т. 1].

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что глубокое проникновение в невидимое, вкус абсолютной и нерушимой гармонии, опыт священного уровня пребывания во Вселенной — главное средство преодоления страха смерти, неиссякаемый источник творческого умножения Красоты, отношения к жизни. Сама культура рождается и может успешно развиваться только как факт человеческого понимания, основанного на рождении и использовании гармонического принципа в собственной душе. Благодаря своему внутреннему расколу, многомерности человек открывает мир различных проявлений красоты, интегрируя самые разные способности. Если бы люди были лишены возможности рассматривать различные аспекты действительности, они не смогли бы утвердиться в эстетическом измерении мира, соответственно, простор человеческих горизонтов не трансформировался бы в культуру. Но именно культура призвана вывести человека на уровень универсальной личности, обладающей широким спектром эстетических мировоззрений, впитывающей безграничные горизонты прекрасного. Развивая чувство прекрасного в реальной жизни, человек пытается преодолеть сопротивление сил природы, «отставание» собственного существования, раскрыть внутреннее содержание жизни. Людей больше нет, они учатся «праздновать» бытие, подниматься над неуловимой необходимостью.

На мой взгляд, степень познавательной насыщенности, обоснованности, продуманности, внутренней согласованности того или иного мировоззрения бывает разной. Но знания никогда не заполняют собой всего поля мировоззрения. Кроме знаний о мире (включая и мир человека) в мировоззрении осмысливается также весь уклад человеческой жизни, выражаются определенные системы ценностей (представления о добре и зле и другие), выстраиваются образы прошлого и проекты будущего, получают одобрение (осуждение) те или иные способы жизни, поведения. Следует помнить, что красота — это путеводная звезда любого общества, его главный ориентир в жизни, главное средство развития душевных сил, умственных способностей. Красота спасет мир, если человечество не разорвет тонкие нити духовности, связывающие его с гармоничной структурой Вселенной, с бесконечностью культурного космоса. Человеческая судьба зависит от глубокого понимания этой истины.

Библиографический список

1. Астахова А. В. Четыре книги «О семье» Леона Баттиста Альберти и их место в развитии итальянского ренессансного гуманизма : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Саратов, 1999. 234 с.
2. Апресян Р. Г. Этика. М.: КНОРУС, 2017. 356 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1976—1983.
4. Платон. Диалоги / Платон; пер. с древнегреч. В. Н. Карпова. СПб.: Азбука-классика, 2008. 445 с.
5. Плотин. Об умной красоте / Плотин; пер. А. Ф. Лосева // История античной эстетики. Поздний эллинизм / А. Ф. Лосев. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 958 с.
6. Бедулина Н. А. Осознание красоты спасет мир // Культура. Духовность. Общество. 2018. № 7. С. 35—43.
7. Сокровищук А. А. Античное понимание красоты в философии и культуре // Вопросы культурологии. 2011. № 7. С. 30—34.
8. Тетиор А. Н. Объективное восприятие красоты человеком (красота — не «страшная вещь», не «функция сверхсознания») // Sciences of Europe. 2018. № 24—4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnoe-vozpriyatie-krasoty-chelovekom-krasota-ne-strashnaya-vesch-ne-funktsiya-sverhsoznaniya> (дата обращения: 09.03.2020).
9. Куликова Т. В., Паламарчук А. М. Философия красоты в духовной традиции русской религиозной философии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 168—174.
10. Мартынов В. Ф. Философия красоты. Минск: ТетраСистемс, 1999. 336 с.
11. Погонцева Д. В. Красота как междисциплинарный объект исследований // Концепт. 2018. № 5 (21). С. 122—127.
12. Фрейд З. Психоанализ творчества. Леонардо да Винчи, Микеланджело, Достоевский. М.: Алгоритм, 2016. 256 с.

References

1. Astahova A. V. *Chetyre knigi "O sem'e" Leona Batista Al'berti i ih mesto v razvitiit italyanskogo renessansnogo gumanizma: dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03* [Four books "On the Family" by Leon Battista Alberti and their place in the development of Italian Renaissance humanism: dis. ... Cand. ist. Sciences: 07.00.03]. Saratov, 1999. 234 p. (In Russ.).
2. Апресян Р. Г. *Etika* [Ethics]. Moscow: KNORUS, 2017. 356 p. (In Russ.).
3. Aristotel'. *Sochineniya* [Works: in 4 volumes]. Moscow: Mysl', 1976—1983. (In Russ.).
4. *Platon. Dialogi* / Platon; per. s drevnegrech. V.N. Karpova [Platon. Dialogues / Platon]. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. 445 p. (In Russ.).

5. Plotin. About Clever Beauty / Plotin; per. A.F. Loseva. *Istoriya antichnoj estetiki. Pozdnij ellinizm / A. F. Losev* [History of antique aesthetics. Late Hellenism]. Har'kov: Folio; Moscow: AST, 2000. 958 p. (In Russ.).
6. Bedulina N. A. Awareness of beauty will save the world. *Kul'tura. Duhovnost'. Obshchestvo* [Culture. Spirituality. Society], 2018, no. 7, pp. 35—43. (In Russ.).
7. Sokrovishchuk A. A. Ancient understanding of beauty in philosophy and culture. *Voprosy ul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2011, no. 7, pp. 30—34 (In Russ.).
8. Tetior A. N. Objective perception of beauty by a person (beauty is not a “terrible thing”, not a “function of superconsciousness”). *Sciences of Europe*. 2018, no. 24—4 (24). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnoe-voospriyatie-krasoty-chelovekom-krasota-ne-strashnaya-vesch-ne-funktsiya-sverhsoznaniya> (accessed 09.03.2020) (In Russ.).
9. Kulikova T. V., Palamarchuk A. M. Philosophy of Beauty in the Spiritual Tradition of Russian Religious Philosophy. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, no. 5, pp. 168—174. (In Russ.).
10. Martynov V. F. *Filosofiya krasoty* [Philosophy of beauty]. Minsk: TetraSistems, 1999. 336 p. (In Russ.).
11. Pogonceva D. V. Beauty as an interdisciplinary object of research. *Koncept*, 2018, no. 5 (21), pp. 122—127. (In Russ.).
12. Frejd Z. *Psikhoanaliz tvorchestva. Leonardo da Vinchi, Mikelandzhelo, Dostoyevskiy* [Psychoanalysis of creativity. Leonardo da Vinci, Michelangelo, Dostoevsky]. Moscow: Algoritm, 2016. 256 p. (In Russ.).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

DOI: 10.34130/2233-1277-2021-2-40

Ю. С. Ананьева¹, А. Г. Жаркова²

¹Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Российская Федерация;

²Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова,
г. Барнаул, Российская Федерация

Гостиничная архитектура как маркер историко-культурных локаций: основные векторы развития

Статья посвящена рассмотрению основных тенденций развития гостиничного сектора культурных индустрий, обозначившихся на начальном этапе модернизации культуры в конце XIX — начале XX в. Отслеживаются стержневые векторы развития гостиничной архитектуры как своеобразные «маркеры» различных туристических локаций, включая их историко-культурную компоненту. Отдельно рассматриваются такие векторы, как вектор преимущественной архитектурной стандартизации; вектор, связанный со стремлением отказаться от стандартных и функционально-типовых архитектурных решений, с опорой на уникальность проектов, включая их соотносимость с особенностями местных культур; вектор, специфика которого выражена в тенденции сбалансированного смешения архитектурной стандартизации с наличием местного колорита; вектор, связанный с отражением «духа места» других культур, историко-культурных зон и эпох. Отмечается сложная природа взаимопереплетения и взаимодействия указанных векторов, которые в чистом виде в туристи-

ческом секторе встречаются реже, чем их смешанные формы. Статья содержит ряд примеров из мировой и общероссийской практики. Кроме того, отдельно рассматривается проявление указанных тенденций на материале Республики Алтай с привлечением ряда примеров гостиничной архитектуры Алтайского края.

Ключевые слова: историко-культурная зона, туристическая индустрия, массовая культура, стандартизация, историко-культурные стилизации.

Yu. S. Ananyeva¹, A. G. Zharkova²

¹Altai State Pedagogical University, Barnaul, the Russian Federation;

²Altai State Technical University named after I. I. Polzunov, Barnaul, the Russian Federation

Hotel Architecture as a Marker of Historical and Cultural Locations: the Main Vectors of Development

The article is devoted to the main trends in the development of the hotel sector of cultural industries, which were identified at the initial stage of cultural modernization in the late 19th — early 20th centuries. The core vectors of the development of hotel architecture are tracked, as a kind of “markers” of various tourist locations, including their historical and cultural component. The following vectors are considered separately: the vector of preferential architectural standardization; the vector associated with the desire to abandon standard and functional-standard architectural solutions, based on the uniqueness of projects, including their correlation with the peculiarities of local cultures; the vector whose specificity is expressed in the tendency to balance the mixing of architectural standardization with the presence of local color; the vector associated with the reflection of the “spirit of the place” of other cultures, historical and cultural zones and epochs. The complex nature of the interweaving and interaction of these vectors is noted, which in their pure form are less common in the tourism sector than their mixed forms. The article contains a number of examples from the world and all-Russian practice. In addition, the manifestation of these trends is considered separately on the example of the Altai Republic, with the involvement of a number of examples of hotel architecture in the Altai Territory.

Keywords: historical-cultural zone, tourism industry, mass culture, standardization, historical-cultural stylizations.

Введение. Гостиницы существуют с давних времен и являются непременным спутником внутрикультурных и межкультурных контактов. Постоялые дворы и караван-сарай, обеспечивавшие от-

дых и безопасность торговцев, были известны уже в эпоху античности. С течением времени постоянные дворы и гостиницы, задачей которых было обеспечить человеку временное проживание в месте, далеком от его дома, распространились во многих культурах, порой играя роль своеобразных «маркеров» мест, в которых они находились. Маркируя пространство определенных территорий, данные места становились своеобразными «точками гравитации», порой обладающими особой смысловой аурой и неповторимыми формами. Вследствие данного феномена, когда гость начинал воспринимать некую локацию через гостиничную компоненту, постоянные дворы и аналогичные заведения становились для людей извне значимыми образами соответствующих мест, иначе говоря, среди множества сооружений, существующих в той или иной локации, лишь некоторые — в том числе и гостиницы — стали выделяться.

Всплеск гостиничного строительства во многом связан с процессами модернизации (ростом промышленного производства, расширением сети коммуникаций, увеличением числа контактов, урбанизацией, массовизацией культуры и т. д.), затронувшими многие культуры во второй половине XIX — начале XX в. В рамках данных процессов внешний облик постоянных мест, караван-сараев и гостиниц, первоначально имевших общие формы во многих культурах (что во многом было обусловлено функциональными особенностями данных сооружений), стал достаточно сильно преобразовываться. Так, в дореволюционной России в 1910 г. в одной только Москве работало 228 гостиниц, не считая 77 постоянных дворов. Крупнейшими гостиницами Москвы к началу XX в. были «Гранд-отель» (снесена в 1976 г. при строительстве 2-й очереди гостиницы «Москва»), «Боярский двор» (здание сохранилось до наших дней, в нем размещается администрация Президента РФ), «Новомосковская» (сегодня — «Балчуг Kempinski»), «Европа» (здание не сохранилось), «Славянский базар» (закрыта после 1917 г.), «Лейпциг» (сегодня в здании гостиницы располагаются офисы). Большой популярностью пользовались у приезжих гостиницы «Националь», «Метрополь», «Савой». Многие гостиницы Москвы («Славянский базар», «Альпийская роза») славились на всю столицу своими ресторанами.

В XX столетии, на фоне усложняющихся процессов модернизации, усиления роли массовой культуры и последовавшей далее гло-

бализации, туристическая индустрия, включая ее гостиничную составляющую, продолжала преобразовываться. Важным фактором, способствующим трансформациям гостиничного сектора, стала деятельность культурных индустрий, во многом стимулирующих рост числа путешествий в указанный период.

Методология исследования. Методология строится на фиксации явных корреляций между процессами развития гостиничной индустрии и *историко-контекстуальными изменениями*, выраженными в росте степеней влияния модернизационных процессов на социокультурную реальность. *Органические* связи, пронизывающие всю систему культуры, позволяют отследить динамику какого-либо ее элемента в тесной связи с общесистемными изменениями, что проливает свет и на природу трансформаций изучаемого предмета. *Многовариативное развитие* гостиничного туристического сектора в условиях модернизации может быть отслежено в контексте *системного подхода*, с учетом анализа *диахронных* и *синхронистических процессов* в изучаемой сфере.

Результаты исследования. Характеризуя указанные выше преобразования в туристической отрасли, А. Брновицкая выделяет два вектора развития гостиничной архитектуры [1]. *Первый вектор* связан с развитием массового туризма в 1960-х гг., в частности с растущей стандартизацией туристической отрасли. В гостиничном секторе данный вектор выразился в распространении унифицированных и относительно «типовых» гостиничных сооружений и комплексов по всему миру.

В рамках указанного вектора архитектурные формы и уникальность художественных компонент многих гостиниц нередко нивелировались. Унификация и стандартизация порой приводили к уничтожению индивидуальных стилей и характеристик зданий. Тем не менее опыт развития мировой архитектуры показывает, что многие инновации, связанные в том числе и с тенденциями унификации и «стандартизации», спустя определенное время могли обрести черты индивидуальности и традиционности. Проявления указанного феномена, имеющего во многом парадоксальный характер, можно наблюдать и в наши дни с некоторыми «типовыми» гости-

ницами, которые сливаются с «духом места», становясь его органической частью.

Показательно в данном плане мнение многих представителей художественной культуры России, достаточно критически реагировавших на застройку Санкт-Петербурга и Москвы доходными домами, замещавшими 1–2-этажный городской ландшафт. Так, А. Бенуа, реагируя на городские инновации указанного времени, писал: «Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что за послѣднее время обликъ этого “генія” сталъ нѣсколько портиться. <...> Петербургъ за послѣднія 50 лѣтъ не тотъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ какъ-то повеселѣлъ, не къ лицу помолодѣлъ — и даже начинаетъ теперь мало-помалу походить на моветоннаго франта. <...> растеть какая-то подозрительная трава съ веселенькими цвѣточками: воздвигаются какіе-то огромные дома съ “приятными”, “роскошными” фасадами <...> — происходитъ, словомъ, что-то неладное, что-то даже прямо неприличное. Нѣсколько лучшихъ сооружений и вовсе исчезли за это время. <...> ежегодно исчезаютъ цѣлыми десятками прелестные особнячки Александровскаго и Екатерининскаго времени, перестраиваются въ огромные и роскошные доходные дома...» [2, с. [64] 2]. Также о данной тенденции в своем дневнике писал С. Р. Минцлов, указывая, что «Старый Петербург все уничтожается и уничтожается... Нет ни одной улицы почти, где бы старые двух- и даже трехэтажные дома не ломались; теперь на их месте возводятся новые кирпичные же громады...» [3, с. 73]. Не менее показательной является цитата из дневника Ф. М. Достоевского: «А теперь, теперь... право, не знаешь, как и определить теперешнюю нашу архитектуру. Тут какая-то безалаберщина, совершенно, впрочем, соответствующая безалаберщине настоящей минуты. Это множество чрезвычайно высоких (первое дело высоких) домов под жильцов, чрезвычайно, говорят, тонкостенных и скупно выстроенных, с изумительной архитектурой фасадов: тут и Растрелли, тут и позднейшее рококо, дожевские балконы и окна, непременно оль-де-бѣфы и непременно пять этажей, и все это в одном и том же фасаде» [4, с. 107]. Еще более эмоционально о тенденциях застройки старых городских районов доходными домами писала М. Цветаева:

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных

Все исчезаете вы,
<...>
Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы [5, с. 32—33].

При этом подобные инновации последней трети XIX — начала XX в. в настоящее время «вросли в ткань» культуры обеих столиц и являются особым маркером их ландшафта. Одной из значимых «зацепок» для индивидуализации указанных сооружений стали фасады, о создании которых Достоевский в том же дневнике писал: «Дожевское-то окно ты мне, братец, поставь неотменно, потому чем я хуже какого-нибудь ихнего голоштанного дожа; ну а пять-то этажей ты мне все-таки выведи жильцов пускать; окно окном, а этажи чтобы этажами; не могу же я из-за игрушек всего нашего капитала решиться» [4, с. 107]. Примечательно, что во многих гостиничных проектах XX—XXI вв., выполненных с высокой степенью стандартизации, именно фасады, включая их незначительные украшения в виде мозаик, балконов, панно, вывесок с названиями магазинов и ресторанов и т. п., становятся «лазейкой», через которую то или иное здание обретало индивидуальные черты.

Возвращаясь к основной линии статьи, отметим, что использование приемов стандартизации и унификации не только существенно снижало экономические затраты владельцев гостиниц, но и создавало некую глобальную и узнаваемую среду, в которой массовый потребитель, привыкший к определенному спектру услуг и по сути ожидающий их, чувствовал себя весьма комфортно. При всех критических нюансах таких противоречивых явлений, как массовизация и глобализация культуры, нельзя согласиться с распространенным мнением, что они полностью лишены позитивных моментов, связанных с созданием общего поля межкультурного диалога, связей и взаимообмена. Показательным в рассматриваемом вопросе выглядит оформление множества систем классификации

гостиниц, в том числе и туристических комплексов, по звездам, буквам, коронам, категориям и т. д. Что во многом свидетельствует о высокой степени стандартизации отрасли.

Среди других примеров распространения стандартизированных решений в гостиничном секторе, включая унифицированную сферу услуг, можно назвать старейшую советскую и российскую туристическую компанию «Интурист». Компания присутствует в 80 регионах РФ и сотрудничает с 7000 партнерами в 168 странах мира. Также заслуживает внимания международная гостиничная сеть, состоящая из более чем 140 гостиниц, — Park Inn by Radisson. Гостиницы данной сети, будучи расположены в разных городах за рубежом и в России, располагают комфортабельными номерами, включая «стандартные», а также предлагают соответствующий спектр услуг: разнообразные удобства, рестораны, переговорные комнаты и пр. В данном случае сама форма сетевых гостиниц уже сама по себе склоняет к тому, чтобы все было стандартно, удобно и узнаваемо.

Второй вектор, став своеобразным ответом на первый, выразился в отказе от стандартных и функционально-типовых архитектурных решений и опоре на уникальность и индивидуальность проектов, включая их связь с особенностями местных культур и ландшафтов. Делалось это посредством поиска форм и спектра услуг, отвечающих «духу» различных мест, их историко-культурным, этно-традиционным и иным особенностям. Одной из тенденций, породивших указанный вектор, по мнению А. Бронувицкой, является усилившееся в сер. 1980-х гг. постмодернистское увлечение локальной идентичностью, что привело к распространению в туристическом секторе концепции «путешествия как целостного “опыта”, что подразумевает возможность приобщиться (в максимально безопасной форме) к местной культуре не только на улице, но и в своем отеле» [1, с. 76].

Развитие указанного вектора, помимо сугубо экономических последствий, связано с усилением привлекательности мест, трансляцией и популяризацией традиционных образов и форм культур разных этносов и историко-культурных зон, что во многом способствует сохранению и обновлению их традиций. В основном указанное направление деятельности реализуется не в крупных сетевых гостиничных структурах, а в гостиничных компаниях среднего и малого звена, в том числе и в малых частных отелях. Данный век-

тор достаточно перспективен в современных условиях, однако его реализация достаточно сложна, поскольку требует определенного уровня историко-культурной грамотности со стороны держателей гостиниц, порой достаточно весомых капиталовложений и пр. Кроме того, необходим определенный уровень грамотности со стороны потребителей, что в рамках господства массовой культуры достаточно проблематично.

Отталкиваясь от тезисов А. Броновицкой, отметим, что указанные векторы встречаются как в *чистом*, так и *смешанном* виде (что бывает достаточно часто и может представлять собой *самостоятельный, смешанный или третий вектор развития изучаемого явления*), при этом комбинируясь в разных пропорциях. Например, многие гостиницы, создаваемые в рамках «стандартизирующего» вектора, так или иначе обретали некий территориальный окрас, специфику и индивидуальность (что характерно для второго из рассматриваемых векторов), порой становясь «визитными карточками» мест своего расположения.

Примечательно, что в 1950-х годах ряды московских гостиниц пополнили такие гостиницы, как «Алтай», «Восток», «Заря», «Золотой колос», «Останкино», «Турист», «Ярославская», а также гостиницы «Украина» и «Ленинградская», чьи высотные здания, включая спектр представляемых в них услуг, становились новыми и вполне индивидуализированными достопримечательностями столицы. В последующие годы новые гостиницы в Москве строились в основном за пределами Бульварного кольца — на Ленинском проспекте («Южная», «Салют»), на Ленинградском проспекте («Аэрофлот»), в Измайлово (гостиничный комплекс «Измайлово»), также становясь «туристическими маркерами» города и соответствующих районов, впитывая часть их историко-культурного колорита.

В рамках вектора «духа места» и отказа от стандартизации также присутствует масса примеров *частичной* реализации данного направления развития гостиничного дела, что вполне естественно и связано со спецификой самой гостиничной отрасли. Посетителю порой важно ощутить колорит места, слегка соприкоснуться с аутентичной историко-культурной средой, но не погрузиться в нее полностью, вкусив все особенности традиционного образа жизни, аутентичной кухни и быта, — что во многих случаях достаточно сложно для неприученного к определенным условиям быта по-

требителя. Как следствие, индивидуальность и связь с историко-культурными особенностями места во многих случаях заявляется, но реализуется частично. Тем не менее существуют примеры и полного погружения в колорит определенных культур и территорий на уровне этно-гостиниц, этно-деревень, а также некоторых форм «нетрадиционного» и экстремального отдыха.

Отмеченные тенденции соприсутствия указанных «векторов» можно наблюдать и на уровне отдельных регионов России. Одним из таких регионов, где сильно распространен туризм, является Республика Алтай — регион России на юге Сибири, находящийся в самом центре Евразийского континента. Республика Алтай соседствует с Алтайским краем, Новосибирской областью, Кемеровской областью, с Республиками Тува и Хакасия, также регион является пограничным с Казахстаном, Монголией и Китаем.

Активное развитие туризма на Алтае началось во второй половине XX в. Среди популярных на сегодняшний день видов отдыха наибольшим спросом пользуются автомобильный, пеший, конный, водный, альпинистский, лечебно-оздоровительный, фестиваль, охотничий, рыболовный, спелеологический и иные виды отдыха, напрямую или частично связанные с гостиничной сферой. Даже с учетом того, что для многих туристов Горного Алтая важно погрузиться в экстремальные условия, туристическая база или отель могут выступать местом, откуда совершаются радиальные прогулки, пешие или конные походы либо осуществляется транзитный отдых. Как следствие, на территории Республики Алтай появилось большое количество туристических баз, гостиниц и кемпингов самого разного уровня экономической доступности, предоставляющих целый спектр услуг, в том числе и связанных с позиционируемой историко-культурной зоной и природной средой.

Индустрия туризма является одним из эффективных путей, обеспечивающих преемственность культурогенеза, представляющего собой противоречивое единство процессов сохранения, трансляции и обновления культуры [6, с. 7]. В Республике Алтай многие жители являются хранителями традиционной культуры, они продолжают транслировать и адаптировать к современности многие ее аспекты. Указанное качество находит свое проявление и на уровне трансляции традиционных аспектов архитектуры в гостиничной сфере. При этом, как отмечает Г. Ф. Терещенко: «В процес-

се строительства новых объектов среды и реконструкции старых актуальной проблемой выступает создание гармоничной взаимосвязи современной и традиционной культур» [7, с. 3]. В данном вопросе, по справедливому замечанию исследователя, «научно обоснованный поиск решений этой проблемы невозможен без учета эволюционных связей исторических эпох и преемственности традиций» [7, с. 3]. Указанное обстоятельство ведет к повышению внимания к историко-культурному наследию регионов с целью сохранения своеобразного национального колорита в современной архитектуре и ландшафтном дизайне.

Характеризуя соприсутствие изучаемых векторов развития гостиничной архитектуры, необходимо указать, что в республике они представлены достаточно ярко, с учетом их полярных и смешанных форм.

Первый вектор — преимущественной архитектурной стандартизации — находит свое проявление в гостиницах и во многом «архитектурно-типовых» базах. Среди примеров особого архитектурного акцента на указанную тенденцию уместно назвать отели «Югославский» и «Алира Пэлас», расположенные в пределах парка-отеля «Ая» на сопряженной территории с Республикой Алтай. Там же рядом располагается «Алтайская Ривьера» — самый большой комплекс бассейнов в России, построенный по мировым стандартам в 2017 г. Символом парка стала беседка на озере, выполненная в классическом стиле. Турбаза «Юность» на берегу Катуня является одной из самых старых и «заслуженных» баз отдыха Горного Алтая; она расположена на правом берегу Катуня в 2 км за селом Союзга, на живописной речной террасе. Также уместно отметить стандартизированные и в некоторых случаях эклектичные отели, такие как: «Усадьба Ника» (с. Узнезя); гостиничные комплексы «Ареда 1», «Ареда 2-3» (Урочище Ареда, с. Чемал); гостиница «Салют», расположенная при въезде в село Узнезя; и другие. Наконец, обращают на себя внимание такие туристические комплексы, как «Силагор», гостиница «Солнечная» и турбаза «Берёзка», расположенные среди живописных гор в пос. Катунь Алтайского края. Многие подобные сооружения строились в советское время. Кроме того, данный вектор находит свое проявление и в наши дни. Проследить историко-культурные образы в подобных сооружениях достаточно трудно. Отпечаток местной историко-культурной колористики в них порой

не выражен, и многие такие сооружения могли бы располагаться и в других регионах.

Если обобщить, то можно сказать, что в этом направлении туристическая сфера региона пытается предоставить потребителю архитектуру европейского уровня и комфорта, вполне привычную вкусам современного массового потребителя туристической отрасли.

Второй вектор в гостиничной архитектуре Горного Алтая связан со стремлением отказаться от стандартных и функционально-типовых архитектурных решений, с опорой на уникальность проектов, включая их соотношенность с особенностями местных культур; данный вектор также получил распространение на территории республики. Особенностью представленного региона является богатство различными историко-культурными традициями, многие из которых уходят корнями в глубокое прошлое. Например, в современных гостиничных комплексах достаточно часто можно выделить образы и формы, соответствующие традиционным жилищам алтайцев, русского казачьего и старообрядческого населения, а также традициям других, в том числе и археологических культур, нашедших свой кров в горах Алтая.

Как следствие, на Алтае получили распространение несколько типов жилищ, возникших в контексте различных историко-культурных традиций и контактов: «Срубное жилище свидетельствует об оседлом образе жизни, войлочное — о кочевом, каркасное — больше присуще охотникам и рыбакам таежной зоны» [8, с. 178]. В частности, в качестве основных архитектурных форм традиционной культуры алтайцев воспроизводятся **аилы**: «Чаще всего это четырех- или шестиугольное сооружение — *чертпе (или чеден) айыл* с конусообразной или полусферической крышей и дымовым отверстием *тундук*» [8, с. 176—177]. Аилы строились из бревен, досок и жердей, поставленных почти вертикально с небольшим наклоном внутрь. Сверху аил покрывался корой, берестой или тесом (начиная со втор. пол. XIX в.). Примечательно, что в настоящее время аилы становятся преимущественно летними жилищами. Кроме того, в XIX в. на летних пастбищах широкое бытование имели **войлочные юрты** (*кийис*, или *кереге*), которые в наше время встречаются не так часто. Также редкостью становится **конусообразное жилище**, покрытое корой лиственницы или березы. Алтайцы называют такое жилище — *содон аил, чадыр, аланчык*. По

мнению многих ученых, данный тип жилища является наиболее древним из жилищ, нашедших широкое распространение у народов Сибири. В наши дни айлы можно встретить на участках в сельских поселениях, а также в городе, рядом с домами, приспособленными для круглогодичного проживания. Достаточно активно различные айлы, юрты, а также их архитектурные элементы воспроизводятся в современной туристической отрасли. Кроме того, важной составляющей прилегающего к жилищу пространства является коновязь (*чакы*) — «символ, герб кочевого мира, в котором конь, по убеждению алтайцев, *эрдьине мал* — покровитель хозяина, залог его удачи» [8, с. 179].

Так, с опорой на следование традиционным аспектам архитектуры региона построены многие базы и комплексы (включая их отдельные элементы): например, «Уч-Энмек», на территории которого в 2014 г. в визит-центре парка (с. Каракол) была построена гостиница европейского стиля, но также и несколько деревянных алтайских традиционных жилищ — айлов и войлочных юрт. Кроме того, обращает на себя внимание эко-туркомплекс «Кочевник» (с. Чибит), на его территории можно увидеть войлочные юрты. На отдых в юртах ориентирована туристическая база «Алтай Космос» (Чуйский тракт, 483 км) и юрточный кемпинг «Тыдтуярык» (в Кош-Агачском районе), здесь можно увидеть 12 юрт, аил и арт-коттедж; также отдых в юртах предлагает турбаза «Барангол-Зеленогорье», расположенная в селе Усть-Сема; заслуживает упоминания база отдыха «У Егорыча» (в Онгудайском районе), предлагающая для размещения гостей несколько домиков-айлов, выстроенных в национальном стиле, и два современных двухэтажных дома; и другие базы. При этом в указанных комплексах все же могут смешиваться как историко-культурные, так и стандартизированные постройки.

Третий вектор, специфика которого выражена в тенденции сбалансированного смешения архитектурной стандартизации с наличием местного колорита, является наиболее распространенным в изучаемой отрасли. Дело в том, что рассмотренные выше векторы стандартизации и «духа места» в чистом виде хоть и встречаются, но все же реальность указанного сектора такова, что потребитель, желающий соприкоснуться с местной культурой, не всегда готов полностью отказаться от того уровня сферы услуг и комфорта, к которому он привык; кроме того, не стоит забывать и об экономи-

ческой составляющей вложений в гостиничный сектор. Как следствие, на фоне взаимодействия стандартизирующих и индивидуализирующих тенденций в развитии гостиничной архитектуры формируется масса ее смешанных форм. Указанный вектор можно проиллюстрировать на примере гостиницы при Центре лечебного голодания «Улутай», расположенного недалеко от села Аскат, по форме напоминающей соединенные с собой огромные айлы. Также достаточно стилизованно выглядит внутреннее убранство юрт в комплексе «Алтын-Тас» (Чуйский тракт, 545 км), приспособленных для нужд кафе.

Необходимо указать, что многие сооружения, иллюстрирующие данный вектор, соответствуют историко-культурным аспектам территории на уровне определенных заимствований, аллюзий и стилизаций; другие имеют некоторые отклонения от традиционных историко-культурных основ территории. Тем не менее в рассматриваемом вопросе необходимо учесть, что буквальное копирование форм и образов культур прошлого не всегда возможно и целесообразно. Особенно отчетливо это проявляется в том, что каждой эпохе, включая современность, присущи особые принципы организации архитектурного пространства в его функциональном, внутреннем и ансамблевом единстве, а также в связи с вмещающим ландшафтом. Точный повтор историко-культурных архитектурных форм нередко бывает излишним и неудобным для пользователей гостиничного сектора. Нынешний этап развития культуры характеризуется тем, что в условиях глобализации идет поиск компромисса на уровне архитектурных решений между их стандартизированными и индивидуализированными с точки зрения отражения «духа места» формами.

Таким образом, примеров архитектурных воплощений указанного вектора достаточно много — как соответствующих историко-культурным аспектам территории на уровне определенных заимствований, аллюзий и стилизаций, так и имеющих определенные отклонения от ее традиционных основ. В данном случае необходимо помнить, что различные культуры не стоят на месте и пребывают в постоянных культурогенетических преобразованиях, например в сложных перипетиях модернизационных процессов, которые не всегда обеспечивают органичные каналы трансляции традиций на современном этапе, порой рождая «разрывы» в историко-

генетических цепочках передачи от поколения к поколению традиционных аспектов культур. К примеру, эти тенденции достаточно ярко отражаются на уровне этнотрадиционных сувениров. Причем последние нередко провоцируют данные «разрывы», навязывая потребителю искаженные представления о культуре того или иного этноса. Указанное обстоятельство делает достаточно актуальным грамотный и взвешенный подход к вопросу отражения различных элементов и образов традиционных культур в сфере современного туристического сектора и в частности — его гостиничного сегмента.

Кроме того, в рамках изучаемого вопроса необходимо выделить еще один — *четвертый вектор* — развития гостиничной архитектуры, проявляющий себя в мировых архитектурных тенденциях, в том числе и в Республике Алтай. Речь о достаточно оригинальном направлении, *связанном с отражением при помощи архитектуры «духа места» других культур, историко-культурных зон и эпох*. Указанный вектор носит во многом противоречивый характер и имеет своих сторонников и критиков. Рассматривая положительные стороны подобного явления, необходимо отметить, что при помощи копирования и репликации памятников мирового архитектурного наследия и его историко-культурных стилизаций может быть повышена туристическая привлекательность различных локаций. Кроме того, указанная составляющая достаточно эффективна в повышении рекреационного и развлекательного потенциала туристических мест. Также отметим, что популяризация данного феномена во многом отражает тенденции глобализации культуры, распространения стереотипов и «ожидаемых» образов в современном туристическом секторе. Не стоит упускать из виду проявления фактора «постмодернистской иронии», во многом выраженного в спокойном отношении к смешению форм, образов и смыслов различных эпох в пространстве и времени. Среди примеров указанных тенденций на уровне мирового опыта можно назвать создание историко-культурных копий и стилизаций в КНР. Так, в Китае воспроизведены: Тауэрский мост в г. Сучжоу; Афинский Парфенон в г. Ланьчжоу; Эйфелева башня в г. Тиандученг; Сиднейский Оперный театр, Белый дом и статуи Моаи в Пекине; Римский Колизей в Макао; Большой Сфинкс в г. Чучжоу; пирамида Лувра в г. Чунцин; Карнакский храм в г. Вухан; Пизанская башня в г. Шанхай; многие дру-

гие достопримечательности. «Одним из ярких примеров воплощения рассматриваемых практик является тематический парк “Окно в мир” площадью 480 000 квадратных метров, созданный в курортном китайском городе Шеньчжень. На обширной территории разместились все мировые достопримечательности. Восемь тематических зон посвящены Азии, Африке, Америке, Европе, Океании; среди объектов также есть Площадь мира, Международная улица и Парк скульптур. Желающие могут побродить вокруг уменьшенной копии Сиднейской оперы, поплавать по каналам Венеции, оценить величие Парфенона, есть даже Кремль и мини-мавзолей Ленина... Словом, любой памятник к вашим услугам. Остается вопрос лишь к качеству репродукций, которые, во-первых, уменьшены, а во-вторых, всё-таки интереснее смотреть на оригинал, вписанный в контекст истории и места» [9, с. 40].

Проявления указанной тенденции обнаруживают себя и в России, в том числе и на Алтае. Однако в рамках рассматриваемого региона речь идет не о буквальном копировании шедевров мировой архитектуры, а об историко-культурных стилизациях — замки, средневековые крепости, укрепления викингов, жилища североамериканских индейцев, таверны, пирамиды, шале и другие архитектурные аллюзии и стилизации встречают гостей Горного Алтая. Достаточно показательным примером, хотя административно и относящимся к территории соседнего региона — Алтайского края, является гостиничный комплекс «Корона Алтая» на острове Пихтовый посреди реки Катунь: здание гостиницы оформлено в виде средневекового замка с башней, увенчанной короной; на остров можно попасть только по подвесному мосту. Другой пример заимствованной стилизации — обзорная площадка-пирамида «Золотое сечение» в Чемале, к которой ведет лестница из 440 ступенек. Смотровая площадка, по местной легенде обладающая лечебными свойствами и положительной энергетикой, построена из голубого стеклопластика. В соседнем регионе своеобразной стилизацией игровой культуры Лас-Вегаса является «Алтай Пэлас Отель» («Altai Palace»), расположенный на территории игровой зоны «Сибирская монета» в Алтайском крае, в долине горной речки Каим. Данный комплекс даже именуют как «Сибирский Вегас».

Среди критических положений представленных репликаций выделяются мнения, согласно которым подобного рода копии и

стилизации, размещенные в местах, не имеющих к ним историко-генетического отношения, выглядят не всегда уместными, а порой противоречащими вмещающему ландшафту. Кроме того, указанный компонент во многом нивелирует и оттеняет этнокультурную и историко-генетическую привлекательность соответствующих локаций, нередко обладающих собственным и достаточно высоким туристическим потенциалом; следование массовому вкусу может дать быстрый экономический эффект; однако в стратегическом плане, выраженном в сохранении и популяризации культурного своеобразия соответствующих регионов, указанные меры не всегда себя оправдывают. Горный Алтай является местом с богатейшими культурогенетическими напластованиями: начиная с древнейшего периода истории на его территории обосновывались и сменяли друг друга различные культуры, каждая из которых обладала уникальными чертами, а также в силу проявления «эффекта общей историко-культурной зоны» определенной преемственности по отношению к предыдущим культурам региона.

Тем не менее необходимо учитывать, что степень историко-культурных стилизаций может варьироваться достаточно сильно — от явного следования некоему историко-культурному стилю до легких интерпретаций его мотивов. В последнем случае подобные стилизации нередко воспринимаются вполне естественно, вне поля историко-культурных заимствований — скорее, как игра форм и творческой фантазии архитекторов, которые в своей работе достаточно часто обращаются к различным стилевым и тематическим элементам. Например, к такому воспроизводству историко-культурных мотивов относятся так называемые фахверковые дома, получившие воплощение и в архитектуре гостиничных комплексов Горного Алтая. Среди примеров данного стиля в Республике Алтай можно назвать комплекс «Клевер Резолт» (Чемальский тракт, 51 км); мини-гостиница «Усадьба Кедр» с террасой, расположенная в с. Чемал; отель «Green Landiya», находящийся в с. Манжерок; курортный отель «Манжерок», расположенный в окружении зелени и живописных Алтайских гор в том же селе; спортивный-отель «Айтау» с видом на горы в с. Чемал. Эти современные комплексы придают европейский колорит архитектуре гостиниц Горного Алтая, но не несут исторической привязки к местности — зато удачно выбран-

ный стиль из природного материала хорошо сочетается с местным ландшафтом и привлекает отечественных и зарубежных туристов.

Отмеченные историко-культурные стилизации прослеживаются также в стиле «адирондак», получившем особую популярность в архитектуре гостиничных комплексов на территории Горного Алтая в 1990-е гг., что во многом стало реакцией на уходящую моду на модерновые здания. Удачной стилизацией является уникальный природно-оздоровительный комплекс «Алтай Resort», расположенный в селе Урлу-Аспак Майминского района. Среди многих сооружений гостиничного комплекса обращают на себя внимание несколько коттеджей из массива кедра в русской стилизации под адирондак. Примечательно, что такие гостиничные комплексы зачастую называют «туристическими экоотелями». Еще одним примером стилизации под адирондак является гостиничный комплекс «Орлиное гнездо», расположенный в 3-х километрах от пос. Усть-Муны на берегу р. Катунь; в том же направлении выполнен отель «Altay Sense» в сосновом лесу на берегу Катунь, в 3-х км от с. Чепош; также обращают на себя внимание: гостиничный комплекс «Лесотель» в селе Соузга Майминского района; комплекс для отдыха «Таежный угол» с видом на озеро, расположенный в пос. Тавда; комплекс для отдыха «Байгабак» в пос. Узнезя; «Алтаир» возле с. Чепош.

Заключение. Таким образом, гостиничная архитектура Горного Алтая отражает различные тенденции развития туристической отрасли, в том числе ее направленности на стандартизацию построек, а также на отражение историко-культурного колорита республики, включая смешанные формы указанных тенденций, а также вектор репликаций памятников мирового архитектурного наследия и стилизаций под различные историко-культурные эпохи. Территория Горного Алтая представляет собой уникальный историко-ландшафтный заповедник, не имеющий аналогов в мире. Гармоничный симбиоз туристических комплексов и первозданной природы Алтая может стать залогом формирования более крупных гостиничных кластеров с более амбициозными целями, чем сейчас.

Библиографический список

1. Броницкая А. Гостиницы: особенности жанра // Проект Россия. Hospitality. 2008. № 47. С. 76—83.

2. Бенау А. Живописный Петербургъ // Миръ искусства. 1902. Т. 7. № 1. С. [64] 1—5.
3. Минцлов С. Р. Петербург в 1903—1910 годах / подг. текста, биографич. очерк и прим. К. Н. Веселовского. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2012. 287 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 21. Дневник писателя 1873. Статьи и заметки 1873—1878. Ленинград: Наука, 1980. 552 с.
5. Цветаева М. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Драматические произведения / вступ. статья Вс. Рождественского; подг. текста и коммент. А. Саакянц. М.: Худож. лит., 1984. 567 с.
6. Бондарев А. В. Отечественная культурогенетика: истоки, развитие и современное состояние (вместо предисловия) // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 7—28.
7. Терещенко Г. Ф. Художественные традиции как источник самобытности современного дизайна среды Горного Алтая : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. 17.00.04 — изобразительное искусство, декоративно-прикладное искусство и архитектура. Барнаул, 2008. 25 с.
8. Кыдыева В. Жилище кочевника // Алтай — духовный центр Евразии / гл. ред. А.М. Тарунов; 2-е изд., испр. и доп. М.: Науч.-информ. изд. центр, 2012. С. 176—179.
9. Ананьева Ю. С., Жаркова А. Г. Архитектурные копии и историко-культурные стилизации в туристической сфере // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. № 4 (26). С. 38—44.

References

1. Bronovickaya A. Hotels: features of the genre. *Proekt Rossiya. Hospitality* [Project Russia. Hospitality], 2008, no. 47, pp. 76—83. (In Russ.)
2. Benua A. *Zhivopisnyj Peterburg* [Picturesque Petersburg]. *Mir iskusstva* [World of Art], 1902, vol. 7, no. 1, pp. [64] 1—5. (In Russ.)
3. Minclov S. R. *Peterburg v 1903—1910 godah / Podg. teksta, biografich. ocherk i prim. K. N. Veselovskogo* [Petersburg in 1903—1910 / prep. text, biographical. sketch and approx. K. N. Veselovsky]. B. m.: Salamandra P.V.V., 2012. 287 p. (In Russ.)
4. Dostoevskij F. M. *Poln. sobr. soch. v tridcati tomah. T. 21. Dnevnik pisatelya 1873. Statji i zametki 1873—1878* [Full collection op. in thirty volumes. T. 21. Diary of a writer 1873. Articles and notes 1873—1878]. Leningrad: Nauka, 1980. 552 p. (In Russ.)
5. Tsvetaeva M. *Sochineniya. V 2-h t. T. 1. Stihotvoreniya; Poemy; Dramaticheskie proizvedeniya / Vstup. statya Vs. Rozhdestvenskogo; Podg. teksta i komment. A. Saakyanc* [Works: in 2 volumes. V. 1. Poems; Poems; Dramatic works

/ entry. article Vs. Rozhdestvensky; prep. text and comments. A. Sahakyants]. Moscow: Hudozh. lit., 1984. 567 p. (In Russ.)

6. Bondarev A.V. Domestic cultural genetics: origins, development and current state (instead of a preface). *Kulturogenез i kulturnoe nasledie / Nauch. red. i sost. A.V. Bondarev* [Culture genesis and cultural heritage / scientific. ed. and comp. A. V. Bondarev]. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2014, pp. 7—28. (In Russ.)

7. Tereshchenko G. F. *Hudozhestvennye tradicii kak istochnik samobytnosti sovremennogo dizajna sredey Gornogo Altaya. Avtoref. diss. ... kandidata iskusstvovedeniya. 17.00.04 — izobrazitelnoye iskusstvo, dekorativno-prikladnoye iskusstvo i arhitektura* [Artistic traditions as a source of self-existence of modern design of the Gorny Altai environment: author. dis. ... Cand. art history. 17.00.04 — fine arts, arts and crafts and architecture]. Barnaul, 2008. 25p. (In Russ.)

8. Kydyeva V. Nomad's dwelling. *Altaj — duhovnyj centr Evrazii / Gl. red. A. M. Tarunov; 2-e izd., ispr. i dop.* [Altai — the spiritual center of Eurasia / Ch. ed. A. M. Tarunov; 2nd ed., rev. and add.]. Moscow: Nauch.-inform. izd. centr, 2012, pp. 176—179. (In Russ.)

9. Ananyeva Yu. S., Zharkova A. G. Architectural copies and historical-cultural stylizations in the tourism sector. *Uchenye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kultury i iskusstv)* [Scholarly notes (Altai State Academy of Culture and Arts)], 2020, no. 4 (26), pp. 38—44. (In Russ.)

Е. В. Болгова

Мурманский арктический государственный университет,
г. Мурманск, Российская Федерация

Образ человека в зооморфной картине мира: языковые проявления антропоморфизма vs зооморфизм*

Актуальность работы обусловлена непреходящим стремлением ученых исследовать языковую картину мира конкретного языка как часть его культуры, тесно связанной с традициями народа и языковой компетенцией носителя языка. Цель работы состоит в анализе взаимодействия процессов антропоморфизма и зооморфизма в семантической структуре лексического значения зоонимов русского языка. Объектами исследования являются зоонимы тематической группы «Морские млекопитающие». Источники исследования — 23 словаря современного русского языка, в том числе толковые словари литературного и субстандартного языка, словари сравнений, а также тексты, взятые из Национального корпуса русского языка. Впервые системно описаны антропологические признаки зоонимов современного русского языка с точки зрения векторов «язык → речь», «норма → узус».

Результаты исследования. Рассмотрены положения антропоцентрического подхода к языковым явлениям и доказано, что антропоцентрический подход при этом позволяет по-иному взглянуть не только на процесс языковой номинации, но и на ее результат — специфику семантической структуры данной группы лексики. В настоящем исследовании используется семантико-прагматический подход к исследованию зоонимов, предполагающий такой анализ слова, который обнаруживает не представленные в словарном толковании антропологические признаки зоонима как результат его функционирования в современной речевой практике. Показано, что в списке признаков, актуализированных в речевой практике носителей русского языка, представлены компоненты, которые не являются истинными признаками животного, а являются качествами, сформированными на основе результатов человеческой деятельности, в чем и заключа-

© Болгова Е. В., 2021

* Статья была представлена на XV Международной научной конференции «Семиозис и культура: современные культурные практики» (28—29 мая 2021 года, г. Сыктывкар), организованной институтом культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

ется диалектика взаимоотношений антропоморфных и зооморфных черт семантических отношений в языке.

Ключевые слова: антропоцентризм, зооморфизм, зоонимы, метафора, антропологический признак, речевая практика.

E. V. Bolgova

Murmansk Artic State University, Murmansk, the Russian Federation

The Person's Image in a Zoomorphic Worldview: Language Instances of Anthropomorphism vs Zoomorphism

The relevance of the work is due to the enduring desire of scientists to explore the linguistic picture of the world of a particular language as part of its culture, closely related to the traditions of the people and the linguistic competence of a native speaker. The aim of the work is to analyze the interaction of the processes of anthropomorphism and zoomorphism in the semantic structure of the lexical meaning of the zoonyms of the Russian language. The objects of research are zoonyms of the thematic group "Marine mammals". Sources of research are 23 dictionaries of the modern Russian language, including explanatory dictionaries of the literary and substandard language, dictionaries of comparisons, as well as texts taken from the National Corpus of the Russian language. For the first time, the anthropological signs of zoonyms of the modern Russian language are systematically described from the point of view of the vectors "language → speech", "norm → usus".

Results of the work. The provisions of the anthropocentric approach to linguistic phenomena are considered and it is proved that the anthropocentric approach at the same time allows you to look differently not only at the process of linguistic nomination, but also at its result — the specifics of the semantic structure of this vocabulary group. The present study uses a semantic-pragmatic approach to the study of zoonyms, which presupposes such an analysis of a word that reveals anthropological features of a zoonym that are not represented in the dictionary interpretation as a result of its functioning in modern speech practice. It is shown that the list of features actualized in the speech practice of native speakers of the Russian language does not represent the components that are not primordial features of an animal, but includes the qualities formed on the basis of the results of human activity, which is the dialectic of the relationship between anthropomorphic and zoomorphic features of semantic relations in the language.

Keywords: anthropocentrism, zoomorphism, zoonyms, metaphor.

Введение. В современных гуманитарных исследованиях давно принят за основу тот факт, что человек – мера вещей научного познания. Антропоцентрическая парадигма предполагает, что в осно-

ве мироздания стоит человек, который не просто уподобляет окружающий мир своему образу и подобию, но и в окружающем мире ищет черты, приспособленные к его нуждам и потребностям.

Соотношение человека и окружающего его мира (космоса) нашло отражение в описании таких процессов, как антропоцентризм, биоцентризм и экоцентризм. В работах ученых, начиная с античности, выделяется антропоцентрический (антропоцентричный, антропологический) подход, который считает человека самым интересным объектом исследования. По мнению древних, интереснее человека нет ничего (см. об этом, например: [1]). Идея превосходства человека над природой породила противоположный подход — биоцентризм, который подразумевает идею освобождения природы от человеческих притязаний на господство (см., например: [2]). Кроме того, в истории науки и развития человеческой цивилизации исследовательская мысль выходит за рамки сравнения двух противоположностей и пытается, с одной стороны, концептуализировать экологическую ответственность с позиций этики, а с другой — вернуть человека в сферу общественного бытия и целостного мировосприятия. Поэтому в научной среде обсуждается, с одной стороны, соотношение антропоцентризма, биоцентризма и экоцентризма (см., например: [3]), а с другой — антропоцентризма и антропокосмизма (см., например: [4]). В любом случае человек является звеном процесса и при анализе явлений, особенно языковых, превалирует идея его самоидентификации как *Homo sapiens* и представителя этноса.

В исторической динамике отношений человека и животного мира отмечаются две тенденции, которые проявляются и в современных культурных практиках, — это антропоморфизм (наделение человеческими свойствами животных) и зооморфизм (наделение людей свойствами животных). Граница между этими тенденциями достаточно зыбка, что проявляется в создании термина «анти-антропоморфизм» в значении «уподобление человека животному» [5, с. 16], а также в констатации глубинной «очеловеченной» связи между признаками в языковой метафоре, построенной по модели «животное → животное» [6, с. 97].

Древние антропоморфные и зооморфные представления, как утверждают исследователи, актуализируются в современную эпоху в новых формах культурных практик. Так, одним из проявле-

ний зооморфизма в современном обществе является движение фриков, а антропоморфизма — «очеловечивание» домашних питомцев (наличие гостиниц для животных, магазинов одежды, аксессуаров, парикмахерских и т. д.) (см., например: [7]). Актуализация этих противоположных, на первый взгляд, тенденций в языковой культурной практике особенно востребована в связи с усилением позиции гуманистических идей. В этом состоит актуальность настоящей работы.

Гипотезой исследования можно считать утверждение о том, что в процессе функционирования зоонимов в переносном значении в современном русскоязычном дискурсе проявляются и антропоморфные, и зооморфные тенденции.

Цель работы — проанализировать проявления антропоморфизма и зооморфизма в семантической структуре лексического значения зоонимов русского языка в процессе речевой коммуникации. Объект — зоонимы современного русского языка. Предмет — функционирование зоонимов русского языка в современной речевой практике носителей языка. Материал и источники исследования — 150 сочетаний с зоонимами русского языка тематической группы «Морские млекопитающие», отобранных методом сплошной выборки из словарей современного русского языка [8; 9; 10] и Национального корпуса русского языка [11]. «Русский семантический словарь» в группе «Китообразные, ластоногие, сирены» выделяет 15 названий животных: *белуха, дельфин, дюгонь, единорог, кашалот, кит, косатка, котик, крылатка, ламантин, морж, нарвал, нерпа, сивуч, тюлень*, не считая таких составных названий, как *морская (стеллерова) корова, морской заяц, морской лев, морской леопард, морской слон* [9, с. 426—427]. Тем не менее в качестве объекта исследования Е. Е. Юрков отбирает только три из них: *кит, морж и тюлень* [12, с. 241]. Отбор лексем ученый объясняет тем, что данные лексемы имеют образные переносные значения. Такие значения могут быть зафиксированы современными словарями, а могут быть не зафиксированы. Но в таком случае лексемы обладают переносным значением, отличающимся достаточной воспроизводимостью в современном словоупотреблении [12, с. 146]. Новизна работы состоит в анализе проявлений коннотации в речи, которые обычно не фиксируются словарями, но воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания. Новизной работы яв-

ляется также утверждение, что в процессе функционирования зоонимов в переносном (метафорическом) значении в современной русскоязычной практике выявляется взаимодействие антропоморфных и зооморфных тенденций.

Методы исследования, теоретическая база. Методы исследования — семантико-прагматический метод и компонентный анализ. Основным подходом в работе является семантико-прагматический метод, под которым понимается такой анализ семантической структуры слова, который обнаруживает характер отношений говорящего к описываемой словом действительности и к адресату сообщения. Использование семантико-прагматического подхода в нашем понимании непосредственным образом связано с той методикой компонентного анализа, которая определяется как «синтагматический путь». В отличие от «парадигматического пути», который представляет собой компонентный анализ слова вне его употребления, используемый в настоящем исследовании компонентный анализ — это компонентный анализ слова в речи. При изучении семантической структуры слова синтагматическим путем учитывается, прежде всего, контекст и ситуация, а также дистрибуция (непосредственное окружение слова) [13, с. 135].

Известно, что метафорическое значение зоонимов привлекает внимание исследователей языковой картины мира, проблем культурной идентичности и национальной специфики поведения.

Разнообразие наименования компонента семантики зоонимов при обозначении человека отражает его терминологическую неустойчивость. Этот компонент называют антропологическим, антропонимическим [14, с. 1459], антропоориентированным [15, с. 12], отражающим антропоцентрическое значение [16, с. 34—35]. В существующих толковых словарях отсутствует последовательность не только в том, как подавать это значение (за арабской цифрой или за графическими знаками // или ſ), но и как определить статус компонента (отдельное значение или его оттенок). Различны и стилистические характеристики этого значения. Даже само название лексемы вызывает вопросы у исследователей: называть ее отдельным термином (зоосемизм, зооморфизм) или сохранить за прямым и переносным значением слова одно название – зооним.

Словарная статья зоонима представлена двумя типами номинаций: первичной (прямое значение) и вторичной (переносное, метафорическое значение). Структура обоих значений содержит денотативный компонент: в прямом значении — это описание животного, в переносном — значение «о человеке». Коннотативный компонент прямого значения состоит, по мнению некоторых ученых, в смысловых ассоциациях, связанных с данным животным в сознании человека [16, с. 31]. Коннотацией лексемы Ю. Д. Апресян называет несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта [17, с. 159—160, 163]. Коннотативный компонент переносного значения («о человеке») заключается в оценочных и эмотивных компонентах.

Поскольку вторичная номинация имеет черты метафоры (метафорического значения), есть смысл говорить о семантических признаках, лежащих в основе метафорического переноса. Эти семантические признаки (компоненты) чаще всего не фиксируются словарными дефинициями, но регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова. Их некоторые ученые называют психологически реальным типом значения [18, с. 172]. Поэтому логично предположить, что данные признаки, актуализированные в определенных контекстах (функционирование в речи, сравнительные обороты, сочетаемость с определенным атрибутом, прозвища, вокативы, метафорические сочетания, фразеологизмы), относятся не к коннотативному компоненту лексического значения зоонима — «о человеке», а к его денотативному ядру. Ю. Д. Апресян также считает, что несущественные признаки составляют семантическое ядро переносных значений слова [17, с. 160].

Результаты исследования и их обсуждение. В словарных толкованиях зоонимов *кит*, *морж* и *тюлень* представлены следующие метафорические значения: *морж* — 1. крупное морское ластоногое млекопитающее с короткой шерстью, большими клыками и длинными усами; 2. любитель зимнего плавания в открытых водоемах [10, Т. 2, с. 299]; *кит* — 1. крупнейшее морское млекопитающее; 2. одно из главных или наиболее важных лиц в каком-либо деле, деятельности, на которых это дело держится (от старинного представления, что земля держится на трех китах) [10, Т. 2, с. 52]; *тю-*

лень — 1. морское ластоногое млекопитающее; 2. о неуклюжем, неповоротливом, нерасторопном человеке [10, Т. 4, с. 434].

Несмотря на разницу в словарной формулировке переносного значения («человек» (*морж*, *кит*) и «о человеке» (*тюлень*)), все три лексемы в этом значении осознаются как метафоры, в которых в качестве метафорического признака выступают компоненты «плавать» (*морж*), «большой, крупный, важный» (*кит*) и «неуклюжий» (*тюлень*). Эти признаки можно расценить как коннотативные: они устойчивы, регулярны, представлены в словарях и осознаются всеми носителями русского языка. Это, по И. М. Кобозевой, языковые проявления коннотации в отличие от ее речевых проявлений [19, с. 92—93].

В речевой практике реализуются семы, которые ученые называют потенциальными (периферийными, латентными). По мнению В. Г. Гака, например, объект именован «поворачивается» к субъекту именованного (лицу говорящему и воспринимающему) разными сторонами, поэтому за одним и тем же обозначением могут скрываться разные аспекты поведения данного объекта. Эти признаки объекта, имеющие второстепенное значение для его общей идентификации, отражаются в виде потенциальных сем [20, с. 87].

Так, для зоонима *кит* при основном признаке «крупный, важный» в текстах встречается реализация потенциальных признаков «всасывающий воду», «беспомощный на суше», «издающий своеобразные звуки (вить, сопеть, вздыхать)». Для лексемы *морж* потенциальными признаками выступают «спокойный», «большой, крупный, грузный, толстый», «холодный», а для лексемы *тюлень* — «ленивый», «добрый», «дрессированный», «издающий своеобразные звуки (фыркать, отдуваться)».

См. примеры: *Он был такой большой и хороший, такой беспомощный, как кит на суше* (Е. Завершнева. Высотка); *Он лежал как кит, выбросившись в смертной тоске на берег океана: хоть оттащи его обратно в волны, он выбросится опять* (А. Рекемчук. Мамонты); *Я читаю книги кубометрами, как кит, всасывающий морскую воду и почти всю ее выпускающий обратно, чтобы оставить внутри, на усах, самую малость того, чем он питается, – процент правды* (И. Грекова. Без улыбок); *И неплохо, верно, справлялся, потому что в конце концов бригадир, Егор Афанасьевич – здоровенный мужик, спокойный как морж – сказал...* (В. Голованов. Остров, или Оправда-

ние бессмысленных путешествий); *Ну я как морж: пофыркал да и выбрался на берег* (В. Гуков. Отогревающие Арктику); *Воевода равнулся от жены, сбросил шубу на руки рассыльного, сбросил валенки, длинную фланелевую рубашу (больше ничего на нем не было), перекрестился и, загоготав, скакнул, как грузный морж, в прорубь...* (В. Шишков. Емельян Пугачев); *Севастопольский ополченец Павел, сероглазый и пухлый, как добрый тюлень, в очередной раз едет в Симферополь на митинг с возможной дракой* (Ю. Гутова. Родина и родина); *Он нырял под волну, фыркал и отдувался, как тюлень; с удовольствием спугнул завизжавшую толстуху* (Е. Велвистов. Глоток солнца).

Таким образом, к общим потенциальным семам зоонимов данной тематической группы относятся компоненты, характеризующие животного по его поведению / характеру и специфике издаваемых звуков. Особо следует отметить, что при общих отличительных особенностях этого вида морских животных (*кит* – крупное морское млекопитающее с рыбообразным телом; передние конечности — плавники, задние отсутствуют; *морж* — крупное морское ластоногое млекопитающее с толстой кожей и короткой шерстью, с длинными клыками и усатой мордой, распространенное в арктических морях; *тюлень* — морское ластоногое млекопитающее, распространенное преимущественно в приполярных широтах, являющееся объектом промысла (мясо, кожа, жир) [8, с. 59]) интегральные (языковые) и потенциальные (речевые) признаки подчас не совпадают. Так, для лексемы *морж* языковым проявлением коннотации является признак «плавать в холодной воде», а речевым — «большой, крупный». Для лексемы *кит* этот речевой признак («большой, крупный») является языковым проявлением. При этом речевые коннотативные признаки имеют, по нашему мнению, разную сущность: одни из них являются проявлением антропоморфизма, а другие имеют более сложный статус, который мы назвали проявлением зоантропоморфизма. Поясним на примере зоонима *тюлень*.

Признаком лексемы *тюлень*, который обнаруживается в глубинном смысле этого слова, является компонент «дрессированный» (см. пример: *Ну та, как дрессированный тюлень, закивала башкой, потом выкатила глаза из орбит и стала мне чрево вещать, что прививки делать НАДО* (коллективный. Форум: Прививкам НЕТ!!! (Опыт в г. Севастополь)).

Этот случай подтверждает идею, высказанную Г. Н. Скляревской, о том, что метафора может быть обусловлена усложненным, сдвоенным семантическим преобразованием. Суть его состоит в том, что, закрепившись в языке как характеристика человека — носителя тех или иных качеств (свинья – неблагодарный, лиса — хитрый) — такая метафора употребляется при известном антропоморфизме, когда животному приписываются человеческие качества, почерпнутые из зооморфных характеристик [6, с. 97]. Яркими примерами такого процесса можно считать описанные Г. Н. Скляревской примеры нерегулярного метафорического переноса по модели «животное → животное»: орёл (о коне), лиса (о кошке) [6, с. 97].

В нашем материале встречаются примеры более завуалированного представления этого процесса. Например, «быть дрессированным» не является исконным признаком животного, это приобретенное качество, сформированное на основе результатов человеческой деятельности. То есть сначала животное приобрело это качество благодаря человеку, а потом образное сознание «одарило» этим признаком человека опять.

В этом примере реализуется, по нашему мнению, проявление процесса зооантропоморфизма, то есть специфики зоонимической лексики проявлять одновременно свойства антропоморфных и зоониморфных характеристик.

Заключение. Описание лексической семантики не может быть достаточно полным без обращения к онтологической природе категории лексического значения [21, с. 138—139]. Поэтому в данной работе в процессе исследования закономерностей функционирования лексики в реальных актах общения мы обратились к философским основам взаимодействия человека и мира природы и, как следствие, к природе метафорического переноса в группе слов, обозначающих животных.

Как известно, вопросы теории и практики идентичности не сводятся к процессу саморефлексии, к решению вопроса, кто «Я» и чем я отличаюсь от «Другой». Практики культурной идентичности предполагают осознание человека самого себя как культурного феномена в ином окружении: космосе и природе. В последние годы в отечественной философской антропологии человека рассматривали как историческое создание, а природность человека оказалась

преданной забвению со времени марксистской философии. А человек является особым видом в животном мире, как создание, имеющее культуру [22]. Существенно поэтому определить, как чувствует себя человек в животном мире через призму самого «человеческого» — призму языка.

Многочисленные лингвистические исследования подчеркивают антропоцентрический аспект языка, первостепенную роль человека в представлении о мире посредством языка, при формировании поведения, в том числе речевого. Тогда как есть теории, указывающие на значение механизма подражания в процессе формирования сознания, указывающие на то, что изначально человек берет модели поведения в природе, а потом уже начинает навязывать ей свою форму [23, с. 4].

В процессе развития вторичной номинации в структуре лексического значения зоонимов современного русского языка произошли изменения, при которых выделялось одно существенное, на взгляд человека, свойство поведения, характера, внешнего вида животного, которое человек «примерял» на себя. То есть человек черпал вдохновение в мире природы, но навязывал ей свою языковую форму. Антропоморфизм (наделение человеческими свойствами животных) проходил параллельно с наделением свойств животных человеку (зооморфизм). Эти процессы проходили не просто генетически параллельно, если основываться на мыслях философов и антропологов, но и в динамике современного состояния языка. Антропоморфная метафора «человек — это животное» [15, с. 12], как и любая метафора, двупланова, то есть имеет свойство быть приложенной к двум субъектам одновременно, так что свойства того, о ком идет речь, просматриваются через свойства того, чьим именем он обозначается [21, с. 202]. Поэтому идеи антропоморфизма переплетаются с явлением зооморфизма. Эта мысль просматривается и в анализируемом в настоящей статье материале: в списке признаков, актуализированных в речевой практике носителей русского языка, представлены компоненты, которые не являются исконными признаками животного, это приобретенное качество, сформированное на основе результатов человеческой деятельности. В этом заключается диалектика взаимоотношений антропоморфных и зооморфных черт семантических отношений в языке.

Библиографический список

1. Прудченко Е. А., Дюпина Ю. В., Дизер Я. Э. История понятия «антропоцентризм» в контексте современных размышлений о человеке и цивилизации // *Манускрипт*. 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 150—154.
2. Шишкина А. А. Основные виды современной экологической этики: антропоцентризм и биоцентризм // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* : в 2 ч. 2014. № 6 (44). Ч. I. С. 202—204.
3. Коваль Е. А. Нормативность экологической ответственности в контексте антропоцентризма, биоцентризма и экоцентризма // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* : в 3 ч. 2014. № 12(50). Ч. II. С. 105—108.
4. Беляцкая А. А. Антропоцентризм VS антропокосмизм: к проблеме метода в лингвокультурологии // *Язык и культура*. 2013. № 3(23). С. 5—23.
5. Бабкин А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и в словаре // *Современная русская лексикография*. 1977. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. С. 4—19.
6. Складаревская Г. Н. *Метафора в системе языка*. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
7. Баженова Е. В. Вариации зооморфизма и антропоморфизма в современной культуре // *Цивилизационные парадигмы XXI столетия: культурно-ценностные ориентиры* : материалы международной научной конференции, Белгород, 01 января — 31 декабря 2017. Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел РФ им. И. Д. Путилина, 2017. С. 145—155.
8. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
9. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Институт русского языка, 2002. Т. 1. 807 с.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981; 1982. Т. 2 К-О. 736 с.; 1984. Т. 4 С-Я. 794 с.
11. Национальный корпус русского языка: информ.-справ. система. URL: <http://www.ruscorgo.ru/> (дата обращения: 08.02.2021).
12. Юрков Е. Е. Метафора лингвокультурного кода «Животные» // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. № 1—2. С. 431—438.
13. Саматова А. Р. Проблема установления сем при компонентном анализе лексики // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 133—136.
14. Чанышева З. З., Асабин Р. К. Сопоставительный анализ лексикографической интерпретации коннотаций зоонимов с антропологической се-

мантикой // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4. С. 1458—1460.

15. Гулик О. О. Национально обусловленные модели гендерной метафоризации зоонимов в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2019. 26 с.

16. Маслов А. С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке: экспериментальное исследование : дис. ...канд. филол. наук. Белгород, 2014. 252 с.

17. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 1995. Т. II. 769 с.

18. Стернин И. А. Значение в языковом сознании: специфика описания // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 171—179.

19. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

20. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 73—92.

21. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований) / отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 129—221.

22. Егорова И. В. Человек — животное и не только // Философская мысль. 2015. № 12. С. 99—134. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_17508.html (дата обращения: 12.02.2021).

23. Титова Т. А. Антропоморфизм и антропоцентризм как возможность сохранения человеческого в ситуации постчеловечества // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4. С. 3—6.

References

1. Prudchenko E. A., Dyupina Yu. V., Dizer Ya. E. History of the concept of “anthropocentrism” in the context of modern reflections on man and civilization. *Manuskript* [Manuscript], 2020, vol. 13, issue 5, pp. 150—154. (In Russ.)

2. Shishkina A. A. The main types of modern environmental ethics: anthropocentrism and biocentrism. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 6(44), part I, pp. 202—204. (In Russ.)

3. Koval' E. A. Normativeness of environmental responsibility in the context of anthropocentrism, biocentrism and ecocentrism. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology

ogy and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 12(50), part II, pp. 105—108. (In Russ.)

4. Belyackaya A. A. Anthropocentrism VS anthropocosmism: to the problem of the method in cultural linguistics. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2013, no. 3(23), pp. 5—23. (In Russ.)

5. Babkin A. M. Idioms (phraseology) in the language and in the dictionary. *Sovremennaya russkaya leksikografiya* [Modern Russian lexicography]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1979, pp. 4—19. (In Russ.)

6. Sklyarevskaya G. N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg, Nauka, 1993, 152 p. (In Russ.)

7. Bazhenova E. V. Variations of zoomorphism and anthropomorphism in modern culture. *Civilizacionnye paradigmy v XXI stoletii: kul'turno-cennostnye orientiry. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Civilization paradigms in the XXI century: cultural and value guidelines. Materials of the international scientific conference]. Belgorod: Belgorodskij juridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del RF, 2017, pp. 145—155. (In Russ.)

8. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushchestvitel'nyh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [The Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms] / ed. L.G. Babenko. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2005, 864 p. (In Russ.)

9. *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings] / ed. N. Shvedova, vol. 1. Moscow, Institut russkogo yazyka, 2002, 807 p. (In Russ.)

10. *Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes] / ed. A. Evgen'eva. 2nd ed. Moscow, Russkij yazyk, 1981, vol. 2 K-O. 1982, 736 p.; vol. 4 S-YA. 1984, 794 p. (In Russ.)

11. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed 08.02.2021). (In Russ.)

12. Yurkov E. E. Metaphor of the linguocultural code "Animals". *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University], 2012, no. 1—2, pp. 431—438. (In Russ.)

13. Samatova A. R. The problem of establishing semes in component analysis of vocabulary. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological Sciences. Art criticism], 2009, no. 7 (188), issue 41, pp. 133—136. (In Russ.)

14. Chanysheva Z. Z., Asabin R. K. Comparative analysis of the lexicographic interpretation of the connotations of zoonyms with anthropological semantics. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2009, vol. 14, no. 4, pp. 1458—1460. (In Russ.)

15. Gulik O. O. *Nacional'no-obuslovlennye modeli gendernoj metaforizacii zoonimov v russkom yazykovom soznanii i ih yazykovaya ob"ektivaciya v sovremennoj russkoj rechi. Avtoref. kand. diss.* [Nationally-conditioned models of gender metaphorization of zoonyms in the Russian linguistic consciousness and their linguistic objectification in modern Russian speech. Abstr. cand. diss.]. Nizhnij Novgorod, 2019, 26 p. (In Russ.)

16. Maslov A. S. *Zoometafory-invektivy v sovremennom russkom yazyke: eksperimental'noe issledovanie. Kand. diss.* [Zoometaphors-invectives in modern Russian: an experimental study. Cand. diss.]. Belgorod, 2014, 252 p. (In Russ.)

17. Apresyan Yu. D. *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. Moscow, Yazyki slavjanskoj kul'tury, 1995, vol. II. 769 p. (In Russ.)

18. Sternin I. A. Meaning in linguistic consciousness: specificity of description. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2006, no. 4, pp. 171—179. (In Russ.)

19. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 352 p. (In Russ.)

20. Gak V. G. To the dialectics of semantic relations in language. *Principy i metody semanticheskikh issledovanij* [Principles and methods of semantic research]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 73—92. (In Russ.)

21. Teliya V. N. Secondary nomination and its types. *Yazykovaya nominaciya (Vidy naimenovaniy)* [Language nomination (Types of names)] / ed. B. Serebrennikov, A. Ufimceva. Moscow, Nauka, 1977, pp. 129—221. (In Russ.)

22. Egorova I. V. Human is an animal and not only. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2015, no. 12, pp. 99—134. Available at: https://e-notabene.ru/fr/article_17508.html (accessed 12.02.2021). (In Russ.)

23. Titova T. A. Anthropomorphism and anthropocentrism as an opportunity to preserve the human in the situation of posthumanity. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts], 2012, no. 4, pp. 3—6. (In Russ.)

Е. Н. Гринько

Тихоокеанский государственный медицинский университет, г. Владивосток,
Российская Федерация

**Ценностные аспекты
в культуре личности студента медицинского вуза
(лингвокультурологический подход)**

Статья посвящена изучению некоторых ценностных аспектов «инфраструктуры» интегрального качества ментальной сферы — культуры личности студента медицинского вуза. Рассматриваются теоретические моменты аксиологического плана, позволяющие подойти к проблеме ценностных оснований культуры личности студента с научной точки зрения. При выявлении ценностных оснований культуры личности студента — будущего врача был применён лингвокультурологический подход: использованы русские народные пословицы, в которых выражены основные смыслы жизненных ориентиров человека.

Кроме теоретического обоснования разработки вопроса, в статье приведены и проанализированы результаты эмпирического исследования, направленного на выявление некоторых ключевых аспектов культуры личности будущих врачей. Респондентами выступили студенты первого-второго курсов ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации в количестве 72 человек, что позволило сделать срез аксиологического ингредиента культуры личности молодого человека, чья профессия неразрывно связана с морально-нравственными установками.

Пилотное исследование углубляет понимание бытовых и профессиональных этических приоритетов студента-медика с учетом гендерного фактора. Приоритетов, подлежащих проверке и закреплению практическим опытом — реализации их «потенциальной энергии» в предстоящей врачебной деятельности. Акцентирована тенденция «прагматизации» условного «этического кодекса» современного студента-медика.

Ключевые слова: аксиологический подход, лингвокультурологический подход, система ценностей, культура личности студента, будущий врач.

E. N. Grinko

Pacific State Medical University, Vladivostok, the Russian Federation

Value Aspects in the Personal Culture of a Medical University Student (Linguoculturological Approach)

The article is devoted to the study of some value aspects of the «infrastructure» of the integral quality of the mental sphere — the culture of the personality of a medical university student. The theoretical aspects of the axiological plan are considered, which allow us to approach the problem of the value bases of the student's personality culture from a scientific point of view. In identifying the value bases of the personality culture of a student — a future doctor, a linguoculturological approach was applied: Russian folk proverbs were used, where the main meanings of a person's life orientations are expressed.

In addition to the theoretical justification of the development of the issue, the article presents and analyzes the results of an empirical study aimed at identifying some key aspects of the personality culture of future doctors. The respondents were first- and second-year students of the Pacific State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation in the number of 72 people, which allowed us to make a value point-cut of a young man's personality culture whose profession centers around his moral principles.

The pilot survey focuses on understanding of the medical student's professional and ethical priorities while taking into account a gender factor — the priorities to be checked and strengthened by his/her experience and their potential energy realization in the future profession. The tendency for pragmatism of a modern medical student's ethic code is emphasized.

Keywords: *axiological approach, linguoculturological approach, value system, student's personality culture, future doctor.*

Введение. Культура и человек неразрывно связаны, культура есть продукт разнообразной и многоаспектной деятельности человека, творцом культуры, её хранителем является человек. Однако и сам человек одновременно и её творец, и продукт, он субъект культуры, в котором соединились два начала: культуротворческое и культуропреобразующее самого человека. Возможность существования и генезиса культуры заложена не столько в человеке, сколько во взаимодействии людей, в общественной природе культурной деятельности. Поэтому в культурологии наряду с понятием «субъект культуры» существует понятие «личность», которое имеет свою специфику в отличие от близких ей наук, оперирующих также этим термином, — от философии, психологии, педагогики, социологии. Согласно «Большому толковому словарю по культурологии», лич-

ность (от лат. persona — маска, роль актера) — термин, обозначающий социальный тип человека как продукта и носителя исторически определенной культуры и выполняющего определенные функции в системе сложившихся общественных отношений. Личность является единичным воплощением культуры, конкретным выразителем всей совокупности общественных отношений [1].

Личность представляет собой сложный социальный и культурный феномен со своей структурой и содержанием, воплощающий в себе многие духовно-нравственные, поведенческие, интеллектуально-мировоззренческие аспекты культуры как индивидуальные, так и коллективные, типичные для данного социокультурного сообщества. Культура личности, таким образом, предстаёт в их своеобразном сочетании. Какие бы модели культуры личности не предлагались в современной культурологии, в них непременно находится место аксиологическому аспекту. Ценности для человека являются главным ориентиром в жизни. В словаре культурологических терминов и понятий ценности определяются как совокупность социально одобряемых и разделяемых большинством людей представлений о наиболее важных идеалах человеческой жизнедеятельности: добре, справедливости, чести, верности, патриотизме, любви, дружбе, порядочности, честности и т. д. И также подчёркивается, что без ценностей не может обходиться ни одно общество, не может жить ни один человек [2]. Все сферы жизни общества, все направления культурной деятельности людей обладают ценностным содержанием. Ядром любой культуры, равно как и ядром культуры личности, всегда является система ценностей. Именно этот аспект стал объектом нашего внимания в исследовании культуры личности студентов медицинского вуза, тем более что для профессии врача вопросы ценностной ориентации чрезвычайно важны.

При формулировке ценностей мы обратились к лингвокультурологическому подходу и предложили студентам русские народные пословицы, в которых отразились смысложизненные установки многих поколений субъектов отечественной культуры.

Методы исследования, теоретическая база. В современной культурологии во многих исследованиях культура личности рассматривается со стороны своей сущности, со стороны содержания и структуры и получает своё определение. Профессор В. А. Ремизов ха-

рактирует её как динамическое образование, локализующееся во-круг определенных мировоззренческих групп ценностей, носящих для нее базовое начало. К существенным признакам культуры личности автор относит гуманистическую направленность, образованность, включённость в созидательную деятельность, социализированность и воспитанность, наличие нравственно регулирующей рефлексии (как отношение личности к самой себе). Эти признаки выполняют роль культурно-личностных критериев [3, с. 23]. Ценности проявляются не только в сознании личности, но и в её поведении, ступенями перехода ценностей в деятельность, по мнению автора, выступают ценностные ориентации. Они и определяют культуру личного самоопределения в социокультурном пространстве [3, с. 54].

Представляет интерес предлагаемая В. А. Ремизовым типология культуры личности, связанная с моделями культурно-исторического процесса. При смене этих моделей происходит и смена ведущих типов личности, носителей определённой культуры. В качестве гипотезы автор предлагает три типа культуры личности: 1) коллективистски ориентированная (характерная для «закрытых» систем с более или менее выраженным тоталитарным началом), 2) индивидуально ориентированная (существующая в «открытых», в разной степени демократизированных системах) и 3) бытоориентированная личность (соответствующая переходным историческим этапам). Автор культурную ориентированность личности современного россиянина определяет как «прагматизированный коллективист» со все большим акцентированием первой части типологической модели, то есть в сторону индивидуально выраженной личности [3, с. 55].

По всей вероятности, новый тип культуры личности должен формироваться прежде всего в новом поколении в молодёжной среде. Современное поколение, годы рождения 1995—2005, в зарубежной и отечественной литературе получило название «поколение Z», то есть это молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет. Оно сегодня привлекает повышенное внимание со стороны учёных. Для культурологии при изучении культуры личности важными являются данные и других наук, в частности психологии. Масштабное исследование показало, что ориентация на самостоятельность и независимость является общей, инвариантной характеристикой этого поколения; убеждение в важности самостоятельности, автоном-

ности, независимости в суждениях и поступках приобретает характер стержневой, ядерной ценности. Важное место занимают также достижения и личный успех, безопасность и стабильность [4, с. 59]. Значимость и ранг других ценностей определялись комплексом социально-демографических и этнокультурных факторов, среди которых принадлежность к определённой этнической группе и религиозной конфессии; проживание в «глубинке» или в крупном городе [4, с. 61]. Гендерные ценностные различия оказались традиционными, характерными для мужчин и женщин: для юношей выше значимость ценностей «самовозвышения» (власть и достижения), для девушек — полярных им ценностей «самотрансцендентности» (универсализм и доброты) [4, с. 60]. Выяснилось также, что принадлежность к определённой учебно-профессиональной общности оказывает меньшее влияние на качественное своеобразие ценностных предпочтений, однако авторы считают необходимым более глубокое изучение данного вопроса.

Для нас тем более представляется необходимым обращение к культуре личности студента, а именно студента медицинского вуза, поскольку ценностные ориентации будущего врача имеют значение не только для него самого, но и для тех людей, которые станут для него пациентами. Социологические и культурологические исследования также посвящаются культуре личности студента, его ценностным ориентациям, духовно-нравственному потенциалу. Так, в монографии М.Н. Дудина и Н. В. Лясникова содержатся важные выводы. Первый — об усилении прагматического начала в ценностных предпочтениях студентов: сегодняшнего студента заботит то, как можно применить, использовать знание, можно ли его продать, эффективно ли оно для решения конкретных и локальных задач [5, с. 144]. Второй, связанный с первым, — о дифференцирующей роли инструментальных ценностей: в старшем поколении больше приверженцев патернализма, тогда как молодежь, а особенно студенты, в качестве наиболее важных для себя ценностей называют независимость и инициативность [5, с. 66]. Третий — о наличии двух базовых тенденций развития процессов индивидуализации. Часть студентов на вопрос о том, какую цель они преследуют в жизни, отвечают в категориях материального благополучия: улучшить жилищные условия (например, жить отдельно от родителей, купить собственную квартиру), приобрести автомобиль, повы-

сильно уровень своей жизни и т. п. Многие говорят о самоосуществлении, поисках себя, своего пути, развитии личных способностей, о необходимости полноценной жизни, признавая тем самым постматериалистические модернистские ценности, корреспондирующие с верхними этажами «пирамиды потребностей по Маслоу» [5, с. 144].

Профессор М. С. Яницкий отмечает, что в силу перемен, произошедших в нашем обществе, постепенно утверждается в общественном сознании и новая система ценностных ориентаций. Прежде всего это свойственно молодым людям, которые, с одной стороны, уже не воспринимают в полной мере прежние ценности, но с другой — не вполне и освоили ценности нового, демократического общества. Он также считает, что особенно важное значение приобретает процесс ценностного самоопределения в вузе, тем более для студентов, чья будущая профессиональная деятельность развивается в системе «человек—человек» [6, с. 2]. Это в полной мере относится и к будущим врачам, чья система ценностных ориентаций имеет гуманистическую и деонтологическую направленность.

Учитывая актуальность личностного самоопределения студентов и необходимость понимания ценностных ориентаций студентов в силу постоянного взаимодействия с ними в учебном процессе, мы провели пилотное исследование, посвящённое ценностным аспектам «инфраструктуры» интегральной культуры личности студентов медицинского вуза. Респондентами выступили студенты первого-второго курсов специальностей «Лечебное дело», «Педиатрия», «Медико-профилактическое дело», «Клиническая психология». Всего приняли участие в исследовании 72 человека в возрасте от 17 до 22 лет (большая часть — 61 человек, 85 % — студенты в возрасте 18—19 лет), 11 юношей и 61 девушка (84,8 %).

Методологию исследования составил аксиологический и лингвокультурологический подходы. Инструмент анкетирования верифицировался методами вариационной статистики.

В анкете, предложенной студентам, была сформулирована просьба отметить те из 26 пословиц, которые они принимают для себя в качестве руководства в жизни. При отборе нравственно-этических ценностей для анкетирования мы ориентировались на фактор наибольшей значимости их для личности, которые отражены в первую очередь в картине мира и мировоззрении человека как субъекта культуры. Это ценности, связанные, с одной сторо-

ны, с важнейшими жизненными личностными (экзистенциальными) установками и желаниями человека, такими как любовь, семья, здоровье, родители, родной дом, друзья, труд, и с другой — с отношением к другим людям, к жизни в обществе. В психологии их принято делить на терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства).

При формулировке этих ценностей мы использовали лингвокультурологический подход и предложили студентам их в виде русских народных пословиц. Данный подход был выбран потому, что в лингвокультурологии язык предстаёт с точки зрения его способности вбирать в себя и отражать культурно-традиционную компетентность его носителей — субъектов культуры. В пословицах нашёл своё выражение менталитет русского народа, т. е. отобранные за века концептуальные смыслы, касающиеся основных смысло-жизненных установок людей. Кроме того, пословицы, будучи художественным элементом культуры, содержат также эмоционально-образный компонент, который позволяет затрагивать не только логическую, рациональную сторону нашего мышления, но и образно-символическую, вызывают эмоциональный ответ, что способствует более заинтересованному участию в анкетировании. В исследовании нами использовался словарь пословиц русского народа В. И. Даля, аутентичный прижизненному его изданию 1862 года [7].

Среди пословиц первой группы нами были предложены пословицы, касающиеся:

— любви, семьи, детей: «Совет да любовь — на том свет стоит», «Без жены как без шапки, без мужа как без головы», «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын», «На что и клад, коли в семье лад»;

— родителей: «Живы родители — почитай, умерли — поминай»;

— родного дома, родины: «Родимая сторона — мать, чужая — мачеха»;

— друзей: «Нет друга, так ищи, а нашёл — береги»;

— здоровья: «Здоровье всего дороже»;

— труда: «Терпенье и труд — всё перетрут».

Пословицы второй группы касались таких ценностей, как:

— честь, стремление прожить жизнь достойно: «Береги платье снову, а честь смолоду», «Каково проживёшь, таково и прослывьёшь»;

— честность, неприятие воровства, предпочтение бедности несправедливому поведению: «Заработанный ломоть лучше краденого карася», «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть грехом»;

— профессионализм, мастерство: «Мастерство всегда в почёте», «Не место красит человека, а человек место»;

— верность: «Чужого мужа (жену) полюбить — себя погубить»;

— совесть, порядочность: «С совестью не разминуться», «Не рой другому яму — сам в неё попадёшь»;

— отсутствие корыстолюбия, погони за богатством, благами: «Деньгами души не выкупишь», «Всех сластей не съешь, всех нарядов не переносить»;

— милосердие, отзывчивость и скромность: «Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу», «Твори добро, и тебе будет добро», «Сделав добро, не помни (не напоминай)».

Вместе с тем были предложены и несколько пословиц, в которых зафиксированы такие «антиценности», как:

— приоритет личного благополучия: «Где бы ни жить, лишь бы сыту быть»;

— приоритет материального поощрения перед моральным: «Из спасибо шубы не сошьёшь»;

— приоритет выгоды в дружеских отношениях: «Кто богат, тот мне и брат».

Результаты исследования и их обсуждение. Обратимся к рассмотрению пословиц первой группы, которые выражают экзистенциальные смысложизненные установки.

1. Ценности любви, семьи, детей.

Пословицу

— «Совет да любовь — на том свет стоит» из 72 студентов выбрали 13 человек (девушки), 20,8 %;

— «Без жены как без шапки, без мужа как без головы» — 11 человек (1 юноша и 10 девушек), 15,2 %;

— «На что и клад, коли в семье лад» — 21 человек (4 юноши и 17 девушек), 29,1 %;

— «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын» — 4 человека (1 юноша и 3 девушки), 5,5 %.

Как видим, лишь пятая часть респондентов выбрала в качестве руководства к жизни любовь и совет, одна треть за мир и лад в семье, лишь шестая часть не видит себя без жены (мужа), а многодетную семью готовы создать лишь 5 % студентов.

2. Традиционное почитание родителей («Живы родители — почитай, умерли — поминай») выбрали 42 человека (7 юношей и 35 девушек), чуть больше половины студентов — 58,3 %.

3. Родину («Родимая сторона — мать, чужая — мачеха») считают ценностью 13 человек (4 юноши и 9 девушек), 18 %.

4. Дружбу как ценность («Нет друга, так ищи, а нашёл — береги») выбрали 41 человек (6 юношей и 35 девушек), то есть 56,9 %, больше половины всех опрошенных.

5. Больше «повезло» здоровью («Здоровье всего дороже»), его в качестве ценности назвали 55 человек (7 юношей и 48 девушек), 76,3 %, что составляет три четверти респондентов.

6. Примерно тот же процент опрошенных выразил своё позитивное отношение к труду («Терпенье и труд — всё перетрут») — 54 человека (8 юношей и 56 девушек), или 75 %.

Пословицы второй группы касались нравственно-этических критериев поведения субъекта культуры.

1. Такую ценность, как честь, стремление прожить жизнь достойно:

— «Береги платье снову, а честь смолоду» избрали 50 респондентов (10 из 11 юношей и 40 девушек), то есть 69,4 %;

— «Каково проживёшь, таково и прослывёшь» — 25 человек (3 юношей и 22 девушки), или 34,7 %.

2. Честность, неприятие воровства, предпочтение бедности неправоначальному поведению:

— «Заработанный ломоть лучше краденого карася» выбрали 46 респондентов (7 юношей и 39 девушек), то есть 63,8 %;

— «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть грехом» — 25 человек (4 юноши и 21 девушка), или 34,7 %.

3. Ценность профессионализма, мастерства:

— «Мастерство всегда в почёте» выбрали 56 человек (все 11 юношей и 45 девушек), а это 77,7 %, больше трёх четвертей опрошенных;

— «Не место красит человека, а человек место» — примерно то же количество респондентов, 50 человек (10 юношей и 40 девушек), 69,4 %.

4. Ценность верности супругу («Чужого мужа (жену) полюбить — себя погубить») избрали 33 человека (5 юношей и 28 девушек), или 45,8 %, почти половины опрошенных.

5. Совесть, порядочность как ценность для себя:

— «С совестью не разминуться» определили 34 человека (6 юношей и 28 девушек), всего 47,2 %;

— «Не рой другому яму — сам в неё попадёшь» — 59 человек (7 юношей и 52 девушки), то есть 81,9 %, четыре пятых всех респондентов.

6. Отсутствие корыстолюбия, погони за богатством, материальными благами как ценности:

— «Деньгами души не выкупишь» выбрали для себя больше половины опрошенных, 43 человека (5 юношей и 38 девушек), или 59,7 %;

— «Всех сластей не съесть, всех нарядов не переносить» — 20 человек (4 юноши и 16 девушек), 27,7 %.

7. Милосердие, отзывчивость и скромность:

— «Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу» выбрали 42 респондента (6 юношей и 36 девушек), то есть 58,3 %;

— «Твори добро, и тебе будет добро» — 56 человек (8 юношей и 48 девушек), или 77,7 %;

— «Сделав добро, не помни (не напоминай)» — 43 человека (6 юношей и 37 девушек), 59,7 %.

Интерес для нас представляли и «антиценности».

1. Приоритет личного благополучия («Где бы ни жить, лишь бы сыту быть») выбрали 10 человек (2 юноши и 8 девушек), 13,8 %.

2. Приоритет материального поощрения перед моральным («Из спасибо шубы не сошьёшь») — 21 человек (4 юноши и 17 девушек), 29 %, треть респондентов.

3. Приоритет выгоды в дружеских отношениях («Кто богат, тот мне и брат») — 6 человек (только девушки), 8,3 %.

Таким образом, результаты исследования показали, что важнейшими жизненными личностными (экзистенциальными) установками для половины студентов оказались здоровье и труд, что частично объясняется тем, что перед нами студенты медицинско-

го вуза, их осознанным выбором профессии. Не удивило традиционное отношение у половины респондентов к родителям, почтительное отношение к ним и позитивное отношение к дружбе, которая представляет ценность также для более 50 % опрошенных. Удивительным оказалось отношение к любви как ценности — только пятая часть опрошенных назвала её в качестве руководства в жизни, ещё меньше респондентов (15 %) выбрали замужество и женитьбу, хотя счастливую семью (в которой лад) считает ценностью треть студентов. Ну и совсем малый процент (5,5 %) настроен на многодетность. В отличие от традиционной установки отечественной культуры отношение к родине как к матери (а к чужой стороне как к мачехе) отметили только 18 % респондентов, для которых сегодня открыты границы, существует возможность получить образование, реализовать себя в разных регионах России и мира. Мы не склонны расценивать это как отсутствие патриотизма, но не можем не обратить внимание на трансформацию данной культурной ценности.

Больше и разнообразнее оказался выбор во второй группе ценностей, связанных с нравственным и этическим выбором. В этой группе также сказались специфика медицинского вуза, студенты которого показали высокий процент выбора ценностей милосердия, отзывчивости (и при этом скромности) — от 77,7 до 58,7 % респондентов. Высокий процент оказался у таких ценностей, как порядочность (81,9 %), профессионализм и мастерство (77,7 %), позитивное отношение к труду (75 %), к чести (69,4 %), к честности, неприятие воровства (63,8 %), отсутствие корыстолюбия, отказ от обогащения во вред душе (59,7 %). Данный блок исследования косвенно зондирует эксклюзивные врачебные личностные «целевые показатели», а именно продвинутый уровень бытовой эмпатии (эмоциональная отзывчивость), которая должна прорасти ментальной эмпатией (профессиональная интуиция). А также — беспрецедентную меру ответственности врача — этический фундамент медицинской деятельности [8].

Интересно отметить факт некоторого внутреннего противоречия в мировоззренческих установках «честность, неприятие воровства» (63,8 %) — и «предпочтение бедности неправоначальному поведению» (34,7 %), то есть воровство безусловно осуждается, однако бедным быть не хочется.

Достаточно высок процент респондентов, выбравших ценность верности супругу (45,8 %), стремление прожить жизнь достойно (34,7 %).

Однако при довольно большом проценте отсутствия корыстолюбия нами зафиксирована «антиценность» ожидания благодарности в материальной форме (29 %). При этом оказалось, что из 43 человек, выбравших душу, а не деньги («Деньгами души не выкупишь»), 8 человек отметили в качестве руководства в жизни прагматизм, приоритет материального поощрения перед моральным («Из спасибо шубу не сошьёшь»).

«Антиценности» в целом дали невысокий процент, приоритет личного благополучия и обеспеченной жизни («Где бы ни жить, лишь бы сыту быть») набрал 13,8 %, а прагматизм в выборе друзей — 8,3 %.

Заключение. Проведённое пилотное исследование не позволяет делать какие-то глобальные выводы, тем не менее, подводя итог, следует сказать, что в целом результаты исследования во многом подтверждают трансформацию «иерархической пирамиды» ценностей у молодых субъектов культуры «поколения Z», элементы прагматизма в их поведении, в выборе смысложизненных ориентиров. В этом мы видим безусловное влияние современной социокультурной реальности. С позиции устойчивости ядра отечественной культуры мы видим высокий процент сохранности многих важных традиционных ценностей, таких как отношение к родителям, к дружбе, к таким нравственно-этическим ценностям, как честь, честность, порядочность, совесть, верность, труд, мастерство, отказ от обогащения во вред «душе». Вызывает удовлетворение факт высокой ценности здоровья, милосердия и отзывчивости у будущих врачей. Однако при сохранении позитивного отношения к миру и ладу в семье мы зафиксировали низкий процент выбора любви как опоры семьи, замужества (женитьбы) как одного из приоритетов в жизни. Возможно, это объясняется возрастом респондентов и более высокой значимостью для них в данное время учёбы, которая на первом-втором курсе медицинского вуза достаточно сложна. Что касается гендерного аспекта исследования, то невозможно статистически значимо сопоставить анкеты юношей и девушек, поскольку среди респондентов 84,8 % — девушки, результаты по большей

части выражают их позицию. Репрезентативность «мужского сегмента» выборки — задача следующего нашего исследования.

Данное исследование во многом носило характер «разведки», предварительного «среза» ценностных установок студентов как субъектов культуры. Нам представляется необходимым продолжить работу по изучению смысложизненных ориентиров, культуры личности студента медицинского вуза, внеся некоторые коррективы и увеличив количество респондентов.

Библиографический список

1. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече: АСТ, 2003 511 с. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm//> (дата обращения: 06.05.2021).
2. Садохин А. П. Культурология. Словарь терминов, понятий, имен. М.: Директ-Медиа, 2014. 768 с. URL: https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/226143_Kulturologiya__Slovar_terminov_ponyatiy__imen#1. (дата обращения: 06.05.2021).
3. Ремизов В. А. Ценностно-мировоззренческий анализ культуры личности : дис. ...д-ра культур. наук в форме науч. доклада. 24.00.01 — Теория и история культуры. М., 2000. 62 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/tsennostno-mirovozzrencheskii-analiz-lichnosti> (дата обращения: 06.05.2021).
4. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. и др. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46—68.
5. Дудин М. Н., Лясников Н. В. Трансформация ценностных ориентаций современной студенческой молодежи: социологический аспект : монография. М.: ИМСГС, 2014. 156 с. URL: <https://pps.ranepa.ru/Publication2/2014/> (дата обращения: 06.05.2021).
6. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с. URL: http://www.intellect-invest.org.ua/content/userfiles/files/library/Yanitsky_Zennostn_orientazii.pdf (дата обращения: 07.05.2021)
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: ЭКСМО-Пресс, Изд-во ННН, 2000. 616 с.
8. Иванов С. В. Драйверы развития высшего медицинского образования в контексте российских и глобальных трендов // За качественное образование : материалы IV Всероссийского форума (с международным участием) Саратовский ГМУ. Саратов: Изд-во СГМУ, 2019. С. 213—227.

References

1. Kononenko B. I. *Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii* [Big explanatory dictionary on cultural studies]. Moscow: Veche: AST, 2003. 511 p. Available at: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm/> (accessed 05.06.2021).
2. Sadokhin A. P. *Kul'turologiya. Slovar' terminov, ponyatiy, imen* [Culturology. Dictionary of terms, concepts, names]. Moscow: Direct-Media. 2014. 768 p. Available at: https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/226143_Kulturologiya_Slovar_terminov_ponyatiy_imen#1. (accessed 05.06.2021).
3. Remizov V. A. *Tsennostno-mirovozzrencheskiy analiz kultury lichnosti* [Value and worldview analysis of personality culture]: diss. doctor of Cultural sciences in the form of a scientific report 24.00.01-Theory and history of Culture. Moscow, 2000. 62 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/tsennostno-mirovozzrencheskii-analiz-lichnosti> (accessed 06.05.2021).
4. Yanitskiy M. S., Seriy A.V., Brown O. A. et al. The system of value orientations of «Generation Z»: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 2019, No. 72, pp. 46—68.
5. Dudin M. N., Lyasnikov N. V. *Transformatsiya tsennostnykh oriyentatsiy sovremennoy studencheskoy molodezhi: sotsiologicheskii aspekt : monografiya* [Transformation of value orientations of modern students: sociological aspect: monograph] / M. N. Dudin, N. In. Lesnikov. Moscow: IMGS, 2014. 156 p. Available at: <https://pps.ranepa.ru/Publication2/2014/> (accessed 06.05.2021).
6. Janicki M. S. *Tsennostnyye oriyentatsii lichnosti kak dinamicheskaya sistema* [Values of the personality as a dynamic system]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. 204 p. Available at: http://www.intellect-invest.org.ua/content/userfiles/files/library/Yanitsky_Zennostn_orientazii.pdf (accessed 07.05.2021).
7. Dal V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: EKSMO-Press, NNN Publishing House, 2000. 616 p.
8. Ivanov S. V. Drivers of the development of higher medical education in the context of Russian and global trends. *Za kachestvennoe obrazovanie: materialy IV Vserossijskogo foruma (s mezhdunarodnym uchastiem); Saratovskij GMU* [For quality education : materials of the IV All-Russian Forum (with international participation); Saratov State Medical University]. Saratov: Izd-vo SGMU, 2019, pp. 213—227.

А. Г. Епифанова¹, Н. В. Долдо²

¹Южно-Уральский технологический университет, Челябинск,
Российская Федерация;

²Челябинский государственный университет, Челябинск,
Российская Федерация

Функционал и дискурсивность дизайна виртуальной среды в формате культурологической интерпретации

Статья посвящена теоретическому освещению актуальных областей виртуально-дискурсивных миров дизайна, рассмотренных на примере креолизованного текста, реализующего цифровой потенциал современной культуры. Целью данного исследования является анализ виртуальной среды через призму дизайн-деятельности как культурной практики. Для достижения цели поставлены следующие задачи: дать современное определение дизайна виртуальной среды, используя культурологическую интерпретацию дискурса; рассмотреть актуальные области виртуально-дискурсивных миров дизайна через специфичные функции дизайна, реализуемые в процессе создания виртуально-медийного пространства.

Авторы рассматривают дизайн-деятельность в качестве одной из актуальных практик по конструированию не только материально-предметной реальности, но и виртуальной, желательной реальности для человека в условиях современной культуры, что потенциально позволяет ей оптимизировать взаимодействие человека с социокультурным пространством, т. е. сделать его более управляемым, осмысленным, комфортным, максимально эффективным. В этом контексте особо значимой выступает роль дизайнера как полифункциональной фигуры, осуществляющей активную деятельность в следующих коммуникативных ситуациях: объект виртуальной среды — потребитель, дизайнер как автор виртуально-дискурсивного мира — аудитория.

Ключевые слова: *дизайн-деятельность, виртуальная среда, дискурс, виртуально-дискурсивный мир, веб-дизайн, цифровая культура, креолизованный текст, функции дизайна.*

A. G. Epifanova¹, N. V. Doldo²

¹South Ural Technological University, Chelyabinsk, the Russian Federation;

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, the Russian Federation

Functionality and Discursiveness of Virtual Environment Design in the Format of Culturological Interpretation

The article is devoted to theoretical coverage of topical areas of virtual-discursive design worlds using the example of a creolized text, which realizes the digital potential of modern culture. The aim of this study is to analyze the virtual environment through the prism of design activity as a cultural practice. To achieve this goal, the following tasks have been set: to give a modern definition of the design of a virtual environment while using a cultural interpretation of discourse; to consider the actual areas of the virtual-discursive design worlds through the specific design functions implemented in the process of creating a virtual media space.

The authors consider design activity as one of the actual practices for constructing not only material-objective reality, but also virtual, desirable reality for a person in the conditions of modern culture, which potentially allows it to optimize the interaction of a person with a sociocultural space, i.e. make it more manageable, meaningful, comfortable, and maximally effective. In this context, the role of the designer as a multifunctional figure who is active in the following communicative situations is especially significant: the object of the virtual environment is the consumer, the designer as the author of the virtual-discursive world is the audience.

Keywords: *design activity, virtual environment, discourse, virtual discursive world, web design, digital culture, creolized text, design functions.*

Процесс дизайн-проектирования сегодня традиционно определяется либо как деятельность по созданию предметно-пространственной среды (предприятия, города, промышленного продукта и т. п.), либо как проектирование визуально-коммуникативной сферы — с помощью коллаборации возможностей компьютерной техники и дизайн-технологий, погружающей в особое виртуально-медийное пространство «между мыслями и машинами» [1, с. 3]. Отталкиваясь от последней интерпретации, виртуально-медийное пространство видится нам формируемым с помощью технологий и инструментов дизайн-деятельности. Именно она во многом определяет полноту, универсальность и доступность содержания современной интернет-коммуникации, реализует фундаментальную культуuroобразующую функцию актуальной информационно-цифровой среды [2].

Целью данного исследования является анализ виртуальной среды через призму дизайн-деятельности как культурной практики. Для достижения цели поставлены следующие задачи: дать современное определение дизайна виртуальной среды, используя

культурологическую интерпретацию дискурса; рассмотреть актуальные области виртуально-дискурсивных миров дизайна через специфичные функции дизайна, реализуемые в процессе создания виртуально-медийного пространства.

Дизайн-деятельность рассматривается нами в качестве одной из актуальных практик по конструированию не только материально-предметной реальности, но и виртуальной, желательной реальности для человека в условиях современной культуры, что потенциально позволяет ей оптимизировать взаимодействие человека с социокультурным пространством, т. е. сделать его более управляемым, осмысленным, комфортным, максимально эффективным. В этом контексте особо значимой выступает роль дизайнера как полифункциональной фигуры, осуществляющей активную деятельность в следующих коммуникативных ситуациях: объект виртуальной среды — потребитель, дизайнер как автор виртуально-дискурсивного мира — аудитория.

Сформированная в пространстве активной человеческой деятельности, направленной «на мир объектов во взаимодействии с другими субъектами» [3, с. 65], дизайн-деятельность создает целесообразный, завершённый продукт, способный занять свое место в системе культурных ценностей. Иными словами, проектируя виртуально-образную среду, дизайн-деятельность конструирует силой воображения идеальный образ «того объекта, который предстоит создать на практике, и прообраз самого субъекта, каким он хочет себя видеть» [4, с. 64], опираясь на реалии социальной жизни.

Мир все больше становится виртуально-визуальным. Визуальность — это «реальность, основанная на силе воображения, идеализации, приемах ухода от воздействия материальности <...> на все сегменты социальной структуры общества и институты, это сознательное и «инженерно» сфокусированное конструирование условных феноменов, приобретающих статус основных» [5, с. 8]. То есть в основе визуальности, являющейся неизменным спутником и продуктом виртуальной культуры, лежит человеческая способность к «воображению, идеализации, интеллектуальной деятельности, основанной на продуцировании абстрактных моделей и образов» [там же]. Следовательно, организуя свое окружение, человек формирует каркас виртуальной среды через яркие зрительные образы, проникающие в сознание человека через модели продуктов вир-

туальной среды, в том числе размещенные в цифровом пространстве и созданные с помощью различных современных дизайн-технологий.

Один из аспектов, который позволяет нам облегчить восприятие виртуально-медийного пространства, — это креолизованный текст, состоящий из двух негомогенных частей: невербальной и вербальной. То есть «в процессе восприятия креолизованного текста имеет место двойное декодирование заложенной в нем информации: при извлечении концепта из изображения происходит его «наложение» на концепт вербального текста, взаимодействие двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креолизованного текста. Основными компонентами креолизованного текста являются вербальная часть (надпись/подпись, вербальный текст) и иконическая часть (рисунок, фотография, таблица). В разных типах текстов они встречаются в различных комбинациях, соотношениях. Причем важнейшим компонентом креолизованного текста является изображение» [6, с. 83]. В нашем исследовании мы будем понимать под креолизованным текстом картинку (мем), вызывающую определенную эмоцию у потребителя через процесс перцепции, включающий в себя актуально-традиционный обмен информацией, а также формирование и дополнение социальной и индивидуальной картины мира. То есть мем — это «единица информации, хранящаяся в мозге... подобно генетической информации, содержащейся в ДНК. Его фенотипический эффект, напротив, обращен вовне. Воздействие фенотипа на мем может реализовываться в форме слова, музыки, визуальных образов... Они представляют собой внешние проявления — видимые, слышимые и т. д. — существования мема в мозге. Они могут восприниматься органами чувств других индивидов и оставить такой отпечаток в сознании принимающих информацию, что копия (не обязательно точная) первоначального мема запечатлевается в воспринимающем мозге» [7, с. 119].

Применение креолизованного текста в дискурсивном поле продукта виртуальной среды актуализирует соединение в одну целостную социотехнологическую систему перцептивного процесса отдельной личности и искусственного интеллекта новых дизайн-технологий в виртуально-медийном пространстве. Иными словами, «если автор стремится к увеличению числа и усложнению структу-

ры кодовых систем, то читатель склонен редуцировать их, сводя к достаточному, как ему кажется, минимуму ... упрощая текст, создавать произведения, кажущаяся простота которых требует для адекватной дешифровки сложнейших подразумеваемых, богатства внетекстовых культурных связей» [8, с. 185].

Таким образом, мем является продуктом дизайн-деятельности и позволяет рассмотреть особенности его восприятия и интерпретации через функциональную природу дизайна.

Анализируя текущую ситуацию с продуктами виртуальной среды, мы можем выделить специфичные функции дизайна, участвующие в создании виртуально-медийного пространства: 1) познавательную (гармонизирующую); 2) адаптивную; 3) регулятивно-эстетическую; 4) коммуникативную.

Познавательный потенциал дизайн-деятельности реализуется в контексте функции гармонизации виртуально-медийного пространства и обосновывает поиск «идеально» продаваемого продукта через лаконичный дизайн с приятными цветосочетаниями, наполняя предметно-материальную форму культурными и эстетическими смыслами. Они (смыслы), в свою очередь, представляют собой важнейший компонент культуры, выступающий «основным катализатором социальной мотивации и регулятивным фактором человеческой деятельности, которые реализуются в ценностных социальных, гуманистических установках людей, в искусстве, художественном творчестве» [9, с. 34].

Адаптивная функция дизайна эффективно реализуется, формируя утонченный интерфейс страниц виртуальной среды с оптимизированным контентом и хорошо структурированным, дружелюбным к пользователю сайтом с удобным полупрозрачным боковым меню, панелью проектов и ненавязчивыми мини-интро на главном экране, с опорой на такие ключевые особенности современной культуры, как полилинейность и минимализм. При этом каждый новый дизайнерский прием адаптации, репрезентируя существующие культурные ценности, создает новый эксклюзивный социокультурный контекст, обогащая тем самым общее культурное содержание.

Регулятивно-эстетическая функция дизайна воплощается в актуальной тенденции современной цифровой культуры к воспитанию у человека художественного вкуса через минималистично-

эффектную навигацию, креативно оформленные призывы к действию, эстетически законченную предзагрузку, главную страницу с отрисовкой фонов, флэт-сайт с нестандартным меню навигации, оптимистичный шрифтовой контраст, мягкие тени, слои и всплывающие элементы, иммерсивные 3D-элементы.

Формирование художественного вкуса — одно из перспективных направлений развития культуры интернет-сообщества. Отражая критерии эстетической оценки всех сфер жизнедеятельности человека, художественный вкус является инвариантной основой для создания индивидуально-личностных форм поведения, мышления и художественно-творческой деятельности личности.

Таким образом, анализ регулятивно-эстетической функции дизайна показал, что полноценное суждение о качестве продукта дизайн-деятельности возможно только тогда, когда дизайн, обслуживая повседневные потребности общества, через свои произведения проектирует взгляд в инновационное будущее, адаптирует социальные изменения, усиливает ассоциативный контекст, а также выполняет утилитарную, технологическую и духовно-ценностную функции современной социокультурной среды.

В связи с тем что культура коммуникативна по своей сути, в современном обществе возникает необходимость создания быстро реагирующей технико-эстетической коммуникационной системы, воплощающей дух времени, актуальные стилевые тенденции и модные тренды. В качестве такого инструмента коммуникационной системы, с нашей точки зрения, может рассматриваться дизайн голосового интерфейса. Являясь элементом системы визуальной коммуникации, дизайн голосового интерфейса способствует транслированию эстетически качественной (некачественной) графической информации в пространство среды через систему знаков, создавая наиболее благоприятные условия для организации процесса межличностной коммуникации, в том числе и в ее межкультурной вариации, повышая эффективность воздействия паралингвистического контента.

Рассматривая дизайн с точки зрения семиотического подхода, имеет смысл рассматривать дизайн-деятельность как актуальную систему, связанную с хранением, передачей и переработкой информации. И, соответственно, продукт дизайна, созданный на основе семиотического подхода, конструируется по следующему алгоритму

му: 1) анализ существующих знаков и текстов («текст» в нашем случае — это объекты дизайна виртуальной среды); 2) преобразование существующих знаков и текстов; 3) создание инновационных знаков и текстов.

Иными словами, коммуникативная функция дизайна направлена на передачу социокультурного опыта современной культуры через систему графических знаков, являющихся основой зрительной коммуникации в динамично развивающейся современной виртуальной среде.

Профессиональное использование функционала дизайн-деятельности при проектировании цифровой виртуальной среды позволяет создавать и презентовать свои продукты, применяя креолизованный текст в дискурсивном поле виртуальной среды через создание коммуникативного напряжения в визуально-медийном пространстве. Так как информация, содержащаяся непосредственно в текстовом сообщении, усваивается лишь на 7 %, голосовые характеристики способствуют усвоению 38 % информации, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие — до 55 %. При этом важно отметить, что если вербально представленная информация влияет на сознание индивида рациональным путём, то использование различных функций дизайна автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень, позволяя формировать в том числе «адекватное взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [10, с. 25—30]. Кроме того, вербальные средства передают информацию преимущественно о внешнем мире, в то время как невербальные — об эмоциональной стороне коммуникации.

В качестве резюме предлагается культурологически осмысленное авторское определение дизайна виртуальной среды как завершённого продукта дизайн-деятельности, представляющего, прежде всего, социальный акт коммуникации, созданный посредством семиотических элементов (знаков) дизайн-деятельности, участвующих в процессе формирования культурной идентичности, смыслового и знаково-символического формата социокультурной среды. Также была доказана эффективность функционала дизайн-деятельности как инструмента, участвующего в создании виртуально-медийного цифрового пространства.

В результате теоретических изысканий и практико-ориентированной деятельности по созданию дизайна в цифровой информационной среде было выявлено, что медийные продукты, являясь элементом репрезентации новой социокультурной реальности, имеют собственную внутреннюю логику создания изображений и объектов, продуктов и интерфейсов, символов и пространств, формируя особый виртуальный дискурс и оказывая существенное воздействие на трансформацию культуры и общества в целом.

Библиографический список

1. Дружинин А. М. От диалога к манипуляции: критический анализ современных медиапрактик // *Философская мысль*. 2017. № 1. С. 1—16.
2. Абаимова Е. Л. Дизайн как общекультурный и национальный феномен. Ростов н/Д., 2009. 147 с.
3. Резников Л. О. Гносеологические проблемы семиотики. Л.: Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1964. С. 50.
4. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.
5. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 492 с. (Серия «Gaudeamus»)
6. Щурина Ю. В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. 2010. № 57. С. 82—86.
7. Dawkins R. *The Extended Phenotype*. Oxford, 1982. 313 p.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. *Об искусстве*. СПб.: Искусство-СПб., 1998. 288 с.
9. Чижиков В. В. *Дизайн и культура : монография*. М.: МГУКИ, 2006. 361 с.
10. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура*. М.: Индрик, 2005. 1040 с.

References

1. Druzhinin A. M. From dialogue to manipulation: a critical analysis of modern media practitioners. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2017, no. 1, pp. 1—16. (In Russ.)
2. Abaimova E. L. *Dizayn kak obshchekul'turnyy i natsional'nyy fenomen* [Design as a general cultural and national phenomenon]. Rostov-on-Don, 2009. 147 p. (In Russ.)
3. Reznikov L. O. *Gnoseologicheskiye problemy semiotiki* [Gnoseological problems of semiotics]. Leningrad: A. A. Zhdanov Leningrad State university, 1964, p. 50. (In Russ.)

4. Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value]. SPb., LLP TK "Petropolis", 1997. 205 p. (In Russ.)
5. Flier A. Ya. *Kul'turologiya dlya kul'turologov* [Culturology for culturologists]. Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Business book, 2002. 492 p. (Series "Gaudeamus") (In Russ.)
6. Shchurina Yu. V. Comic creolized texts in Internet communications. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Vestnik of Novgorod State University], 2010, no. 57, pp. 82—86. (In Russ.)
7. Dawkins R. *The Extended Phenotype*. Oxford, 1982. 313 p.
8. Lotman Yu. M. The structure of a literary text. Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg: Art-SPB, 1998. 288 p. (In Russ.)
9. Chizhikov V. V. *Dizain i kultura* [Design and culture : monograph]. Moscow: MGUKI, 2006. 361 p. (In Russ.)
10. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow, Indrik, 2005. 1040 p. (In Russ.)

O. N. Ivanishcheva¹, C. von Post², H. Råihä²

¹Murmansk Arctic State University, Murmansk, the Russian Federation;

²Örebro University, Örebro, Sweden

“The Fact is That Everything He is Saying So Far is Simply a Lie” Expressive Truthmaking in the Political Debate*

*This study investigates language use in political debates. It takes a closer look at linguistic markers of expressivity and truthmaking on word level in a presidential debate between Donald Trump and Joe Biden. The results show clear differences between these two debaters. Trump uses expressive language more extensively than Biden. Examples of markers that Trump uses more often than Biden are reinforcing: very, much, super, totalizing: all, every, never, mental: **know, think, want**, verbal: **tell, talk, say**, hypothetical: **if, could, would**, and self-reference: **I, me**. Examples of markers that Biden uses more often than Trump are reinforcing: **more**, totalizing: **none**, mental: **feel** verbal: **ask**, hypothetical: **should**, and self-reference: **my**. All in all, Trump uses these kinds of linguistic resources both more often and in larger clusters. There is also a difference between Trump and Biden in their choice of markers from the same group, for example between **know** (Trump) and **feel** (Biden), and between **tell** (Trump) and **ask** (Biden). The methodological results show that our current constellation of linguistic markers is effective as an analytical tool and highlights the importance of expressivity, in relation to empirical and logical truth, as a crucial component of truthmaking in political debates.*

Keywords: Expressive language, presidential debate, truthmaking, paradox, linguistic markers.

О. Н. Иванищева¹, К. вон Пост², Х. Рэйхе²

¹Мурманский арктический государственный университет,

г. Мурманск, Российская Федерация;

²Эребру университет, Эребру, Швеция

«Все, что он говорит, чистая ложь» (к проблеме установления истины в политических дебатах)

© Иванищева О. Н., К. вон Пост, Рэйхе Х.. 2021

* Статья была представлена на XV Международной научной конференции «Семиозис и культура: современные культурные практики» (28—29 мая 2021 года, г. Сыктывкар), организованной институтом культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

В работе представлена проблема использования языка в политических дебатах. Рассмотрены лингвистические маркеры выразительности и установления истины на уровне слов в президентских дебатах между Дональдом Трампом и Джо Байденом. Результаты исследования показывают, что между этими двумя участниками дискуссии существуют четкие отличия в употреблении лингвистических средств выразительности. Трамп использует выразительный язык шире, чем Байден. Маркеры, которые Трамп использует чаще, чем Байден, — это такие элементы усиления смысла, как «очень», «много», «супер»; элементы расширения / ограничения: «все», «каждый», «никогда»; слова со значением мысли и желания: «знать», «думать», «хочу», слова со значением «говорить»; условные конструкции: «если бы мог», «мог бы» и постоянная ссылка на самого себя (я). Маркеры, которые Байден использует чаще, чем Трамп, — это такой элемент усиления смысла, как слово «больше»; отрицающий факт слово-предикат «нет»; глагол «чувствовать»; выражение интенции «спрашивать» и модальный элемент «должен», а также употребление притяжательного местоимения «мой». Между Трампом и Байденом также есть разница в выборе маркеров из одной и той же группы, например между знанием (Трамп) и чувством (Байден) и между сообщением (Трамп) и вопросом (Байден). Результаты показывают, что метод применения подобных лингвистических маркеров для анализа выразительности речи эффективен в качестве аналитического инструмента и подчеркивает важность экспрессивности по отношению к эмпирической и логической истине как важнейшего компонента установления истины в политических дебатах.

Ключевые слова: *выразительный язык, президентские дебаты, установление истины, парадокс, языковые маркеры.*

Introduction. Truthmaking in political debates can be a complex linguistic endeavor, including time restrictions, high stakes, and tuff questions to be answered. This is even more so when truthmaking is interlinked with subjectivity, expressivity, and self-reference. Let us demonstrate the later by looking at two classical cases of self-reference, and after that look at subjectivity and expressivity. Our two initial examples are originally borrowed from Quine [1, p. 38—39], and slightly adjusted to our current theme. To begin with, envision a country that has a law stating that the president of the country can grant amnesty only to citizens that cannot grant amnesty to themselves. It is then obvious that any new president can grant amnesty to the old one. A trickier question is if a current president can grant amnesty to himself? The answer turns out to be utterly hard to find because: if the president pardons himself, he belongs to the group that he cannot pardon, but if he then cannot pardon

himself he belongs to the group that he can pardon, but then he cannot do it, and so on and so forth. From the logical and linguistic point of view a troubling question is also the difficulty to understand these possible answers, which, among other things, are raising serious questions about our ability to reason rationally by using mundane language. If we, despite this worrying discovery, wish to save a common conviction that humans are rational and logical beings we could claim that this question is meaningless because there simply cannot be any such president. A disqualification of the question, rather than the answer, may sound as a wise solution, at least at first, but what if we become unhappy with an explanation that rather dismisses than solves the paradox. We should not either forget the subjective dimension of the paradox, because, as Quine points out “one man’s veridical paradox can be another man’s platitude” [2, p. 12]. This last remark, if taken seriously, multiplies the possible questions and answers, and even making it possible that there might be such a president around, and perhaps not only one but several of them. But let us leave all this as it may for a moment and instead look at the second puzzling example where subjectivity, language, and self-reference become problematic in relation to questions of truth. Suppose you are using your mundane language as you always have, and suddenly discover that the word *no* actually means *yes*, and *yes* means *no*, making *truths* become *lies* and *lies* become *truths*. Perhaps this may sound like a bad dream, but under certain circumstances it will prove to be a reality. As we have already seen, these sorts of things sometimes happen when we suddenly face paradoxal contradictions in our mundane use of language. Our reactions to these kinds of things may vary considerably depending on the circumstances, and perhaps we will perceive them as amusing riddles, annoying uncertainties, or real worries regarding our own rationality.

The Liar’s paradox is a textbook example of this. Let us take a closer look at it. A short statement “I am lying” becomes notoriously problematic as soon as we ask if it is true. To begin with, our common sense tells us that statements can be true or false, but not at the same time. Any true statement should simply be true if it is telling the truth, and a lie if it is lying. One of the two should then always be the right one, making it a simple choice from the logical point of view. So far so good, but from that point on the bad dream starts becoming real, truth will turn out to be a lie and a lie turn out to be a truth. This happens because if I am telling the truth I will be lying, but if I am lying then I will be telling the truth,

but if I am telling the truth I will be lying, and so on in a never-ending circle where truths and lies replace each other. What is it then cause this vicious circle? Tarski and Leśniewski (among others before) worked on this problem, and their efforts resulted in an explanation asserting that the paradox arises because the statement is not only stating something at the level of natural language, "I am lying", but at the same time also being self-referential and commenting itself at the level of meta language, "I am lying I am lying" [3, p. 2 ff]. In other words, the answer is that if a statement contains several simultaneous language acts at different language levels it leads to severe contradictions in some cases. This happens because we do not realize that we are continuously changing our perspective between object language and metalanguage during our interpretation of the utterance. This solution offered by Tarski and Leśniewski gives us at least a more thorough understanding of the problem. "Tarski concludes that 'these antinomies seem to provide a proof that every language which is universal in the above sense, and for which the normal laws of logic hold, must be inconsistent' Aaron [4, p. 1]. More could of course be said about Tarski's solution and its potential problems, for example if it is a proper solution or a rephrasing of the problem (see [5, p. 204 ff] for discussion). In our case the situation may however be even worse, that is if we also count in the assessments of the speaker. The utterance, "I am lying", is then not only self-referential on the level of the message such as "This message is false." but also on the level of the interlocuter, stating "I am (a person who) is lying". In the latter case we are moreover left with questions like, is the person speaking only making a mistake or lying only at this single occasion or is he perhaps a notorious liar? These kinds of later questions reveal that things get paradoxical even in terms of how to judge the speaker. This means that we in addition to the paradoxical alteration of focus regarding the message also need to consider the relation between the message and the interlocuter, that is, both concerning two levels of language (object language and meta language), and concerning the reliability of interlocuter, which leads to choices such as between an honest speaker who is lying, and a notorious liar telling the truth.

Some more words need also to be said about the concept of truth itself. The reasoning above already shows that there can be different criteria and it can be difficult to find only one unambiguous criterion. For example, logical line of truths can be described as circular references within delimited systems, i.e. types of self-reference, while a synthetic

truth also refers to external worlds [1, p. 87]. There are then several different ways of looking at truth. For the sake of space we only shortly mention some, such as correspondence, coherence, pragmatic, redundancy, and deflation theories of truth [1, p. 87]. The first-mentioned correspondence theory consists already in itself of two different types, namely congruence and correlation theory [6, p. 168]. Congruence theory implies direct isomorphism between thought and external facts, while correlation theory sees this relation as conventionally mediated [1, p. 87]. The problem is not only to find the truth but that there may be several kinds of truths, and that we may even need to make choices between them. As everyday ordinary consumers, we are used to choosing between different types of goods and services, but it may not be as obvious and acceptable to think that there are different truths available and we have to choose between them. The common everyday view of the truth however mostly relates to the correspondence view of a relation between a statement and the world's corresponding state [1, p. 88]. More could be said about the views on truth but in our case, it suffices to say that truth, or truths, can be complex and complicated to deal with. Let us now move on to the foci of this paper, namely expressivity and subjectivity in real life truthmaking.

Previous research points out, that speakers relying on subjectivity set an emphasis on the authenticity and expressivity rather than logical truths and observation-based facts [7, p. 373]. Subjectivity is a legitimate form of truth claim but it emphasizes a speaker's inner experiences, rather than any external verifiability or formal logics. Habermas [8, p. 62] gives following the description of such expressive sentences: "The expressive component remains implicit in the normal form, but it can always be expanded into an expressive sentence. The latter is constructed with the first-person pronoun (as subject expression) and an intentional [in Husserl's sense] verb (with a predicative function), while the place of the logical object is occupied either by an object (e.g., 'I love *T*') or by a nominalized state of affairs (e.g., 'I fear that />'). Ivanishcheva, von Post & Rähä makes some further linguistic specification of Habermas expressive components, by pointing out reinforcements as linguistic devices for expressivity, that is words like "very, little, extremely" [7, p. 380], and predicative markers, such as "all, everyone, none" and "not" following the first person pronoun "I", for example in sentences like "I have to say about my group that I do not know ..." [7, p. 384], and processes (verbs)

that refer to inner states, such as “think” in sentences like “Pjotr thinks about football.” [7, p. 380] where the process “thinks” marks a mental domain. These later are characterized as verbal and mental processes, for example *love, think, cry* etc. (see also [9]). Emotions and their expressions are closely related to rationality and truth claims. Ivanishcheva, von Post & Rähä point out that “The speaker needs to communicate the subjectively experienced feelings in a way that makes them truthful” [7, p. 376]. Further on in our current study we will show how linguistic devices expressing subjectivity and self-reference are used for truthmaking in political debate. The term “truthmaking” refers here to the use of linguistic devices related to expressiveness and self-reference (regarding the philosophical term “truthmaker” see [10; 11]). For the sake of simplicity, we are from here on going to call all the above-mentioned linguistic devices markers of expressivity.

Aims and questions. The aim of this current study is to investigate and compare linguistic truthmaking through expressive linguistic devices on word level in the first presidential debate between Donald Trump and Joe Biden.

Questions

What linguistic forms of expressiveness are salient in the debate?

Are there differences between Trump and Biden in their use of expressivity?

A methodological question is if a word level mapping is a useful analytical tool.

Material. The material that is analyzed is the first presidential debate between Trump and Biden, September 2020. The debate was transcribed from <https://www.youtube.com/watch?v=fX79e-0RiRU> (broadcasted Sep 29, 2020). Trump’s contribution contains 7500 words and Bidens 6800.

Method. The question of why presidential debates are interesting to analyse can be given different answers. Geer [12, p. 486] says that presidential debates “influence a large number of people in important ways, and that in tightly contested races these verbal exchanges between the nominees can be decisive events”. Regarding the debates as political

communication Isotalus & Almonkari [13, p. 1] refer to “the speed, intensity and extent of change in the structures of communication and in the ways in which political communication is carried out and concepts, such as “Americanization, mediatization, modernization, professionalization, presidentialization, personalization, and privatization.” The participants as individual speakers are also important. Nguyen, Q. N. & Sawalmeh M. H. M. point for example out that Trump’s presidential linguistic style is highly distinctive in terms of its simplicity, anti-elitism, and collectivism. They also give an example from the presidential debate from the year 2016, between Donald Trump and Hillary Clinton:

“CLINTON: ...they showed he didn’t pay any federal income tax.

TRUMP: That makes me **smart**.

[..]But I could give you a list of banks, I would -- if that would help you, I would give you a list of banks. These are very **fine** institutions, very **fine** banks. I could do that very quickly.

TRUMP: ... I built an unbelievable company. Some of the **greatest assets** anywhere in the world... It’s an **unbelievable** company” [14, p. 68—74].

Some words in the excerpt above are bolded in the original article, but not commented on any further by the authors. This however something that we will do in this current study, among other things. We will also label most of the bolded words as expressive words. These and other kinds of expressive words and their use are in foci in this current study of the debate between Trump and Biden from the year 2020. The notion of expressiveness is borrowed from Habermas [8, p. 62] and the coding of the linguistic markers also follow Ivanishcheva, von Post & Rähä [7] and Rähä [1, p. 122]. Our method in this current study is qualitative and it is used to analyse linguistic markers of expressivity on the word level. The debate between Trump and Biden is transcribed first and after that coded by categorising, expressive words in the transcription. Our initial coding does not include potential synonyms, other alterations, or non-occurrences, but only markers that are observable in both speakers’ contributions. Implicit markers and markers relations to each other beyond the analysed utterance (turn of talk) are not investigated. For the sake of space, we are not either making detailed analyses of all the coded markers, but rather include illustrative cases. Our transcription uses standard orthography. Linguistic markers of expressivity in the coding are pre-

sented below. (More extended empirical examples can be found in the Results section.)

Hypotheticality: *if, would, could, ...*

Liar meta comment: *true, not true, lie ...*

Mental meta comment: *know, want, think ...*

Reinforcing: *very, good, super, ...*

Self-reference: *I, my, me, ...*

Totalizing: *all, every, none, ...*

Verbal meta comment: *say, tell, ask ...*

Now let us look at two examples from the debate to show how our coding works. The parts coded are the first more lengthy utterances made in the debate by Trump and Biden. The expressive words are bolded and the amount of expressive words of the total amount of words is counted

Trump

thank you **very much** Chris I will **tell** you **very simply** we won the election elections have consequences **we** have the senate **we** have the white house and **we** have a **phenomenal** nominee **respected** by **all top top** academic **good in every way good in every way in fact** some of her **biggest** endorsers are **very** liberal people from Notre Dame and **other** places so **I think** she's going to be **fantastic** **we** have **plenty** of time **even if we** did it after the election **itself I** have a **lot** of time after the election as you **know** so **I think** that she will be **outstanding** she's going to be as **good** as **anybody** that has served on that court **we really feel** that **we** have a professor at Notre Dame **highly respected** by **all said** she's the **single greatest** student he's **ever** had he's been a professor for a **long** time at a **great** school and **we just we** won the election and therefore **we** have the right to choose her and **very few** people **knowingly would say** otherwise and **by the way** the democrats they **wouldn't even** think about not doing **if** they had the **only** difference is they'd try and do it **faster** there's **no way** they **would** give it up they had Merrick Garland but the problem is they didn't have the election so they were stopped and **probably** that **would** happen in reverse **also definitely would** happen in reverse so **we** won the election and **we** have the right to do it Chris
(Expressive words make 33% of total amount words in this example)

Biden

the American people have a right to have a say in who the supreme court nominee is and that say occurs when they vote for united states senators and when they vote for the president of united states they're

not going to get that chance now because **we're** in the middle of an election already the election has already started tens of thousands of people have already voted and so the thing that should happen is **we should** wait **we should** wait and see what the outcome of this election is because that's the **only** way the american people get to express their view is by who they elect as president and who they elect as vice president now what's at stake here is the president's made it clear he wants to get rid of the affordable care act he's been running on that he ran on that and he's been governing on that he's in the supreme court right now trying to get rid of uh the the affordable care act which will strip twenty million people from having insurance health insurance now **if** it goes into court and the justice **I** have **nothing I'm** not opposed to the justices she seems like a **very fine** person but she's written before she went in the bench which is her right that she thinks that the affordable care act is not constitutional the other thing that's on the court and **if** it's struck down what happens women's rights are **fundamentally** changed once again a woman **could** be held pay **more** money because she has a pre-existing condition of pregnancy **we're** able they're able to charge women **more** for the same exact procedure a man did gets and that ended when **we in fact** passed the affordable care act and there's a hundred million people who have pre-existing conditions and they'll be taken away as well those pre-existing conditions insurance companies are going to love this and so it's just not **appropriate** to do this before this election **if** he wins the election and the senate is democrat or republican then he goes forward **if** not **we** should wait until February (*Expressive words make 7% of total amount words in this example*)

A quick look tells us that the difference between Trump and Biden is easy to observe. This general picture of the difference between Trump and Biden is sustained throughout the whole debate, even if the difference is not always this obvious. The visual coding of the markers on text surface of the transcription shows us that Trump uses linguistic expressivity more extensively in comparison to Biden. Already these two initial examples are noteworthy and confirm that the method of coding linguistic markers of expressivity is useful in comparisons and give interesting results. Now it is time to move on to more detailed analyses.

Results. As already mentioned, we only analyse and compare markers that both speakers use, and only include some examples of the most

frequent ones from each of the categories mentioned above. This means that there are more markers to be found in the transcription, and also markers that only one of the speakers use. The markers shown are examples from the transcript, and they are bolded. There may be other markers of expressivity in the same example, but these are not bolded until they are in the foci of analyses. Now let us look at some examples.

Reinforcing quality markers in descending frequency order, regarding the whole debate, are *very*, *well*, *more*, *good* and *much*. If we look at the first one on our list, *very*, it is four times more frequent in Trumps utterances during the whole debate compared to Biden.

We can take one example of how Trump uses it in a context: "*poll watchers a **very** safe **very** nice thing they were thrown out they weren't allowed to watch you know why because bad things happen in Philadelphia bad things*" In this example the word *very* is strengthening the positive valuation of *safe* and *nice* in opposition to *bad*, the later also repeated. (The later words are also counted as expressive, but we'll come back to these.) The word *very* is used for creating clear contrasts. There are several cases of this use in Trumps utterances. Here is another example: *he said **very** strongly masks are not good then he changed his mind he said masks are good*. The case is built by two clusters, *said very strongly, not good*, Trump also shows use of less antagonistic reinforcing, but the antagonistic use stands out in comparison to Biden. In case of Biden, we cannot find any cases of using *very* for creating dichotomies as exemplified above, during the entire debate. Here is one telling case of Bidens use of the word *very*: "*she seems like a **very** fine person but she's written before she went in the bench which is her right that she thinks that the affordable care act is not constitutional*". As we see the word *very* is used for reinforcing the quality, *fine*, without comparison to the opposite. As we already said, Trump uses *very* four times more often than Biden, when we compare percentage of expressive words in their individual contributions to compensate for their differences in individual contributions in the debate. Both the quantity and the use of *very*, shows differences between the two speakers. Trump uses this expressive device more frequently than Biden and to create antagonistic dichotomies, while Biden only uses it for simple reinforcing. Let us take one more telling case, this time the quantifying *much*. The contrast in frequency Between Trump and Biden is even bigger this time. Trump uses the reinforcing expressivity marker *much*, six times more often compared to Biden, during the

whole debate. Here is one example of the use: “*I know suburbs so **much** better than you so **much** better than you*”. As we can see the pattern is the same in case of *much* as in case of *very*. The word *much* is used by Trump to create a striking difference between him and Biden. We also see that Trump also adds an additional preceding reinforcing, *so*. The expressive three-word cluster, *so much better*, is also repeated by Trump. The repetition increases the expressiveness by hammering in the message, “*so much better than you*”. This example shows an expressive multipart strategy that Trump uses several times. It consists of combining markers of expressivity to an expressive cluster that is repeated. Here is one more example of this strategy: “*you would have been **much** later Joe **much** later*”. The cluster *much later* is repeated. Biden in contrast has only a few cases of including *much*, and it is only used as an reinforcing quantity marker. Let us look at one such example from Biden: “*it’s going to make the economy **much** safer, look how **much** we’re paying now to deal*”. As we see the repetition of *much* is not made within the same speech act and having a different reference. Biden does not either construct any clear-cut opponent or antinomy. Here is one more example from Biden: *the billionaires have gotten **much** more wealthy*. This example shows that also Biden combines reinforcing markers to clusters, *much more*, to raise the expressivity. The difference is that here Biden neither uses cluster repetition for raising the expressiveness nor to point out any clear opponents or dichotomies, within the same speech act. In comparison it seems that Trump uses expressivity of reinforcing quality markers more extensively and antagonistic while Biden is content with less antagonistic reinforcing strategies.

Next group of expressive linguistic devices used in the debate is totalizing words: *all*, *never*, *every*, *ever* and *nothing*. If start from the top of our list, by mapping the word *all*, the first thing we can say is that difference in the frequency of occurrence between Trump and Biden is small, Trump has 33 cases and Biden 31 in the debate. Here is an example of Trumps use of the expressive totalizing *all*: “*they were a disaster they were a disgrace to our country and we’ve caught them we’ve caught them **all** we’ve got it **all** on tape we’ve caught them **all***”. The similar type of strategy is evident here as in Trumps use of reinforcing words. We can observe several kinds of the repetitions, not only limited to the phrases including the totalizing *all*, together with references to the opponent in clearly value-marked categories, *disaster*, *disgrace*. The marker, *all*, is all

inclusive. It is a categorical, and in some uses a bold expressive marker, and even more so when repeated (repetition as a strategy is described in [1, p. 121—214]). Emphasis in our analyses is on words expressive function, and as Habermas says, it is implicitly included in words but not always emphasized in their use (see [8, p. 62]). The boldness in using *all* is then referring to its high vulnerability to empirical and logical counter evidence. Only one counter example is enough to falsify its claim of totality in its truth functional use [1, p. 146] (see also [15]). But as a linguistic device in its expressivity function it rather needs to be a truthful expression of the speaker's inner experience than empirically true. If it should turn out that one of those claimed to be caught by Trump actually was not caught the expressivity of *all*, can nevertheless be accepted as an authentic expression of his indignation. The claim *all*, is then not true but still truthful. This is of course nothing unusual because you can believe something that is not true. The point here is that expressivity of the word can be related to a truth value, but it is not necessarily correlated to any specific truth value. But what about Bidens use of the word *all*? There are cases similar to Trump. above. We already mentioned that this is the case regarding the frequency, and it is also the case regarding the use of the totalizing, *all*. However, there are also some differences. The following is an example of both differences and similarities: "*do you believe for a moment what he's telling you in light of **all** the lies he's told you about the whole issue relating to Covid.* As we can see Biden does not claim that Trump is only telling lies, but rather that Trump has told lies regarding covid and it is the totality of these lies that Biden is referring to by *all*. It can be difficult delineate what is a lie and what is a truth in a political real time debate, and it is neither a formal trial, but the empirical truth is neither the main point here. Biden is rather departing from a presupposing that people are already know that Trump is telling lies. This and the previous example are also interesting in comparison because they show how the scope of a totalizing word, such as *all*, is depending on the context and use, in this case between Trumps claim of *all* evidence to Bidens presupposition of common knowledge of lies in case of Covid.

If we move on to linguistic markers of hypotheticality both speakers use *if, would, should, could, maybe*. The most frequently used of these five, *if*, follows the pattern so far. Biden has 33% less cases of *if* compared to Trump. Lets look first at one example from Biden: "*after all the all the ballots are counted all the votes are counted that'll be the end of it that'll be*

the end of it and if it's me in fact fine if it's not me I'll support the outcome". Linguistic markers of expressivity, such as *if*, are used to frame things and situations that are not (yet) existing but imaginary possible, that is at least for the moment imagined and, in that respect, subjective. There are two cases of *if* in the example above. They are used to mark two future, but not (yet) existing, outcomes. Biden as a person is also framed as equally happy with both possible outcomes of the election. The statement is referring to Bidens inner state of mind, that is claimed truthful through the expressivity of the language. It is interesting that there are also many other markers from our initial list building up the expressivity, and to back up the subjective claim such as *I*, a cluster: *me in fact fine if*, and repetitions, three *all*, and two *me*. There is no explicit linguistic marker with reference to anybody else than Biden himself in this sequence. Now let's look at one more example, this time from Trump: *if Pocahontas would have left two days early you would have lost every primary*. This is also an example where *if* marks a non-existing imaginary situation and what eventually could happen if it was a reality. Just as in the previous example there are supporting markers of hypotheticality, two *would*. The first one is contributing to the condition and the second one to the conclusion. There is also a fourth expressivity marker, a totalizing word, *every*. The markers of expressivity are this time fewer than in Bidens utterance, but they are used by Trump as earlier to explicitly pointing out an opponent, and this time also a negative outcome for the opponent. There are also ethnic antagonisms and controversies built into the utterance.

Next group of expressivity markers are liar meta comments, such as *fact, true, not true and lie*.

In this case the tables are turned, and Biden uses these markers much more extensively, that is eight times more frequent compared to Trump. Given this difference this is his most dominant expressive strategy among the markers we have looked in to so far. However, it is important to keep in mind that this kind of statement is only valid in comparison to Trump, in this debate, and given the markers studied. Here is an example of Bides use of the (and other previously discussed markers): *the fact is that everything he is saying so far is simply a lie I am not here to call out his lies everybody knows he's a liar*. Given the high status of rationality and truth has as a cherished cultural value [1, p. 17], not least in the westernised culture [16, p. 44], then calling someone a liar has a potential expressive component (beyond the logical and empirical truth) that can be ex-

panded [8, p. 62]. One way to do this is repetition (see [1, p. 121] about repetitions). Repetitions are one of the things boosting expressivity in this example. There is also the marker *fact* that is commenting the rest of the utterance and adding to the expressiveness. Other markers that we are already familiar from our previous examples are totalizing markers *everything* and *everybody* and also the reinforcing marker *simple*. There are also other kinds of meta comments, the verbal comment *saying*, *call out*, and the inner mental marker, *knows*. In the analysed debate this is one of the utterances that stand out as highly expressive through its use of many different linguistic means to boost its expressivity. Seen from an interpersonal perspective they are boosting an unmistakable attitude. If compared with Trump's use of similar linguistic devices, it is hard to find more extensive expressiveness achieved through such meta comments. The few examples including Liars meta comments are short, and of which the most elaborate is: *and that's not **true** neither **right***. The last example contains two markers forming a pragmatic tautology.

Meta comments include mental and verbal comments. These are labeling the inner states of mind, in case of mental comments and the content in case of verbal comments. Let us look at an illustrative example of the latter uttered by Biden: *say it do it say it*. The labeling of the content that Biden refers as *it*, is done by using the word *say*, that is something he wants to be done by Trump. There are of course many such potential labels, *speaking*, *tell*, *shout* etc. In this case Biden chooses to label the content as something that not only can be said but should be said. Repetition that can be observed also in this example is reoccurring feature in the delivery of markers of expressivity, in this case used to heighten the expressivity. The mental meta comments can be explicated together with our last group of markers.

The concluding group of expressive markers in our analyses is self-references. The most common in case of both speakers is the marker *I*. Trump makes this type of self-references 182 times during the debate, while Biden makes 88. Trump has longer repetitive sequences of self-references. In case of Trump, the self-references are often combined with mental meta comments. If we look at the three most common types (*I think ...*, *I want ...*, *I know ...*) then Trump has 27 such cases, that is five times more than Biden. Biden in turn has 6 self-referential verbal meta comments while Trump has only two. All in all, Trump uses self-referentiality more than twice as often as Biden, and in longer sequences, often

together with other expressive linguistic means. Now let's look at an example of all this. (This time also the meta comments are bolded.) We look at a case where Trump's utterance, besides mental meta comments, also includes his two verbal meta comments in this debate.

Trump: *It's become very political because the left or I don't **know** if I **call** them left I don't **know** what I call them.*

This rather intricate example shows the marker of self-reference, *I*, that is repeated four times, combined with mental meta comments, that are labeling the inner (in this case negated) processes, as *know*. These mental markers further underscore the subjectivity in the self-reference. The two verbal meta comments, *call*, are tagging the speech act, that is labeling "very political" as an imaginary alternative, *if*, as "left". This is followed by an uncertain conclusion including a repetition of the self-reference, *I*, with its subjectivity underscored by a mental meta comment, *know*, that is labeling the content of the inner (negated) process as self-referential tagging of the speech act. The sequence of markers of subjective self-referentiality works also as a buildup, and the speakers display of inability to label "very political" correctly is turned to a component for expressing authentic personal disliking.

This last example also shows a common feature of expressive language use, namely, what may seem like a failure, in this case the speakers' inability to find the right word, can be used to achieve important communicative goals in the domain of linguistic expressivity.

Conclusions. If we summarize our main findings, we can see that Trump clearly uses more expressive forms in general. Examples of markers that Trump uses more often than Biden are reinforcing: *very, much, super*, totalizing: *all, every, never*, mental: *know, think, want*, verbal: *tell, talk, say*, hypotheticality: *if, could, would*, and self-reference: *I, me*. There are also single markers of expressivity that Biden uses more often than Trump, for example reinforcing: *more*, totalizing: *none*, mental: *feel* verbal: *ask*, hypotheticality: *should*, and self-reference: *my*. There is also a difference between Trump and Biden in their choice of markers from the same group, for example between *know* and *feel*, and between *tell* and *ask*. We want however to remind that our findings apply to the first presidential debate only, and the chosen markers. The clear differences in expressivity between the two participants in the presidential debate, Trump and Biden, can be observed both in general and studied in more

detail. The results are interesting and show that expressivity is a central feature in communication. It is, as we have seen, expressed simultaneously in combination with factual and logical content but at the same time have its own domains of truth validity, communicative functions, and linguistic characteristics. The methodology that is used in this study shows that already rather basic linguistic analyses, in this case limited to word level and single utterances, are able to show clear differences in speakers use of expressivity. This kind of analyses can of course be combined with more comprehensive linguistic and rhetoric analyses, but already on their own they can show interesting features and differences between speakers. The constellations of markers used in this investigation, originating from Habermas [8; 16] seminal work on rationality forms, are adjusted to this current study and the material used. The specific constellation of linguistic markers of expressivity is also exploratory and should be developed further in similar and other kinds of future studies. At this stage of development and applied to the presidential debate between Trump and Biden, the current constellation of markers show clearly that Trumps makes more extensive use of expressive linguistic devices compared to Biden. It also demonstrates that expressivity is a crucial feature in truthmaking, motivating further studies.

Библиографический список

1. Rähä H. Lärares dilemma // *Studier från Örebro i svenska språket*, 2008, no 4, 200 p. (In Swed.)
2. Quine W. V. *The Ways of Paradox and other essays*. London, Harvard University Press, 1976, 350 p. (In Eng.)
3. Betti A. Lesniewski's early Liar, Tarski and natural language // *Annals of Pure and Applied Logic*, 2004, vol. 127, pp. 267—287. (In Eng.)
4. Aaron S. Tarski, Frege and the Liar Paradox // *Philosophy*, 1971, no 46 (176), pp. 1—9. URL: <https://www.cs.bham.ac.uk/research/projects/cogaff/sloman-tarski-liar.pdf> (Дата обращения: 18.01.2021) (In Eng.)
5. Davidsson D. *Inquiries into truth and interpretation*. Oxford, University press, 2001, 298 p. (In Eng.)
6. Rasmussen J. How truth relates to reality // *American Philosophical Quarterly*, 2013, vol. 50, no. 2, pp. 167—180 (In Eng.)
7. Ivanishcheva O. N., von Post C., Rähä H. Patterns of rationality in Nordic language teachers' views on second language // *Revista Inclusiones*, 2020, vol. 7, no 4, pp. 369—391. (In Eng.)
8. Habermas J. *The theory of communicative action, Vol. 1, Reason and the rationalization of society*. Boston, Beacon Press, 1987, 512 p. (In Eng.)

9. Holmber P., Karlsson A.-M. *Grammatik med betydelse: en introduktion till funktionell grammatik*. Uppsala, Hallgren & Fallgren, 2006, 222 p. (In Swed.)

10. MacBride F. For keeping truth in truthmaking // *Analysis*, 2013, no 73 (4), pp. 686—695. (In Eng.)

11. Bennet K. Review: Truthmaking and Case-Making // *Philosophy and Phenomenological Research*, 2011, vol. 83, issue 1, pp. 187—195. (In Eng.)

12. Geer J. G. The effects of presidential debates on the electorate's preferences for candidates // *American Politics Quarterly*, 1988, vol. 16, no 4, October, pp. 486—501. (In Eng.)

13. Isotalus P., Almonkari M., Trends of Political Communication and Political Leadership. Perspectives of Finnish Media and Party Leaders // *Transforming Politics: New Synergies: 61st Political Studies Association Annual Conference* 19—21 April 2011, London, Political Studies Association, 2011. URL: https://www.academia.edu/20913740/Trends_of_Political_Communication_and_Political_Leadership_Perspectives_of_Finnish_Media_and_Party_Leaders (Дата обращения: 18.04.2021). (In Eng.)

14. Nguyen Q. N., Sawalmeh M. H. M. Trump's Strategies in the First Presidential Debate: A Critical Discourse Analysis // *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, 2020, vol. 3, no 5, pp. 68—77. (In Eng.)

15. Popper K. *A Pocket Popper*. London, Fontana, 1983, 480 p. (In Eng.)

16. Habermas J. *The theory of communicative action, Vol. 2, Lifeworld and system: a critique of functionalist reason*. Boston, Beacon Press, 1987, 464 p. (In Eng.)

Источники

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fX79e-0RiRU> (дата обращения: 18.04.2021)

References

1. Rähkä, H. Lärares dilemma. *Studier från Örebro i svenska språket*, 2008, no 4, 200 p. (In Swed.)

2. Quine, W. V. *The Ways of Paradox and other essays*. London, Harvard University Press, 1976, 350 p. (In Eng.)

3. Betti, A. Lesniewski's early Liar, Tarski and natural language. *Annals of Pure and Applied Logic*, 2004, vol. 127, pp. 267—287. (In Eng.)

4. Aaron, S. Tarski, Frege and the Liar Paradox. *Philosophy*, 1971, no 46 (176), pp. 1—9. Available at: <https://www.cs.bham.ac.uk/research/projects/cogaff/sloman-tarski-liar.pdf> (accessed 18.01.2021) (In Eng.)

5. Davidsson, D. *Inquiries into truth and interpretation*. Oxford, University press, 2001, 298 p. (In Eng.)

6. Rasmussen, J. How truth relates to reality. *American Philosophical Quarterly*, 2013, vol. 50, no. 2, pp. 167—180 (In Eng.)

7. Ivanishcheva O.N., von Post C., Rähä H. Patterns of rationality in Nordic language teachers' views on second language. *Revista Inclusiones*, 2020, vol. 7, no 4, pp. 369—391. (In Eng.)

8. Habermas, J. *The theory of communicative action, Vol. 1, Reason and the rationalization of society*. Boston, Beacon Press, 1987, 512 p. (In Eng.)

9. Holmber, P., Karlsson, A.-M. *Grammatik med betydelse: en introduktion till funktionell grammatik*. Uppsala, Hallgren & Fallgren, 2006, 222 p. (In Swed.)

10. MacBride, F. For keeping truth in truthmaking. *Analysis*, 2013, no 73 (4), pp. 686—695. (In Eng.)

11. Bennet, K. Review: Truthmaking and Case-Making. *Philosophy and Phenomenological Research*, 2011, vol. 83, issue 1, pp. 187—195. (In Eng.)

12. Geer, J. G. The effects of presidential debates on the electorate's preferences for candidates. *American Politics Quarterly*, 1988, vol. 16, no 4, October, pp. 486—501. (In Eng.)

13. Isotalus, P., Almonkari, M. Trends of Political Communication and Political Leadership. Perspectives of Finnish Media and Party Leaders. *Transforming Politics: New Synergies: 61st Political Studies Association Annual Conference 19—21 April 2011*, London, Political Studies Association, 2011. Available at: https://www.academia.edu/20913740/Trends_of_Political_Communication_and_Political_Leadership_Perspectives_of_Finnish_Media_and_Party_Leaders (accessed 18.04.2021). (In Eng.)

14. Nguyen, Q. N., Sawalmeh, M. H. M. Trump's Strategies in the First Presidential Debate: A Critical Discourse Analysis. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, 2020, vol. 3, no 5, pp. 68—77. (In Eng.)

15. Popper, K. *A Pocket Popper*. London, Fontana, 1983, 480 p. (In Eng.)

16. Habermas, J. *The theory of communicative action, Vol. 2, Lifeworld and system: a critique of functionalist reason*. Boston, Beacon Press, 1987, 464 p. (In Eng.)

Sources

Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=fX79e-0RiRU> (accessed 18.04.2021).

С. З. Иткулов

Ивановская ГСХА имени Д. К. Беляева, г. Иваново, Российская Федерация

**Специфика когнитивного сознания субъекта-логоцентрика
в нонсенс-поэзии XIX века
(на примере текстов Козьмы Пруткова и Эдварда Лира)**

В статье на материале текстов нонсенс-поэзии в рамках оригинальной авторской методологии впервые проанализирован совокупный когнитивный опыт нонсенс-поэтов в рамках существования особой логоцентрической модели синтетической языковой личности. Также исследуются особенности когнитивного сознания логоцентрического типа. Разнообразие исходного материала обуславливает применение герменевтической методологии, решающей проблему совмещения в понимании текста объективности сообщаемого и субъективности сообщающего, а также метода сопоставительного анализа, что позволяет описывать изучаемые явления с точки зрения единства смыслообразующих аспектов.

Высказывается мнение о формировании в этом сознании некоего «когнитивного блока», который заставляет нас вновь и вновь возвращаться к разрешению противоречия. В момент формирования «когнитивного блока» когнитивное движение к цели прерывается, так как сама цель теряет устойчивость и распадается на бесконечные копии, поэтому продолжение движения возможно только после преодоления «когнитивного блока».

Делается вывод о том, что сознание субъекта-логоцентрика в пространстве нонсенс-поэзии XIX века подвергается ярко выраженной дестабилизации в силу возникновения в последнем когнитивного блока. Суть данного явления состоит в том, что субъект-логоцентрик не в состоянии подавить собственное стремление к неупорядоченности. В то же время субъект-логоцентрик не в силах преодолеть это стремление окончательно, так как эта сила сознания не менее существенна, чем противостоящее ей стремление к упорядоченности. Выходом из подобного противоречия может быть либо вовлечение разупорядочивающей силы в непрерывную игру, либо разупорядоченность субъективного сознания и объективной реальности, вследствие чего иррациональная среда может поглотить сознательное творчество.

Результаты данной работы могут быть использованы в рамках литературоведческих, культурологических, социокогнитивных исследований, посвященных изучению культуры и произведений нонсенса.

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа (КПП), субъект-логоцентрик, нонсенс-поэзия, безумие, сознание, когнитивный блок.

S. Z. Itkulov

D. K. Belyaev Ivanovo State agricultural Academy, Ivanovo, the Russian Federation

Specifics of the Cognitive Consciousness of the Logocentric Subject in the Nonsense Poetry of the 19th Century (as Exemplified in the Texts of Kozma Prutkov and Edward Lear)

The article uses the material of the texts of nonsense poetry in the framework of the original author's methodology to analyze for the first time the total cognitive experience of nonsense poets within the framework of the existence of a special logocentric model of a synthetic language personality. The features of cognitive consciousness of the logocentric type are also investigated. The diversity of the source material determines the use of hermeneutical methodology, which solves the problem of combining the objectivity of the reported and the subjectivity of the reporting in the understanding of the text. The diversity of the source material led to the use of the method of comparative analysis, which allows us to describe the phenomena under study from the point of view of the unity of the meaning-forming aspects.

The opinion is expressed about the formation of a certain "cognitive block" in this consciousness, which forces us to return again and again to the solution of the contradiction. At the moment of the formation of the "cognitive block", the cognitive movement towards the goal is interrupted since the goal itself loses stability and splits into infinite copies so that the continuation of the movement is possible only after overcoming the "cognitive block". It is concluded that the consciousness of the logocentric subject in the space of nonsense poetry of the 19th century is subjected to pronounced destabilization due to the emergence of a cognitive block in the latter. The essence of this phenomenon is that the logocentric subject is unable to suppress its own desire for disorder. At the same time, the logocentric subject is not able to overcome this desire completely, since this force of consciousness is no less essential than the opposing desire for order. The way out of this contradiction can be either the involvement of the disordering force in a continuous game, or the disordering of subjective consciousness and objective reality, as a result, the irrational environment can absorb conscious creativity.

The results of this work can be used in the framework of literary, cultural, and sociocognitive studies devoted to the study of culture and works of nonsense.

Keywords: cognitive-pragmatic program (KPP), subject-logocentric, nonsense-poetry, madness, consciousness, cognitive block.

Введение. Научная новизна работы обусловлена тем, что в современной науке до сих пор отсутствует когнитивно-ментальный подход к анализу произведений нонсенса. Обращение к решению проблем, связанных с необходимостью внести ясность в теоретический аспект изучения культуры нонсенса, и попытка предложить новые методы анализа произведений нонсенса определяют практическую значимость работы. Цель исследования — выявление специфики сознания субъекта-логоцентрика в пространстве нонсенс-поэзии XIX века. Для достижения цели необходимо решить ряд конкретных задач: 1) рассмотреть особенности литературного нонсенса; 2) определить общую направленность когнитивно-прагматической программы (КПП) представителей нонсенс-поэзии XIX века; 3) охарактеризовать специфику художественного преломления реальности в произведениях литературного нонсенса; 4) проанализировать процесс формирования когнитивного блока в сознании нонсенс-поэтов XIX века.

Методы исследования. Разнообразие исходного материала обуславливает применение герменевтической методологии, решающей проблему совмещения в понимании текста объективности сообщаемого и субъективности сообщающего, а также метода сопоставительного анализа, что позволяет описывать изучаемые явления с точки зрения единства смыслообразующих аспектов. Особенности когнитивного сознания логоцентрического типа подробно рассмотрены в монографии Д. Иванова «Теория синтетической языковой личности» [1]; особенности культуры нонсенса рассматривались в статье С. З. Иткулова «Феномен биннома фантазии в культуре нонсенса» [2].

Теоретическую базу исследования составляют: а) филологические и культурологические работы, посвящённые культуре нонсенса (И. Ермакова, Д. Коллоннезе); б) литературоведческие исследования творчества нонсенс-поэтов XIX века (О. Дашевская, З. Минц, В. Новиков); в) разработки в области когнитивной семиотики личности (Д. Иванов); авторские исследования культуры нонсенса (С. Иткулов).

Основная часть. Нонсенс-поэзия XIX века — явление сложное и малоизученное, в данной статье мы попытаемся осветить лишь

один из ее аспектов. Интерес представляет взгляд на нонсенс-поэзию XIX века через призму существования особой логоцентрической модели синтетической языковой личности, формирующейся на базе когнитивного взаимодействия двух типов субъектов: *субъекта-источника* и *субъекта-интерпретатора* [1, с. 159]. Особым типом исходного субъекта этой модели является логоцентрический субъект. Этот тип моделирования основан на совокупности базовых универсальных представлений о материальной и духовной природе мироустройства, глубоко укоренившихся в человеческом сознании. Основными типологическими особенностями когнитивного сознания субъекта-источника логоцентрического типа являются:

1) когнитивное сознание логоцентрика работает по принципам жесткой дуалистической модели (прежде всего, противопоставления Добра и Зла);

2) когнитивное сознание логоцентрика векторно по своей природе (от Сущестующего к Должному);

3) векторная природа логоцентрического когнитивного сознания приводит к абсолютизации принципа бинаризма, который в пространстве рассматриваемой когнитивной системы становится фундаментальной основой моделирования;

4) когнитивное сознание субъекта-источника логоцентрического типа динамично по своей природе. В этом контексте динамизм понимается прежде всего как сознательная, конститутивная и часто абсолютизированная познавательная потребность логоцентрического субъекта в духовном самообразовании, саморазвитии, «очищении» своей души [1, с. 164—170].

Особый интерес представляет сознание субъекта-логоцентрика в нонсенс-поэзии. Как отмечает З. Минц, нонсенс-поэзия «обесценивает, представляет “галиматьей”, всё то, что догматическое мышление стремится изобразить в виде бесспорных, абсолютных ценностей» [3, с. 393]. Суть нонсенса — в разрушении канона, в преодолении автоматизма мышления и поведения. Основной в нонсенсе является антитеза идеального мира как *имеющего смысл* (и одновременно гармонического, то есть *Должного*) и обыденного как *бессмысленного* (и одновременно хаотического, то есть *Сущего*). Отметим, что обретение (достижение) *Должного* должно быть реализовано именно в пространстве *Сущего* (в реальности). Как отмечает

Д. Коллоннезе, «в любом “нонсенсном” произведении пишется о нереальных вещах и нереальных явлениях, но они всегда связаны с нормальной реальностью: они отталкиваются от неё и её же подчёркивают» [4, с. 260]. Поэтому само понятие «нонсенс» является условным, это не отсутствие смысла, а наличие нового смысла: «Нонсенс не просто отрицает смысл, шаржируя его нелепости и нестыковки, но открывает новую, более глубокую гармонию жизни через её противоречия» [5]. Таким образом, нонсенс, *отрицая* реальный мир и *утверждая* собственный мир, *возрождает* первоизданный мир [6, с. 17]. Утверждение этого принципа приводит к формированию когнитивно-прагматической программы (КПП). В основе данной программы лежат когнитивные интенции личности, направленные на поиск, освоение и переработку уже сформированных в пространстве культуры и получивших статус «идеальных», универсальных КПП. Следует отметить, что сознание логоцентрика цель, которую он выбрал на первых этапах моделирования КПП, воспринимает ее как нечто нерушимое, незыблемое. Абсолютизация принципа когнитивного целеполагания является своеобразным вектором, направление которого определяет специфику моделирования КПП. Однако довольно часто в процессе построения контрольной точки (в динамике развития когнитивного сознания исходного субъекта) логоцентрик «вдруг» начинает осознавать, что система целеполагающих когнитивно-прагматических установок-идеологем не так устойчива, как казалось вначале. Иными словами, выбранная логоцентриком цель может быть дестабилизирована на любом этапе моделирования КПП и превратиться в многочисленные «умозрительные копии» истинной цели. В сознании логоцентрика формируется некий «когнитивный блок», заставляющий снова и снова возвращаться к разрешению противоречия. В момент формирования «когнитивного блока» когнитивное движение к цели прерывается, так как сама цель теряет устойчивость и распадается на бесконечные копии. Продолжение движения возможно только после преодоления «когнитивного блока». Ситуация дестабилизации целевых когнитивно-прагматических установок и возникновения «когнитивного блока» ярко проявилась в нонсенс-поэзии XIX века. Дело в том, что на определенном этапе развития когнитивного сознания исходного субъекта и его КПП логоцентрик, учитывая качественные особенности выбранной цели,

при помощи когнитивного анализа определяет и представляет систему наиболее эффективных (по его мнению) методов, приемов и специальных «когнитивных средств» и способов достижения поставленной перед собой цели. У нонсенс-поэтов XIX века такой системой является категория безумия. Вот какие мысли высказывает В. Новиков, размышляя о нонсенсе Козьмы Прутковка: «Бывают такие психологические опыты: пишут ряд слов (например, птица, фрукт, поэт), а испытуемые подбирают к ним пары. И что же чаще всего получается? Все мы, как один, начинаем отвечать: птица — курица, фрукт — яблоко, поэт — Пушкин. Вроде бы это естественная реакция, но её стереотипность производит впечатление не общечеловеческой нормы, а какого-то массового безумия. Вот с таким-то безумием и боролись “прутковцы”. Будучи молодыми людьми, они всё же успели насмотреться всякого рода шаблонов: ритуала светской жизни, военной дисциплины, служебной казённости. Действовали они по принципу “клин клином вышибают”: безумию стандарта они противопоставляли безумие хаоса» [7, с. 213]. Аналогичные мысли высказывает О. Дашевская о нонсенсе Э. Лира: «Чудачество у него — общественная позиция, эксцентриада — форма защиты от общества» [8]. Заметим, однако, что безумие в творчестве данных авторов проявляется по-разному. Например, ознакомившись с лимериками Лира, читатель может заметить, что герои этого автора отвергают все правила поведения и законы здравомыслящего общества. Лимерики Лира были протестом против нравоучительных произведений, наводнивших английскую детскую литературу первой половины XIX века. Поясним это на конкретных примерах. Для Англии середины XIX века была характерна строгая регламентация в отношении еды, питья, внешности, поведения. Лир всю эту регламентацию или спутывает, или попросту отбрасывает. Вот, например, один из лимериков Лира, посвящённый еде:

*There was an Old Person of Chili,
Whose conduct was painful and silly:
He sat on the chairs, /
Eating apples and pears,
That imprudent Old Person of Chili [9] —*
Странноватого старца из Чили
В поведенье дурном уличили;
На ступенях сидел он,

Груши-яблоки ел он,
Необузданный старец из Чили
(пер. Б. Архипцева).

Показателен эпитет *imprudent* — необузданный. Поведение старика Лир осмысливает как вызов обществу. А вот лимерик, посвящённый внешности героя. Здесь тоже спутаны общепринятые нормы:

*There was an Old Man on a hill,
Who seldom, it ever, stood still:
He run up and down
In his grandmother's gown,
Which adorned that Old Man on a hill [9]. —*
Старичок, что на холмике жил,
Неподвижно стоять не любил;
Бегал он вверх и вниз
В платье, сшитом из лис,
Что у бабушки он одолжил
(перевод мой. — С. И.).

Герои Лира живут на верхушках деревьев, танцуют с птицами, плывут по морю верхом на гусе, пляшут кадрили с воронами, едят тарелки, краски, кашу, заправленную мышами, — словом, ведут себя как истинные безумцы. Но такими же безумцами являются и те, кто имеет определённый костюм на определённое время дня, ест определённую еду в определённое время и носит определённые усы и бакенбарды. Принцип бинаризма реализуется здесь в традиционном романтическом конфликте героя (Добро) и общества (Зло). Поэтому так часто в лимериках фигурируют второстепенные персонажи, которых автор неизменно обозначает неопределённо-личным местоимением «they» (они). Это мрачные, враждебные люди, которые нападают на чудаков, издеваются над ними, изгоняют их из общества. Как отмечает О. Хаксли: «“Они” — это все на свете, это то, что в передовицах дешёвой прессы назвали бы: “Все здравомыслящие мужчины и женщины”; “Они” — это Общественное мнение. И в большинстве своём лимерики — не что иное, как эпизоды, извлечённые из истории вечной борьбы между гением и эксцентриком и его ближними» [10, с. 340].

Таким образом, в произведениях Лира мы наблюдаем безумного героя в здравомыслящем обществе, которое на самом деле не ме-

нее безумно, так что этот герой выступает как единственный мудрец. Когнитивным блоком в данном случае становится невозможность преодоления конфликта между героем и обществом — это противостояние, по сути, становится вечным, тем самым приближаясь к абсурду. Нужно отметить еще один важный аспект нонсенс-поэзии Лира. Его произведения построены по принципу игры и во многом ориентированы на ребёнка. Одной из важных составляющих нонсенс-поэзии является умение смотреть на мир свежим, незамутнённым взглядом — взглядом ребёнка. Ориентация на детство делает игру одним из самых важных элементов нонсенса, а порой даже само это явление превращает в игру. Иначе говоря, безумие у Лира является условным, это тоже своего рода элемент игры. Игра в данном случае является и своего рода организующим элементом, так как требует определённых правил. И безумцы Лира действуют по определённым правилам игры. Отличие безумцев Лира от романтических героев в том, что поступки безумцев не являются исключительными. Танцы, еда, внешний вид — всё это эксцентрично, нелепо, но вполне логично. Герои Лира делают то же, что и обычные люди, однако «форма» этих действий является непривычной. Итак, можно сделать вывод, что безумие в произведениях Лира является одной из форм игры, это безумие «формы», причем эта игра может продолжаться бесконечно.

Иной характер носит безумие в произведениях Козьмы Пруткина. О. Дашевская отмечает: «Поэтика нонсенса в произведениях русских философов-художников существенно трансформируется. Это литература не для детей и не для того, чтобы взрослые почувствовали себя детьми» [8]. Русская нонсенс-поэзия направлена на состояние мира в целом, это общество, где все безумны изначально. Здесь нет противопоставления героя и общества. В. Новиков отмечает: «Тема мира беспорядочного, кромешного, “антимира” появляется в первых же его баснях. Эти басни вызывающе нелепы, хотя они ни в кого не метят, не пародируют никого из баснописцев. Суть их — в разрушении канона» [11, с.199]. Поэтому в нонсенс-поэзии Козьмы Пруткина нет бинаризма «Добро — Зло», так как автор и сам не в состоянии определить основополагающие принципы данных категорий. В баснях Козьмы Пруткина принцип бинаризма проявляется в так называемом биноме фантазии. Суть бинома фантазии состоит в том, что берутся два несопоставимых понятия и при-

думывается история. Причем слова, обозначающие эти понятия, выводятся из традиционного семантического ряда. Попав в непривычный контекст, каждое из этих слов получает особую притягательность [2, с. 120]. В прутковских баснях помещик беседует с цаплей и завидует ей, кондуктор убивает тарантула за неуплату, становой желает стать горлицей, помещик хватается за пятки, так как у него болит затылок. Мораль в каждой басне никак не мотивирована сюжетом. Особого внимания заслуживает басня «Звезда и брюхо». В этой басне брюхо ворчит на хозяина, который постится и не ест до первой звезды. На небе появляется звезда, однако она падает в болото. Поскольку другой звезды на небе не оказалось, брюхо осталось голодным. Здесь использован характерный для нонсенса приём «разъединения неразрывного» (особенно ярко этот приём проявился у Н. Гоголя в повести «Нос» и Л. Кэрролла в повести «Алиса в Стране чудес», где героиня собирает посылать подарки ногам). Здесь мы наблюдаем то же самое: брюхо как бы отделено от хозяина и живёт самостоятельной жизнью. Однако смысл не сводится только к этой весёлой нелепости, и соль басни не в этом. Вот что говорится в морали басни:

*Начальство, день и ночь пекущеесь о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда, — в день постный, в день скоромный,
— Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом!
Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде? [12, с. 85]*

Можно заметить, что шуточный тон морали (быть при орденской звезде, чтобы не поститься) является всего лишь ширмой для серьёзных философских размышлений: желание во что бы то ни стало получить чин — не безумие ли это? Однако безумным становится не просто желание чина, но и желание его греховной бессмысленности. Басни Козьмы Пруткова показывают безумие окружающего мира, где жизнь подчинена хотя и строгим, но нелепым

законам. Создатели Козьмы Пруткива стремятся увести читателя от привычных ассоциаций для того, чтобы последний мог преодолеть автоматизм мышления и поведения. Таким образом, поэтический мир прутковских басен — это не конфликт чудаковатого старика и враждебного общества. Мир в этих произведениях находится в конфликте с самим собой, и это определяет когнитивный блок прутковской нонсенс-поэзии. Если в лимериках Лира безумной является «форма» поведения, то в баснях Козьмы Пруткива форма является как раз осмысленной — басня является самым строгим и стройным жанром, предполагающим логическое развитие сюжета и однозначный вывод. Все эти установки у Пруткива начисто отброшены. Безумие здесь проявляется именно на уровне содержания. Авторы подводят к мысли: либо все люди без исключения безумны, либо безумна окружающая их реальность и странная реакция на неё всех людей, в сущности, адекватна. Следует, однако, заметить, что для нонсенса характерно не столько безумие, сколько «иноумие», то есть управляемое безумие. Нонсенс — не отсутствие смысла, а смысл, находящийся за пределами обычного смысла, так сказать, «внесмысл». Таким образом, чтобы прийти к открытию новых смыслов, нужно управляемое — «временное» — безумие, которое позволяет автору после «игры» вернуться к окружающей действительности. Однако дело в том, что последствия безумия могут быть самыми негативными. Сумасшествие порождает либо смерть, либо тотальное одиночество, либо абсолютное сумасшествие: «У Грибоедова в комедии “Горе от ума” Чацкий воплощает заключительный компонент следующим образом: сумасшествие — романтик — тотальное одиночество. У Достоевского в романе “Идиот” князь Мышкин воплотил другой вариант формулы: сумасшествие — другой, не такой, как все — абсолютное сумасшествие. У Гоголя в “Записках сумасшедшего” герой подвергается невыносимым пыткам и “примеряет” на себя третий вариант формулы: сумасшедший — другой, не такой, как все — мучение, приближение к гибели» [13, с. 133]. У рассматриваемых нами авторов мы находим данные виды сумасшествия. У Лира герой обречён на тотальное одиночество: герой не понят окружающими и изгнан (эта тема будет развита автором в балладах «Йонги-Бонги-Бой», «Донг с фонарём на носу», «Дядя Арли»). У Пруткива мы наблюдаем абсолютное сумасшествие, где все «другие». Приближение к гибели у авторов не прослеживается (хотя ге-

рой баллады «Дядя Арли» погибает в финале). Однако произведения авторов наводят на мысль, что герои мертвы духовно: у Лира — это люди, названные местоимением «они», у Пруткова — это многочисленные басенные герои, ведущие праздную, бессмысленную, ничем не наполненную жизнь.

Результаты исследования. Сознание субъекта-логоцентрика в пространстве нонсенс-поэзии XIX века подвергается ярко выраженной дестабилизации в силу возникновения в последнем когнитивного блока. Суть данного явления состоит в том, что субъект-логоцентрик не в состоянии подавить собственное стремление к неупорядоченности. В то же время логоцентрический субъект не в состоянии полностью преодолеть это стремление, поскольку эта сила сознания не менее существенна, чем противоположное ей стремление к упорядоченности. На примере произведений Э. Лира можно увидеть, что субъект-логоцентрик вовлекает силу, создающую беспорядок, в непрерывную игру, которая не имеет конца. В произведениях Козьмы Пруткова наблюдается иной случай разупорядоченности — разупорядоченность субъективного сознания и объективной реальности. Однако преобразование мира посредством погружения его в тотальный хаос оказывается несостоятельным, поскольку последствия могут быть самыми негативными — иррациональная среда, обладающая своими законами и правилами, может поглотить сознательное творчество.

Заключение. В пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит утрата и распад когнитивного центра, когда в сознании логоцентрического возникает «когнитивный блок», где сама цель теряет устойчивость и распадается на бесконечные копии. Результатом деструктивного процесса нейтрализации «когнитивного блока» является глубокая депрессия и глубокий духовный кризис.

Библиографический список

1. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности : в 2 т. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). Иваново: ПресСто, 2016. 360 с.
2. Иткулов С. З. Феномен биннома фантазии в культуре нонсенса // Аграрный вестник Верхневолжья. 2016. № 4. С. 119—122.

3. Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство, 2000. 784 с.
4. Коллоннезе Д. Нонсенс как форма комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Российская акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 254—262.
5. Ермакова И. Лимерик: Кругосвет. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/literatura/limerik> (дата обращения: 07.03.2021).
6. Иткулов С. З. Нонсенс и гротеск как формы смысла в художественной картине мира Н. В. Гоголя : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Шуя, 2009. 165 с.
7. Новиков В. И. Книга о пародии. М.: Сов. писатель, 1989. 540 с.
8. Дашевская О. А. Поэтика нонсенса в философском дискурсе: шуточные произведения В. Соловьёва и «Новейший Плутарх» Д. Андреева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-nonsensa-v-filosofskom-diskurse-shutochnye-proizvedeniya-v-solovieva-i-noveyshiy-plutarh-d-andreeva/viewer> (дата обращения: 07.03.2021).
9. Лир Э. Чистый nonsense. URL: https://mir-knig.com/read_249568-1 (дата обращения: 07.03.2021).
10. Хаксли О. Эдвард Лир // Писатели Англии о литературе XIX—XX веков. М.: Прогресс, 1981. С. 339—341.
11. Новиков В. И. Кто такой Козьма Прутков? // Октябрь. 1984. № 3. С. 196—201.
12. Прутков К. Сочинения Козьмы Пруткова. М.: Эксмо, 2005. 352 с.
13. Иванов Д. И. Поэзия Башлачёва: синтез классики андеграунда и элементов постмодернизма // Потаённая литература : исследования и материалы. М.: Флинта, 2006. Вып. 5. С. 131—139.

References

1. Ivanov D. I. *Teoriya sinteticheskoy yazykovoy lichnosti : v 2 t. T. 1. Logocentricheskaya model' sinteticheskoy yazykovoy lichnosti: struktura i obshchie voprosy (na materiale russkoj rok-kul'tury)* [Theory of synthetic language personality: In 2 vols. Vol. 1. Logocentric model of synthetic language personality: structure and general issues (based on the material of Russian rock culture)]. Ivanovo: PresSto Publ., 2016. 360 p. (In Russ.)
2. Itkulov S. Z. The phenomenon of the binomial fantasy in the culture of nonsense. *Agrarnyj vestnik Verhnevolzh'ya* [Agricultural Bulletin of the upper Volga region], 2016, no 4, p. 119—122 (In Russ.)
3. Minc Z. G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian Writers]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000. 784 p. (In Russ.)
4. Kollonneze D. Nonsense as a form of comedy. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma. Rossijskaya akad. nauk, In-t yazykoznanija ; otv. red. N. D. Arutyunova* [Logical analysis of the language. Language mechanisms

of comedy, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics; ed. by N. D. Arutyunova]. Moscow: Indrik Publ., 2007, pp. 254—262. (In Russ.)

5. Ermakova I. *Limerik: Krugosvet* [Limerick: Round the World]. Available at: <https://www.krugosvet.ru/enc/literatura/limerik> (accessed: 07.03.2021)

6. Itkulov S. Z. *Nonsens i grotesk kak formy smysla v hudozhestvennoj kartine mira N. V. Gogolya: dissertaciya ... kandidata kul'turologii: 24.00.01* [Nonsense and grotesque as forms of meaning in the artistic picture of the world by N. V. Gogol: dissertation for the degree of Candidate of Cultural Studies: 24.00.01]. Shuya, 2009. 165 p. (In Russ.)

7. Novikov V. I. *Kniga o parodii* [A book about parody]. Moscow: Sov. Pisatel Publ., 1989. 540 p. (In Russ.)

8. Dashevskaya O. A. *Poetika nonsensa v filosofskom diskurse: shutochnye proizvedeniya V. Solov'yova i "Novejshij Plutarh" D. Andreeva* [The Poetics of Nonsense in Philosophical Discourse: the Comic Works of V. Solovyov and "The Newest Plutarch" by D. Andreev]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-nonsensa-v-filosofskom-diskurse-shutochnye-proizvedeniya-v-solovieva-i-noveyshiy-plutarh-d-andreeva/viewer> (accessed: 07.03.2021) (In Russ.)

9. Lir E. *Chistyj nonsense* [Pure nonsense]. Available at: https://mir-knig.com/read_249568-1 (accessed: 07.03.2021) (In Russ.)

10. Haksli O. Edward Lear. *Pisateli Anglii o literature XIX-XX veka* [Writers of England about the literature of the XIX—XX century]. Moscow: Progress, 1981, pp. 339—341. (In Russ.)

11. Novikov V. I. Who is Kozma Prutkov. *Oktyabr*, 1984, no 3, pp. 196—201. (In Russ.)

12. Prutkov K. *Sochineniya Koz'my Prutkova* [Writings of Kozma Prutkov]. Moscow: Eksmo Publ., 2005. 352 p. (In Russ.)

13. Ivanov D. I. Bashlachev's poetry: synthesis of underground classics and elements of postmodernism. *Potayonnaya literatura: issledovaniya i materialy. Vyp. 5* [Hidden literature: research and materials. Issue. 5]. Moscow: Flinta Publ., 2006, pp. 131—139. (In Russ.)

И. Е. Мищенко

Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске, Челябинск, Российская Федерация

Футурология милитаризма: основания и опыт социокультурного прогнозирования

В статье предпринята попытка систематизировать существующие прогнозы ведущих ученых в военной сфере. Военное прогнозирование является как важной отраслью научной прогнозистики в целом, так и важной частью конкретно военной науки. Оно подразумевает: технологические оценки времени появления, внедрения и влияния на характер боевых действий и баланс сил систем перспективных вооружений, экспертные оценки, а также в меньшей степени — исследования, посвященные изменению природы, характера и восприятия обществом военных конфликтов, трансформации социокультурных моделей организации армии, роли, которую она играет в числе прочих государственных институтов. Поэтому военное прогнозирование — важный аспект футурологических научных изысканий. При этом оно затрагивает не только технологические, но и социологические или социокультурные аспекты деятельности вооруженных сил. В настоящее время военное прогнозирование в социокультурных аспектах является практически неразработанной научной областью. В связи с этим в данной статье автором представлены собственные прогнозные тезисы, основанные на экспертных оценках и новостных публикациях, два из которых явно, а два косвенно содержат культурные аспекты — деятельность медиа и общественных организаций, историко-экономическая трансформация причин военных конфликтов. В исследовании автор приходит к выводу, что за последние несколько десятилетий формируется новый тип военного противостояния — военно-медийный конфликт, так как война все меньше является войной или даже неорганическим продолжением политики насильственными средствами, а все больше — органической частью политики, медийно-срежиссированным процессом, за которым скрываются дипломатические, экономические, гуманитарные, культурные цели.

Ключевые слова: *военно-медийный конфликт, военное прогнозирование, военная футурология, природа войны, трансформация войны.*

I. E. Mishchenko

Branch of MERC AF «AFA» in Chelyabinsk, Chelyabinsk, the Russian Federation

Futurology of Militarism: Foundations and Experience of Sociocultural Forecasting

The article attempts to systematize the existing forecasts of leading scientists in the military sphere. Military forecasting is both an important branch of scientific forecasting in general and an important part of the military science specifically. It implies: technological assessments of the time of appearance, implementation and influence on the nature of hostilities and the balance of forces of advanced weapon systems, expert, and also, to a lesser extent — research devoted to changing the nature, nature and perception of military conflicts by society, transformation of socio-cultural models of army organization, role, which she plays along with other government institutions. Therefore, military forecasting is an important aspect of futurological scientific research. At the same time, it affects not only the technological, but also the sociological or socio-cultural aspects of the activities of the armed forces. Currently, military forecasting in socio-cultural aspects is an almost undeveloped scientific field. In this regard, in this article, the author presents his own forecast theses based on expert assessments and news publications, two of which explicitly and two indirectly contain cultural aspects — the activities of media and public organizations, the historical and economic transformation of the causes of military conflicts. In the study, the author comes to the conclusion that over the past few decades a new concept has been formed — a military-media conflict, since war is less and less a war or even an inorganic continuation of politics by violent means, it is more and more an organic part of politics, a media-directed process. behind which hides diplomatic, economic, humanitarian, cultural goals.

Keywords: *military-media conflict, military forecasting, military futurology, nature of war, transformation of war.*

Введение. Наука должна выполнять три функции: описания, объяснения и прогнозирования реальности. Последняя обеспечивает применение дедуктивного метода, являющегося, согласно К. Попперу, базовым методом научного познания [1; 2]. Это в равной степени относится как к естественно-научным и точным, так и к общественным и гуманитарным наукам. Прогностический потенциал общественных наук мотивирует нас на дальнейшую разработку научной прогностики, так как существует значительное число научных прогнозов, оправдавшихся в большой степени.

Военное прогнозирование, безусловно, является важным аспектом футурологических научных изысканий. Оно подразумевает технологические оценки времени появления, внедрения и влияния на характер боевых действий и баланс сил систем перспектив-

ных вооружений, экспертные оценки, а также в меньшей степени — исследования, посвященные изменению природы, характера и восприятия обществом военных конфликтов, трансформации социокультурных моделей организации армии, роли, которую она играет в числе прочих государственных институтов. Например, военно-прогностические исследования 1950—1960-х гг. имели огромный резонанс в зарубежных странах в силу своего значения не только для собственно военной отрасли, но и целей экономики и научно-технического развития [3, с. 63].

В настоящей статье предпринята попытка систематизировать существующие взгляды на обозначенные проблемы и предложить несколько авторских прогнозных тезисов. Мы понимаем, что это создает сложности в оценке содержания исследования, поскольку единственным методом проверки выводов на практике является ожидание. Однако в целом попытка представления авторских прогнозных тезисов представляется оправданной, так как военное прогнозирование в социокультурных аспектах является практически неразработанной научной областью. Статьи по военной футурологии и прогностике публиковали российские военные и ученые В. Б. Зарудницкий (в настоящее время является начальником Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник¹) и И. В. Ерохин, (полковник в отставке, доктор военных наук, Заслуженный деятель науки РФ [4]). Другой крупный российский эксперт по военному и военно-технологическому прогнозированию И. Н. Воробьев (генерал-майор в отставке, доктор военных наук, профессор) свидетельствует, что исследования этого рода имеют свою очевидную специфику: они непостоянно могут подтверждать свои гипотезы и выводы математическими расчетами, а их основной инструментарий большей частью носит логический характер [3, с. 65].

Методы исследования, теоретическая база. Публикации на рассматриваемую тематику периодически появляются в крупных политических журналах, таких как *Economist*. На Западе вышло несколько крупных научных и научно-популярных футурологических

¹ Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://vagsh.mil.ru/O_VUZe/Nachalnik-akademii/item/2106/ (дата обращения: 19.04.2021).

работ, целиком посвященных или затрагивающих проблематику исследования — «Война и Антивоина» Э. Тоффлера [5], «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона [6] и др. Стоит отметить высокую привлекательность рассматриваемой темы для писателей-фантастов. Однако мы затрудняемся назвать произведения актуальной (вышедшей в последние 1—2 десятилетия) фантастики, посвященной тематике будущего развития военных технологий и отвечающих критериям научности (научно обоснованной фантастичности).

Дополнительная проблема заключается в непривычно высокой скорости технологических изменений, продолжающихся и сегодня. Закон ускорения технологического прогресса предлагали в разных формах Э. Тоффлер [7], Г. Мур [8], Р. Курцвейл [9] и В. Виндж [10]. Но до сих пор не общепринята мысль, что мир кардинально обновляется в технологическом отношении уже не за несколько десятилетий, а в рамках одного десятилетия. Поэтому сколь радикальными не казались бы некоторые прогнозы, представленные в настоящем исследовании, следует иметь в виду, что они приводятся нами по результатам исследований других ученых или делаются на основании собственных выводов только в ситуации, когда *определенные технологические наработки и знание базовых фундаментальных физических принципов уже существуют*.

Мы хотели бы продемонстрировать, насколько быстро меняется ситуация в военно-технологической сфере, а также насколько сложно, но при этом возможно дать в такой ситуации верный прогноз. В статье «Будущее вооружений», опубликованной в журнале «Экономист» в 1997 г. [11], эксперты обозначили три направления военной революции XXI в., такие как:

- 1) сбор разведывательной и оперативной информации при помощи беспилотных летательных и космических аппаратов;
- 2) компьютерная обработка данных и визуализация их в режиме реального времени;
- 3) оружие большого радиуса действия с возможностью точного поражения небольших по площади целей.

Все перечисленные составляющие военной революции, обозначенные в данной статье, уже сбылись.

Тем не менее представляется, что гораздо важнее сумма иных прогнозов из этой же статьи, часть из которых носит в 2021 г. уже

практически констатирующий, а часть — все еще предвосхищающий характер:

1) **нарастающая интеграция морских, воздушных, сухопутных и космических сил.** О перспективах необходимой межродовой и видовой интеграции различных войск пишут и в журнале «Экономист», и российский военный эксперт И. В. Ерохин [4]. Д. А. Райский ожидает превращения наземного сражения в наземно-воздушное [12, с. 345];

2) **увеличение площади, на которой могут вести эффективные действия крупные армейские подразделения** (по оценке журнала, к 2015 г. дивизия сможет вести бой на площади в 100 и более квадратных миль, в то время как этот показатель для 1997 г. составлял около 25 кв. миль, а для 1815 — 1 кв. миллю);

3) **высокая эффективность небольших, мобильных, технически оснащенных подразделений**, вследствие чего «линия фронта» превращается в устаревшее понятие;

4) **активное использование средств радиоэлектронной и компьютерно-информационной войны — ЭМИ и компьютерных вирусов**, нарушающих работу систем управления и связи противника;

5) **«невидимая милитаризация» космоса**, поскольку любая страна, располагающая баллистическими ракетами или космическими ракетами-носителями, может нанести эффективный удар по системе космической спутниковой связи противника;

6) **распространение систем химического и биологического оружия** за пределы крупнейших и наиболее развитых в технологическом отношении государств;

7) **нецелевое использование гражданских систем связи и навигации для организации военных атак.**

В 2021 г. многие из перечисленных пунктов также можно считать ограниченно исполненными прогнозами, но интерес прогнозистов к ним не снижается. О росте значения аэрокосмических технологий сегодня пишут: В. Б. Зарудницкий в статье 2021 г., опубликованной в журнале «Военная мысль» [13, с. 40—41], И. В. Ерохин [4] и Д. А. Райский [12]. Открытые военные действия в космосе не как результат фантазии писателей и кинорежиссеров, а как сбывшаяся реальность, например охота за разведывательными

спутниками на низких орбитах земли, не существуют. Поэтому интерес исследователей к данной тематике не угасает.

Значимость в военном деле новейших технологий не является революционным прогнозным тезисом. Но важно само перечисление конкретных реализуемых и перспективных технологий, важных для военных экспертов: гиперзвуковое, высокоточное, электромагнитное, лазерное, инфразвуковое, кибероружие, информационно-управляющие системы, беспилотные летательные и автономные морские аппараты, роботизированные комплексы военного назначения, искусственный интеллект в системах поддержки принятия решений, управления войсками [13, с. 41].

К этому следовало бы добавить использование технологий дополненной реальности для координации сил, управления и повышения личной эффективности отдельных боевых единиц; применение новых нано- и композитных материалов; разработку систем, радикально расширяющих персональную мобильность, скорость и возможности бойцов (например, экзоскелеты) и др., что мы обнаруживаем пока что лишь в научной фантастике.

В. Б. Зарудницкий, разрабатывая социокультурную и геополитическую проблематику военной футурологии, предлагает два прогноза:

1) развертывание современных и постсовременных войн в несколько этапов, где экономическое, политическое и информационное давление носит превентивный характер, предвосхищая завершающий, открыто военный удар [13, с. 35]. В 2021 г. это можно считать одновременно ограниченным *диагнозом* и ближнесрочным *прогнозом*;

2) в будущем все большую роль будут играть новые формы применения вооруженных сил в военных конфликтах — «гуманитарные операции» [13, с. 37]. До определенной степени такими можно считать «Принуждение к миру» или ряд современных действий вооруженных сил на Ближнем Востоке.

Результаты исследования и их обсуждение. Основываясь на сумме упоминавшихся выше исследований, концентрирующихся на военно-технологическом аспекте, анализе международной политической обстановки, а также практике применения вооруженных сил разных стран в последних конфликтах, мы предлагаем не-

сколько обладающих определенным прогностическим потенциалом тезисов о характере и сущности трансформации войны и вооруженных сил, представленные далее.

1) **Пространственно-временное и сущностное размывание войны.** От локальных или четко обозначенных мировых войн, локализованных во времени и пространстве, во второй половине XX в. война переходит в состояние непрерывных, то есть имеющих неопределенные временные рамки, по-прежнему четко очерченных территориально (пространственно-локальных по форме), но глобальных по существу конфликтов. Ими становятся Корейская и Вьетнамская войны (они представляли собой *локальные* военные конфликты в *глобальном* противостоянии двух сверхдержав). Затем — революции и следовавшие политические конфликты в странах Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, в которых принимали скрытое или явное участие постоянные члены Совета Безопасности ООН, призванного обеспечивать мир и ненасильственное решение конфликтов¹. При этом войны второй половины XX в. все же имели четко определенную эссенциальную природу: они оставались *вооруженными конфликтами*. Уже в XXI в. диагностируется феномен *асимметричной войны*, которая также получает название «*новые нерегулярные войны*» [14], или «*войны низкой интенсивности*», «гибридные войны», или «мятеж по случаю» (*accidental guerillo*) в интерпретации Д. Килкаллена [15], «сетевые войны» [16, с. 97—102]. За фасадом разных названий скрывается одна суть — институциональное государство против сетевых повстанческих или террористических структур.

В начале третьего десятилетия XXI в. возможно констатировать уже не просто нарушение симметрии сторон-участниц войны, а размывание самой ее природы как *вооруженного конфликта*. **Компьютерные взломы и вирусные атаки, использование экономических и медийных инструментов, трансформируют природу войны.** Во многих случаях не столь важно, кто захватил и удержал территории, сколько — кто выиграл информационное противоборство вокруг локального военного конфликта. Фактически, на-

¹ Французский связной. Как получилось, что организаторам геноцида в Руанде удалось скрыться [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/04/06/pochemu-organizatoram-genocida-v-ruande-udalos-skrytsia.html> (дата обращения: 19.04.2021).

чиная с первой «Войны в заливе» в 1990—1991 гг. и вплоть до возникновения напряженности на Ближнем Востоке, то есть за последние три десятилетия, ***мы наблюдаем процесс быстрого формирования нового типа чего — военно-медийного конфликта***, в котором PR и медиаосвещение столь же важны, как и достижение конкретных тактических и стратегических целей. Война всегда являлась «информационным поводом» для СМИ и предметом пропагандистской борьбы участников. Зарубежные специалисты назвали это «гибридной войной» (Hybrid warfare) — «сплавом открытой и тайной военной мощи, комбинацию провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный ответ на них» [16, с. 97—102; 17]. Несмотря на то что российские миротворцы вследствие прямой агрессии Грузии провели успешную операцию «Принуждение к миру» — по многим зарубежным источникам мировые СМИ сочли нашу страну агрессором: «Грузинская война рассматривалась Западом как поражение России. Однако сами русские считают ее успехом» [17]. Если допустить существование такой позиции мирового сообщества, то это показало, что ***можно выиграть вооруженный конфликт и защитить мирное население от агрессора, но проиграть медийный конфликт и самому предстать в качестве агрессора перед всем остальным миром.***

Вторым ключевым аспектом военно-медийной трансформации конфликтов является объект медийного воздействия. Им становится не только расплывчатое и сложно уловимое международное сообщество, но и собственное население. Политика пропагандистского убеждения населения в легитимности или высшей оправданности военного вмешательства (с позиций морального долга, гуманистических ценностей, идеалов демократии и т. д.) создает пространство рекурсивной легализации военного вмешательства (на примере вторжения США в Ирак). Это становится «вторым информационным фронтом», и, с нашей точки зрения, он приобретает все больший удельный вес в характере военных конфликтов XXI в. Нашу мысль подтверждает мнение В. Б. Зарудницкого, указавшего в своей статье о пространственной неопределенности и содержательной «многосферности» современных и будущих конфликтов [13, с. 37—38].

Об информационном противоборстве написано уже много научных работ, в том числе декларирующих весьма экзотические, на-

учно спорные подходы. Можно обозначить такие трактовки, как консиентальная война (от англ. conscience — сознание) [18; 19], бесконтактные войны шестого поколения [12], информационно-психологическая борьба [там же]. Однако если попытаться укрупнить исследовательский масштаб, то приходим к выводу, что все перечисленные концепции являются гиперболизацией *военно-медийного* конфликта или, наоборот, детализацией с ограничением поля его видения.

2) Вторым предлагаемым нами тезисом является **концепция создания крупными региональными или глобальными державами-лидерами новых «замороженных» внутригосударственных конфликтов**, таких как противостояние сербов и албанцев в автономном крае Косово и Метохия / Республике Косово и т. д. Это позволяет в буквальном смысле слова «выключить» государства из активной и эффективной международной политики, так как участие в военно-политических альянсах и пр., как правило, требует наличия разрешенных территориальных конфликтов и признанного международным сообществом единовластия в стране. До начала XXI в. эта практика не имела распространения — никто из крупных участников международных отношений не инициировал международные конфликты без намерения победить в четко обозначенные сроки с предметно ожидаемыми потерями. И лишь в XXI в. четко обозначился этот новый инструмент военно-политической борьбы — создания зон постоянной напряженности, которые могут быть при малейшем толчке извне преобразованы в зоны автоэскалации.

3) **Рост значимости и участия в военных конфликтах общественных организаций**, начиная от акций действительно гуманитарного характера, заканчивая прикрытием для снабжения повстанцев, сепаратистов и террористов по «гуманитарным каналам», тенденциозное информационное освещение, невоенные провокации и пр.

4) **Изменяются сами причины войны**. Безусловно, обобщая до крайнего предела, любую войну практически всегда можно представить как конфликт интересов в борьбе за ресурсы. Однако нам представляется, что это обобщение работает только при заинтересованности эксперта в таком — максимально абстрагированном от сущности конфликта обобщении. Например, Великая Отечествен-

ная война не была абстрактной «борьбой за ресурсы», это был наименьший из мотивов противоборствующих сторон, хотя и следует признать, что нацистская Германия, безусловно, пыталась использовать ее в целях улучшения собственной ресурсной базы. В современных войнах все большее значение имеет достижение не столько прямых целей — получение ресурсов, присоединение территорий, победа идеологической системы и т. д., сколько достижение косвенных результатов — переноса военного потенциала соперника, вынужденно сфокусированного на ненужном ему конфликте (то есть оттягивание в этом стратегическом направлении военных ресурсов), дестабилизация внутривнутриполитической обстановки, перенаправление внутренних ресурсных и финансовых потоков на гипертрофикацию военного направления, внешнеполитическая изоляция, применение экономических санкций и т. д.

Заключение. Военное прогнозирование является, с одной стороны, важной отраслью научной прогностики в целом, с другой — важной частью конкретно военной науки. Несмотря на накопившийся научный скепсис относительно успехов социального прогнозирования, верные прогнозы делались учеными-прогнозистами, которые, в отличие от популярных футурологов, редко гнались за сенсационными заголовками. Примерами успешных военно-технологических прогнозов можно считать целый комплекс тезисов, представленных в тексте приводимой работы в статье журнала «Экономист», и военных прогнозов, обладающих определенным не только технологическим, но и социологическим или социокультурным содержанием, — прогнозов российских военных ученых В. Б. Зарудницкого, И. В. Ерохина и других.

Основываясь на экспертных оценках и новостных публикациях, мы выдвигаем в качестве прогнозных тезисов следующие утверждения, два из которых явно, а два косвенно содержат культурные аспекты — деятельность медиа и общественных организаций, историко-экономическая трансформация причин военных конфликтов:

1. Дальнейшее пространственно-временное и сущностное размывание войны, выход конфликтов далеко за собственно военные рамки, трансформация военного противостояния государств в *военно-медийный конфликт* (что отнюдь не синонимично терми-

ну hybrid warfare, продвигаемому ангажированными западными исследованиями в отношении России).

2. Намеренное создание крупными региональными или глобальными державами-лидерами новых «замороженных» внутри-гражданских конфликтов в странах, обладающих геостратегическим или экономическим значением для них самих или их соперников.

3. Рост значимости и участия в военных конфликтах общественных организаций, начиная от действительно гуманитарного характера, заканчивая прикрытием для снабжения повстанцев, сепаратистов и террористов по «гуманитарным каналам», тенденциозное информационное освещение, невоенные провокации и пр.

4. Очередная историческая трансформация причин перерастания напряженности или конфликтов невоенного рода (например, экономических споров) в военные конфликты. Мы не можем пока что сделать вывод о том, какие именно причины выходят на первый план, однако в целом склоняемся к точке зрения о том, что актуальные военные конфликты используются как *многофакторная и долгосрочная точка провокации и манипуляции интересами других государств, не относящихся напрямую к точке конфликта*. Так, например, создание точки напряжения на Ближнем Востоке позволило США достичь множества целей:

- дестабилизации ближневосточного региона;
- предпосылок к предотвращению сближения России с Турцией;
- создания проблем для собственных союзников (Европы), которые до этого все более выдвигались на ведущие роли в американско-европейском партнерстве ввиду очередного витка развития собственно внутренних американских проблем;
- переноса части военного потенциала Российской Федерации в различных конфликтах и т. д.

Делая общий вывод, мы можем заметить, что война все меньше является войной или даже неорганическим продолжением политики насильственными средствами, а все больше — органической частью политики, медийно-срежиссированным процессом, который своим занавесом прикрывает сложную структуру дипломатических, экономических, гуманитарных, культурных и, наконец, собственно военных действий по достижению расплывчатых, неоднозначных, отложенных во времени целей.

Библиографический список

1. Поппер К. Р. Логика научного исследования / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: АСТ : Астрель, 2010. 565 с.
2. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: рост научного знания / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой. М.: АСТ, 2008. 638 с.
3. Воробьев И. Н. Ещё раз о военной футурологии // Военная мысль. 2008. № 5. С. 62—67.
4. Ерохин И. В. Какие вооруженные силы нужны России? // Военная мысль. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kakie-vooruzhennyye-sily-nuzhny-rossii> (дата обращения: 01.04.2021).
5. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина : Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ : Транзиткнига, 2005. 412 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимева. М.: АСТ, 2014. 571 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова. М.: АСТ, 2009. 795 с.
8. Peter, J. Denning, Ted, G. Lewis. Exponential Laws of Computing Growth // Communications of the ACM, January 2017, Vol. 60 No. 1, P. 54—65. URL: <https://cacm.acm.org/magazines/2017/1/211094-exponential-laws-of-computing-growth/fulltext> (дата обращения: 01.04.2021).
9. Kurzweil, R. The Age of Spiritual Machines // URL: <https://archive.org/details/ageofspiritualma00kurz> (дата обращения: 01.04.2021).
10. Vinge, V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era. URL: <https://mindstalk.net/vinge/vinge-sing.html> (дата обращения: 01.04.2021).
11. Future of warfare // Economist. 1997. Vol. 342. Pp. 16—24.
12. Райский Д. А. Концепция войн шестого поколения в контексте международной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-voyn-shestogo-pokoleniya-v-kontekste-mezhdunarodnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 01.04.2021).
13. Зарудницкий В. Б. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе // Военная мысль. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-i-soderzhanie-voennykh-konfliktov-v-sovremennykh-usloviyah-i-obozrimoy-perspektive> (дата обращения: 01.04.2021).
14. Калдор М. Культура новых войн [Электронный ресурс]. URL: http://logosjournal.ru/arch/107/Logos%203-2019_Press-9-29.pdf (дата обращения: 01.04.2021).

15. Kilcullen D. *The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*. Oxford University Press, 2011. 384 p.

16. Чимаров С. Ю. К вопросу о сетевом формате гибридной войны XXI в. // *Управленческое консультирование*. 2016. № 2. С. 97—102.

17. Маркус Д. Гибридная война Путина — головная боль НАТО // BBC News Русская служба. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy (дата обращения: 01.04.2021).

18. Крупнов Ю. В. Как Россия сможет предотвратить пятую мировую войну. URL: <http://krounov.ru/pubs/2005/02/09/10403> (дата обращения: 01.04.2021).

19. Комлева, Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства [Электронный ресурс] // *Пространство и Время*. 2015. № 3 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstsientalnaya-voyna-globalnye-trendy-globalnogo-protivoborstva> (дата обращения: 01.04.2021).

References

1. Popper K. R. *Logika nauchnogo issledovaniya* [Logic of scientific research] transl. from English under total. ed. V. N. Sadovsky. Moscow, AST. Astrel Publ. 2010. 565 p. (In Russ.).

2. Popper K. R. *Predpolozheniya i oproverzheniya: rost nauchnogo znaniya* [Assumptions and refutations: the growth of scientific knowledge] transl. from English A. L. Nikiforova, G. A. Novichkova. Moscow, AST Publ. 2008. 638 p. (In Russ.).

3. Vorobiev I. N. Once again about military futurology. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2008, no. 5, pp. 62—67. (In Russ.).

4. Erokhin I. V. What kind of armed forces does Russia need? *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2009, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kakie-vooruzhennye-sily-nuzhny-rossii> (accessed 01.04.2021). (In Russ.).

5. Toffler E., Toffler H. *Vojna i antivojna : Chto takoe vojna i kak s nej borot'sya. Kak vyzhit' na rassvete XXI veka* [War and antiwar: What is war and how to fight it. How to survive at the dawn of the XXI century] transl. from English M. B. Levin. Moscow, AST. Tranzitkniga Publ., 2005. 412 p. (In Russ.).

6. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations] transl. from English T. Velimeeva. Moscow, AST Publ. 2014. 571 p. (In Russ.).

7. Toffler E. *Tret'ya volna* [The third wave] transl. from English K. Yu. Burmistrova. Moscow, AST Publ., 2009. 795 p. (In Russ.).

8. Peter J. Denning, Ted, G. Lewis. Exponential Laws of Computing Growth. *Communications of the ACM*, January 2017, vol. 60, no. 1, pp. 54—65. Available

at: <https://cacm.acm.org/magazines/2017/1/211094-exponential-laws-of-computing-growth/fulltext> (accessed 01.04.2021).

9. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines*. Available at: <https://archive.org/details/ageofspiritualma00kurz> (accessed 01.04.2021).

10. Vinge V. *The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era*. Available at: <https://mindstalk.net/vinge/vinge-sing.html> (accessed 01.04.2021).

11. Future of warfare. *Economist* [The Economist], 1997, vol. 342, pp. 16—24.

12. Raisky D. A. The concept of sixth generation wars in the context of international security. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations], 2009, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-voyn-shestogo-pokoleniya-v-kontekste-mezhdunarodnoy-bezopasnosti> (accessed 01.04.2021). (In Russ.).

13. Zarudnitsky V. B. The nature and content of military conflicts in modern conditions and foreseeable future. *Voennaya mys'* [Military Thought], 2021, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-i-soderzhanie-voennyh-konfliktov-v-sovremennyh-usloviyah-i-obozrimoy-perspektive> (accessed 01.04.2021). (In Russ.).

14. Kaldor M. *Kul'tura novyh vojn* [Culture of new wars]. Available at: http://logosjournal.ru/arch/107/Logos%203-2019_Press-9-29.pdf (accessed 01.04.2021) (In Russ.).

15. Kilcullen D. *The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*. Oxford University Press, 2011. 384 p.

16. Chimarov S. Yu. On the issue of the network-centric format of the hybrid war of the XXI century. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2016, no. 2, pp. 97—102. (In Russ.).

17. Markus D. Putin's Gibrnidnaya vojna Putina — golovnaya bol' NATO [Hybrid War — NATO's Headache]. *Russian Agency for BBC News*. Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy (accessed 01.04.2021) (In Russ.).

18. Krupnov Yu. V. *Kak Rossiya smozhet predotvratit' pyatuyu mirovuyu vojnu* [How Russia can prevent the fifth world war]. Available at: <http://kroupnov.ru/pubs/2005/02/09/10403> (In Russ.).

19. Komleva N. A. Consciential war: global trends of global confrontation. *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], 2015, no. 3(21). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstsientalnaya-vojna-globalnye-trendy-globalnogo-protivoborstva> (accessed 01.04.2021) (In Russ.).

Л. Е. Филиппова-Стоян¹, Е. И. Игнатьева²

¹Российский государственный педагогический университет им. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

²Отдел «Дворец А. Д. Меншикова» Государственного Эрмитажа,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Экспонирование памятников со сложной историко-культурной структурой (на примере экспозиции «Дворец А. Д. Меншикова» Государственного Эрмитажа)*

В статье рассматриваются практики работы с артефактами историко-культурного наследия. Вопрос касается только «многослойных артефактов», обладающих двумя и более слоями, имеющих сложную морфологию и представляющих собой целостное единство. В такие артефакты невозможно привнести ничего нового, не разрушив исторически сложившейся целостности материального объекта. Затрагивается вопрос выбора стратегии сохранения, реставрации и экспонирования данных памятников. Задача исследователя — обнаружить в сложной структуре артефакта «эталонный слой», наиболее важный и перспективный для сохранения в историческом и эстетическом смысле. Практики работы с культурным наследием позволяют использовать некоторые исследовательские стратегии и успешно применять их в музейных пространствах. В статье приводятся несколько фактов удачного сохранения и экспонирования многослойности различных артефактов без утраты их отдельных состояний. Для изучения и анализа различных аспектов таких артефактов используется комплекс теоретико-методологических подходов, применимых для изучения памятников культурного наследия как единого организма, который в результате исторического влияния сформировал сложную и изменчивую структуру.

В качестве примеров приводятся памятники Петровской эпохи, дворцовые интерьеры, а также предметы декоративно-прикладного искусства.

© Филиппова-Стоян Л. Е., Игнатьева Е. И., 2021

* Статья была представлена на XV Международной научной конференции «Семиозис и культура: современные культурные практики» (28—29 мая 2021 года, г. Сыктывкар), организованной институтом культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

Ключевые слова: артефакт, структура артефакта, «многослойный артефакт», культурное наследие, экспонирование.

L. E. Filippova-Stoyan¹, E. I. Ignatyeva²

¹The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
the Russian Federation;

²The Department of « A.D. Menshikov’s Palace» of the State Hermitage Museum,
St. Petersburg, the Russian Federation

Displaying the Monuments with a Complex Historical and Cultural Pattern (as Exemplified by the Exposition of “A.D. Menshikov’s Palace”)

The article deals with the practice of working with artifacts of historical and cultural heritage. The question concerns only “multilayer artifacts” that have two or more layers, while having a complex morphology and representing a holistic unity. It is impossible to add anything new to such artifacts without destroying the historically formed integrity of the material object. The question of choosing a strategy for preserving, restoring and exhibiting these monuments is touched upon. The task of the researcher is to find in the complex structure of the artifact a “standard layer” that is the most significant and promising for preservation in the historical and aesthetic sense. Practices of working with cultural heritage make it possible to use some research strategies and successfully apply them in museum premises. The article presents several facts of successful preservation and displaying the multi-layered nature of various artifacts without losing their individual states. The complex of theoretical and methodological approaches is used to study and analyze various aspects of such artifacts that are applicable to the study of cultural heritage monuments as a unified organism, which, as a result of historical influence, has formed a complex and changeable structure.

The idea is exemplified by the monuments from Peter the Great’s epoch, interiors of a palace, as well as by the objects of decorative arts.

Keyword: artifact, structure of an artifact, «multilayered» artifact, cultural heritage, exposure.

Введение. Большинство стратегий изучения и практик работы с артефактами историко-культурного наследия направлены на выявление, анализ и сохранение их «эталонных» слоев. При таком подходе памятники культурного наследия очищаются от «патины времени», которая нередко представляет особую ценность, отражая

многочисленные воздействия истории. Дело в том, что многие историко-культурные артефакты представляют собой целостные и преобразующиеся во времени единства, морфогенез которых трудно свести к одному «эталонному» состоянию. Такие памятники, изменяясь, усложняясь и дополняясь, с течением времени только обогащают свою форму и «смысловую ауру», при этом сохраняя свои инвариантные структуры или изначальные «первофеномены». Цель статьи — показать морфологические особенности и переплетение в биографии памятников историко-культурных слоев на примере оригинальных предметов из наследия А. Д. Меншикова. Такой выбор связан с хорошей сохранностью артефактов Петровского времени, хранящихся во «Дворце А. Д. Меншикова» в Санкт-Петербурге, а также в Дворцово-парковом ансамбле «Ораниенбаум». Подлинные предметы Петровского времени из коллекции Государственного Эрмитажа содержат ценную информацию для анализа — подобные памятники наиболее перспективно рассматривать с позиции их историогенеза и напластований различных состояний, что позволяет раскрыть всю сложность их материальной формы и смысловой ауры.

В настоящем исследовании использованы научные труды, посвященные подходам, применимым к изучению историко-культурных памятников со сложной структурой. В первую очередь речь идет об организмическом подходе, основными разработчиками которого являются И. Г. Гердер и И. В. Гёте. Вопросы *гештальт-культурологического подхода* к изучению культуры и культурного наследия рассматриваются в работах О. Шпенглера, Г. Д. Гачева и других ученых. *Архитектонический подход*, позволяющий изучать культурное наследие как сложноорганизованную и динамичную целостность, представлен работами И. В. Кондакова. Кроме того, исследование базируется на теоретико-методологических установках *культурогенетического подхода*, представленного в трудах советских и российских ученых: В. М. Массона, Э. С. Маркарян, А. В. Бондарева.

Отдельный блок исследований связан с применением названных выше теоретико-методологических подходов к анализу конкретных сложноорганизованных памятников историко-культурного наследия. В этом вопросе обращают на себя внимание

работы И. В. Леонова и А. В. Бондарева, посвященные анализу историогенеза Дворцово-паркового ансамбля Царского Села.

Кроме того, основу исследования составляют труды авторов, связанных с отдельными артефактами из наследия А. Д. Меньшикова: Е. И. Игнатъевой, Ю. Г. Боброва, М. А. Семиной и других исследователей. Вопросы, связанные с изучением природы и различных аспектов памятников историко-культурного наследия, а также практик работы с ними, представлены трудами А. А. Кедринского, Л. В. Никифоровой, Е. Я. Кальницкой, Н. В. Калязиной, Е. А. Калязина, А. Е. Петраковой и др.

Методология исследования. Работа по сохранению и популяризации указанных памятников требует *особых теоретико-методологических оснований и практико-ориентированных технологий*, позволяющих изучать, сохранять, экспонировать и популяризировать указанные артефакты с учетом историко-культурной сложности их «биографий». Методологической основой исследования являются:

— *системный подход*, позволяющий комплексно изучать и воспринимать сложноорганизованные памятники культуры как преобразующие единства, интегрированные в пространство системы культурного наследия и системы культуры в целом;

— *организмический подход*, интерпретирующий памятники культурного наследия как сложноорганизованные органические единства, морфология которых находится в постоянном движении;

— *культургенетический подход*, раскрывающий сложные процессы сохранения, трансляции и обновления культуры и ее отдельных элементов, включая сложноорганизованные артефакты;

— *архитектонический подход*, позволяющий интерпретировать историогенез памятников со сложной историко-культурной структурой в контексте трансформаций их актуальных, снятых и потенциально востребованных состояний;

— *гештальт-культурологический подход*, раскрывающий психологические особенности восприятия сложноорганизованных памятников, а также практики фрагментирования их отдельных состояний;

— *диахронный метод*, фиксирующий хроноструктурные последовательности исторических преобразований памятников.

Комплекс представленных культурологических методов и подходов позволяет изучать историогенез сложноорганизованных артефактов культурного наследия и применен к анализу частных артефактов из наследия А. Д. Меншикова с позиции раскрытия их исторической многослойности.

Результаты исследования. «Дворец А. Д. Меншикова» как отдел Государственного Эрмитажа экспонирует и включает в свою постоянную экспозицию и фонды ряд уникальных артефактов со сложной историко-культурной структурой.

Так, в Ореховом кабинете, за плафоном, исполненном на холсте французским художником Филиппом Пильманом (?) в 1716—1718 гг., при поэтапной капитальной реставрации дворца в 1966 году «непосредственно на штукатурке, обнаружались неясные следы какой-то росписи, скрытой поздней побелкой, и остатки сбитых лепных обрамлений» [1, с. 83—87].

Как выяснилось, это были два слоя ранних росписей потолка, исполненные в темперно-масляной технике, в основном по сухой штукатурке. Первый, наиболее ранний слой, содержал изображение воина (Петра I) в образе бога Марса и четыре угловые композиции, исполненные в технике гризайль. Это работа была выполнена в 1711—1712 гг. мастерами Оружейной палаты. Копия данной фрески в настоящее время воспроизведена на потолке в спальне Дарьи Михайловны — симметрично расположенном помещении дворца, что позволяет говорить о некоторой сбалансированности экспонирования двух состояний плафона. Второй, поздний слой росписи потолка, частично пострадавший от поздних известковых побелок, относится к периоду не позже 1715—1716 гг. В данном слое новым стал только его угловой декор, центральное изображение воина не подверглось изменениям. На угловых композициях были изображены «летающие на фоне голубого неба лукавые мальчишки-амуры с крыльями и лентами за спиной, с пышной гирляндой в руках из роз, георгинов и нарциссов» [1, с. 83—87]. Рокайльное изображение купидонов не соответствовало прежнему барочному стилю изображения царя-воина, которое, по-видимому, должно было преобразиться. Однако работа осталась незавершенной, ее сменил новый съемный плафон, наиболее близкий оформлению помещения с ореховым набором и стилистически соответствующий

французскому стилю «режанс». В ходе расчистки одну из данных композиций удалось сохранить, скрыв нерасчищенный ранний слой с гризайлью. Для экспонирования раннего слоя росписи угловая часть плафона на холсте в настоящее время снята и находится в фонде отдела «Дворец А. Д. Меншикова». Так, через сочетание подлинности, ее фрагментарности и копии была решена проблема демонстрации трехслойного артефакта [2, с. 103—117].

Еще одним примером демонстрации многослойности в экспозиции ГЭ «Дворец А. Д. Меншикова» являются дверные полотна Петровского времени из внутренней отделки василеостровского дворца светлейшего князя начала XVIII в. Как правило, такие съемные элементы практически не сохранялись, данный предмет является подлинным артефактом Петровской эпохи и во все последующие реставрационные периоды служил эталоном при восстановлении столярных дверей в помещениях Дворца.

Дворцовые интерьеры петербургского губернатора А. Д. Меншикова вплоть до ссылки в 1727 г. благоустраивались и расширялись. В дальнейшем дворец был передан в ведение Шляхетного (Сухопутного шляхетного) кадетского корпуса, и в этот период произошел ряд изменений во внутреннем устройстве здания: для воспитанников учебного заведения в Большом зале дворца была организована церковь. Алтарь располагался на месте бывшей приемной светлейшего князя, а дверь в соседний Ореховый кабинет (название кабинета по способу оформления) была заложена, что и способствовало естественной консервации первоначального образа дверных полотен.

Стороны дверей имеют различное оформление: маркетри (мозаика из небольших кусочков дерева на мебели и различных изделиях, включающая другие материалы, например слоновую кость, перламутр, в Голландии — только набор из разных сортов дерева) — с одной стороны, обращенной в Ореховый кабинет, и живопись — с другой (в момент обнаружения дверей была покрыта краской). В ходе физико-химической экспертизы под слоем серо-голубой краски (по предположению реставраторов, голландского производства середины XVIII в.) были обнаружены остатки живописи: в верхней части филенки — изображения вензеля А. Д. Меншикова, в нижней — воинской арматуры, наличие которых привело к многостороннему изучению артефакта с целью последующего восстановления одного из слоев живописи.

Первые раскрития живописных фрагментов выявили три красочных слоя: первоначальный слой росписи — изображение сосуда с цветами; второй живописный слой — стилизованный под мрамор (характерный художественный прием XVII—XVIII вв. для декора — имитация натурального камня); третий, более поздний слой живописи, обнаруженный первичной лабораторной экспертизой, изображение атрибутов светлейшего князя — княжеской короны, монограммы и арматуры в честь воинских заслуг князя.

После тщательного изучения материалов реставрации было принято решение о сохранении и максимально наглядном выявлении всех слоев живописи, одинаково ценных и относящихся к интерьеру Петровской эпохи (по этим слоям можно судить об изменениях интерьера Дворца).

Таким образом, на левом дверном полотне открыт самый ранний слой живописи с цветочной росписью с букетом розанов и тюльпанов в вазоне, характерных при росписи предметов того времени, и монограммой под княжеской шапкой на верхней филенке и на нижней.

На правом дверном полотне фрагментарно представлены все слои: первоначальный с цветами, средний — с росписью под мрамор и поздний — на котором имеются изображения короны, вензеля и арматуры. Другая сторона дверных полотен отделана орехом и повторяет узор наборных панелей Ореховой. На каждом из полотен в верхней филенке есть сквозная утрата в виде прямоугольника [3, с. 169—184].

Еще одним примером, иллюстрирующим историко-культурную многослойность, является экспонированный во «Дворце Меншикова» античный памятник — женская фигура «Цыганка» (?) Гр-3593 (опись: А 262). Данная скульптура являет собой «составной» [4, с. 265—274] памятник: античный женский торс без рук до половины бедер, материал порфир. Более поздние реставрационные дополнения: из черного мрамора: женская голова, ноги.

Античный фрагмент использован итальянским мастером XVII в. для создания целостного художественного произведения. Такой принцип реставрации в целом характерен для XVII в.

Женский античный торс до половины бедер удачно дополнен черным и цветным мрамором. Из черного мрамора выполнены

женская голова и ноги. Несмотря на цвет материала скульптуры, это не портрет женщины арабской внешности: чертам лица придан европейский облик. По сути, это творчески переосмысленный вариант древнегреческой Коры. Древние Коры были полихромны, цветом подчеркивалось их дружелюбие и жизнеспособность. Подобно древним Корам у изучаемого памятника белки глаз и зубы выделены белым мрамором, выдвинутая вперед нога также отсылает к постановкам тела греческих скульптур. Постамент скульптуры выполнен из красного мрамора и представляет собой еще один фрагмент барочного периода. Он состоит из нижней детали юбки статуи, опоры и круглой профилированной базы. Предположительное время реставрации — конец XVII — первая половина XVIII в., на что указывают дополнения к античному торсу, выполненные в барочной стилистике.

Такой пример не является единичным, в собрании Государственного Эрмитажа существует целый ряд античных скульптур, подвергшихся реставрации и составленных из разрозненных фрагментов различных эпох, это так называемые статуи-пастиччо. Время создания артефактов фиксируется по наиболее ранней версии реставрации, а установить первоначальный облик скульптуры порой практически невозможно [5, с. 167—195]. Такое сложное соединение разновременных элементов формирует ее целостный современный вид, все элементы скульптуры являются частью «истории существования» античного памятника [6, с. 11—12].

Анализируя артефакты, представленные на экспозиции во дворце Меншикова, стоит отметить, что фактор многослойности фиксируется в различных видах искусства, в данном случае — не только в архитектуре, но и в произведениях прикладного искусства.

Само здание дворца А. Д. Меншикова, названное по имени первого владельца, имеет сложную многовековую историю. Оно было возведено на подаренном Петром I А. Д. Меншикову Васильевском острове и, по словам иностранного путешественника, стало «главным украшением этого острова». Светлейший князь «создал здесь маленький, но блестящий город из нескольких кирпичных и деревянных зданий и построек» [7, с. 236].

Строительство дворца для первого генерал-губернатора Санкт-Петербурга началось в августе 1710 г. и уже в октябре 1711 г. светлейший князь праздновал новоселье.

Первым архитектором дворца стал Франческо Фонтана, проработавший в Петербурге до 1713 г. и привнесший итальянский «вкус» в облик дворца. В основе архитектурного замысла четырехэтажного здания — поэтажное членение архитектурным ордерами, что наделяет здание чертами классической римской архитектуры эпохи Ренессанса. Черты петровского барокко немногочисленны: к ним можно отнести высокую крышу с переломом и завершающие ризалиты (выступающие части стены) финишеры (сложные по композиции декоративные завершения стены), увенчанные коронами. Многочисленные окна с мелкой расстекловкой в голландском вкусе дополняют экстерьер здания. С именем приглашенного французского архитектора Ж. Б. Леблонна связаны интерьерные работы в восточной части дворца. В кабинете Меншикова — Ореховом — стены декорированы наборными ореховыми панелями и пилястрами с золочеными капителями в стиле «режанс».

Таким образом, различные элементы художественных стилей, привнесенные западноевропейскими специалистами, свидетельствуют о многослойности первичного архитектурного решения здания Петровского времени.

Строительные работы во дворце продолжил мастер «палатного и гипсового дела» Готфрид Иоганн Шедель, прибывший из окрестностей Гамбурга в 1713 г. К этому времени строительство здания уже было реализовано и в обязанности нового архитектора вошло как расширение самого здания, так и декорирование интерьеров. Известно, что к работам нового архитектора относится дополнение здания боковыми ризалитами на север и сооружение мусоропровода.

После падения и высылки из Петербурга А. Д. Меншикова в 1727 г., когда завершилась его блистательная карьера, начался новый этап в истории здания — усадьба на Васильевском острове со всем имуществом поступила в ведение Канцелярии от строений, и следующим этапом в истории дворца стала передача его под нужды военного учебного заведения.

В 1731 г. указом императрицы Анны Иоанновны здесь был открыт Шляхетный кадетский корпус, с 1800 г. получивший название Первого кадетского корпуса. Организация учебного заведения в помещениях дворца внесла изменения во внешнее и внутреннее устройство здания: был перестроен фасад и осуществлены функциональные изменения в перепланировке помещений и приспособлении здания к новому назначению. Пришедший на смену барокко стиль классицизм также способствовал изменениям в архитектурно-планировочном решении здания.

Разместившаяся на половине светлейшего князя дирекция корпуса бережно сохранила подлинный интерьер лишь пяти личных покоев А. Д. Меншикова, дошедший в первозданном виде до нашего времени. Это четыре помещения, облицованные голландской плиткой, и одно помещение, декорированное ореховыми панелями. Анфиладная планировка первого и второго этажа здания исчезла. Необходимость устройства церкви повлекла за собой разборку перекрытия между вторым и третьим этажами и уничтожение художественного убранства и живописных плафонов.

Учрежденный указом императрицы Анны Иоанновны кадетский корпус просуществовал более 180 лет, и лишь события 1917 г. привели к закрытию военно-учебного заведения.

В дальнейшем последовала череда передач комплекса зданий под различные назначения. В 1918 г. центральное здание было передано Университету, в 1922 г. — Главнауке, в 1924 г. «Меншиковский музей» был объединен с Историко-бытовым отделением Государственного Русского музея, а в 1928 г. закрыт.

Здания бывшего Кадетского корпуса, расположенные по Кадетской линии, с 1918 г. поочередно занимали курсы подготовки кадров для 1-го резервного Василеостровского полка и Финские пехотные командные курсы, преобразованные в Интернациональную военную школу.

В 1921 г. в этих помещениях располагались Военно-политические курсы им. Ф. Энгельса, на базе которых было создано Училище им. А. А. Жданова по подготовке политработников и военных юристов. В 1932 г. в стенах дворца разместился гражданский Юридический институт им. М. И. Калинина. Перед войной здание заняла Военно-транспортная академия Рабоче-крестьянской Красной армии, а во время блокады здесь находился

лазарет для выздоравливающих военнослужащих. После войны Академия была объединена с Академией тыла и снабжения и получила название Военной академии тыла и транспорта. В 2011 г. было принято решение о передаче зданий бывшего Кадетского корпуса Санкт-Петербургскому государственному университету, где он располагается в настоящее время. В здании Дворца Меншикова с 1954 г. до конца 1960-х располагался Юридический факультет Университета [8, с. 13—23].

Еще в 1950-е гг. было принято решение о передаче здания Дворца Меншикова, обладающего уникальным комплексом предметов Петровской эпохи, Государственному Эрмитажу и организации в нем музея. Открытию экспозиции Государственного Эрмитажа «Дворец А. Д. Меншикова. Культура России первой трети XVIII в.» в феврале 1981 г. предшествовали многолетние и натурные исследования дворца; реставрационно-восстановительные работы и подбор произведений декоративно-прикладного искусства, живописи, скульптуры и графики.

После передачи в 2011 г. остальных зданий усадьбы А. Д. Меншикова Санкт-Петербургским государственным университетом вновь начались работы по реставрации и приспособлению зданий для нового назначения.

Спустя более 300 лет в очередной раз были сделаны уникальные находки, спрятанные под слоями перепланировок, которые позволили сделать ряд архитектурных открытий. Были обнаружены детали отделки фасадов: частично сохранившиеся карнизы, наличники, пилястры, капитель первичного оформления фасада.

Особый интерес вызывают обнаруженные под слоем досок первоначальные слои окраски интерьеров по штукатурке, которые сохранили свой яркий оттенок до наших дней. Эти элементы декора будут музеефицированы в местах их обнаружения. Большинство находок найдено в «Наугольных палатах», в которых после опалы светлейшего князя и смерти императрицы Екатерины I жили Петр II и его сестра Наталья Алексеевна, цесаревна Елизавета Петровна.

Реставраторами архитектурного бюро «Студия-44», ведущими изыскательские работы, обнаружены фрагменты штукатурки, позволившие определить оттенок цвета стен фасада дворца. О том, что они были серого цвета, было известно и раньше, теперь

же удалось выявить оттенок травертина и определить весь облик здания — в сочетании темных серых стен, белых пилястр и светло-желтых капителей. Кроме архитектурных находок, в строительном мусоре реставраторами были обнаружены многочисленные артефакты: фрагменты дельфтской и китайской керамики, печных изразцов первой половины XVIII в., стекла, обуви и монет. Большинство находок относится к периоду Кадетского корпуса — учебные задания, рисунки, игральные карты и курительные трубки. Есть и артефакты, относящиеся к 1940-м гг., периода нахождения госпиталя в здании усадьбы.

Все уникальные находки относятся к культурным слоям одного объекта во временном промежутке от начала XVIII в. — до первой половины XX в. На сегодняшний день продолжается их всестороннее изучение археологами Санкт-Петербургского государственного университета и реставраторами архитектурного бюро «Студия-44». Часть из них в настоящее время экспонируется в помещении университета. *Судьбу всей коллекции — место и способ ее экспонирования еще предстоит решать специалистам* [9, с. 359—367].

Столь разнообразная история усадьбы первого губернатора Санкт-Петербурга не могла не внести коррективы в состояние его зданий. Дворец не пострадал во время войны, но за свою более чем трехвековую историю претерпел множество переделок и реставраций.

На современной экспозиции музея тактично совмещены подлинные и новоделные артефакты. Принцип максимального использования подлинных материалов лег в основу воссоздания облика жилого помещения первой трети XVIII в. Так, например, в помещении одного из экспозиционных залов — в Поварне — реставраторы заново собрали печь, используя старые кирпичи, из которых она была собрана изначально. Еще раньше, при реставрации, проведенной в конце XIX в., этим принципом пользовались реставраторы, собиравшие печи из подлинных изразцов, дополняя их новыми фрагментами. Подлинное украшение дворца — убор помещений расписными плитками. Всего из тринадцати плитковых помещений до наших дней сохранилось только четыре; они декорированы более чем 27 тысячами плиток. Большую часть коллекции составляют голландские плитки

первоначального убранства и лишь около двадцати процентов — это плитки, приобретенные для первой реставрации дворца в конце XIX в., и плитки, технология изготовления которых была разработана ленинградскими реставраторами под руководством Б. А. Мицкевича. В западной половине дворца была утрачена отделка и сведения о ней не сохранились. Теперь в этих помещениях экспонируются подлинные предметы Петровской эпохи, в их числе фарфор, мебель, живопись и уникальные китайские шелковые обои.

Заключение. Таким образом, анализ практик экспонирования артефактов во Дворце Меншикова показывает, что указанные артефакты воспринимаются во всей их исторической сложности и соприсутствии состояний, которые по мере возможности демонстрируются зрителям. И в данном случае многослойность преподносится как фактор, усложняющий и обогащающий памятник, как демонстрация его историогенеза, отразившего различные факты его существования, следы истории. Такой памятник живет в нескольких реальностях, отражая их одновременно либо в некой хронологической перспективе.

Использование обозначенных в начале статьи теоретико-методологических оснований, по мнению И. В. Леонова и А. В. Бондарева, дает возможность увидеть в «многослойных» артефактах не статичные памятники, а сложные развивающиеся историко-культурные «организмы». На основе этих подходов можно проводить анализ генетически связанных друг с другом слоев, «врастающих» в изначальные первообразы, дополняющих и «расширяющих» пространство памятников, а также их «смысловую ауру». По мнению исследователей, в анализе сложноорганизованных памятников значимость имеет каждое «годовое кольцо»: «Данные “кольца”, или слои, могут восприниматься по-разному. Например, они могут “отрываться” друг от друга, контрастировать, вступать в противоречия и даже усиливать друг друга, формируя некие спектры состояний и смыслов. С другой стороны, они могут сплетаться и “размываться”, переходя один в другой, утрачивая границы и образуя единую историко-культурную “ризому”. Следуя логике Христиана фон Эренфельса, <...> речь идет о гештальте в движении — это “историко-культурная музыка”, звучание которой проявляет смену всех ее состояний. Они соприсутствуют, образуют

“складки” и раскрываются в целостности единого и живущего во времени “произведения”» [10, с. 82—83].

Необходимо отметить, что представленный в статье материал достаточно явно актуализирует проблему выбора стратегии сохранения, реставрации и экспонирования артефактов, историогенез которых содержит сменяющие друг друга состояния. Согласно концепции И. В. Леонова и А. В. Бондарева, указанный вопрос имеет несколько вариантов решения: «Во-первых, достаточно распространенный характер носят практики “очищения” одного исторического состояния. Во-вторых, решение приведенного выше вопроса возможно через экспонирование фрагментов начального или “другого” слоя, а также посредством сбалансированной “двухслойности” памятника. В-третьих, экспонирование динамично развивающегося памятника возможно посредством раскрытия его “многослойности”» [10, с. 83]. В указанном ракурсе практики сохранения и экспонирования рассмотренных в статье артефактов вполне успешно раскрывают их историко-культурную сложность и различные состояния, сопряженные друг с другом.

Библиографический список

1. Калязина Н. В., Калязин Е. А. Дворец Меншикова в Санкт-Петербурге. История, реставрация, музей. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996. С. 83—87.
2. Леонов И. В., Филиппова-Стоян Л. Е. Историко-культурные структуры артефактов: методы изучения, критерии идентификации и практики сохранения // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 103—117.
3. Игнатъева Е. И. К истории интерьера Петровского времени: двери с росписью из Дворца А.Д. Меншикова // Петровское время в лицах-2010. К 300-летию дворца Меншикова (1710—2010) : материалы научной конференции. СПб., 2010. С. 169—184. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. LII).
4. Семина М. А. Оригинал или римейк. Проблема сохранности и реставрации произведений античной скульптуры // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. статей / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2011. Вып. 1. С. 265—274.
5. Музей и современность / М-во культуры РСФСР. НИИ культуры. М.: 1976. С. 167—195.

6. Бобров Ю. Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М.: Эдсмит, 2004. С. 11—12.
7. Ла Моттре, Обри де. Из «Путешествия...» // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Ведение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука, 1991. С. 236.
8. Дворец Меншикова. Путеводитель / В. В. Мещеряков, И. В. Саверкина, Е. А. Андреева, Е. И. Игнатъева. СПб.: Историческая иллюстрация, 2005. С. 13—23.
9. Широкова Н. В., Антипин В. М. О ходе работ и находках в Наугольных палатах Дворца Меншикова // Петровское время в лицах — 2019 : материалы научной конф. / ГЭ. СПб., 2019. С. 359—367.
10. Леонов И. В., Бондарев А. В. Дворцово-парковый ансамбль Царского Села как историко-культурный гештальт: морфогенез и архитектоника. Статья вторая // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 74—85.

References

1. Kalyazina N. V., Kalyazin E. A. *Dvorets Menshikova v Sankt-Peterburge. Istoriya, restavratsiya, muzei* [Menshikov Palace from St. Petersburg. History, restoration, museum]. St. Petersburg: Russian-Baltic's Center of Information «BLIC», 1996, pp. 83—87 (In Russ.).
2. Leonov I. V., Filippova-Stoyan L. E. Historical-cultural structures of artifacts: methods of studying, identification criteria and conservation practices. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Human. Culture. Education], 2018, no. 2 (28), pp. 103—117 (In Russ.).
3. Ignatyeva E. I. To the history of the interior of Peter the Great: painted doors from the Menshikov Palace. *Petrovskoye vremya v litsakh-2010. K 300-letiyu dvortsa Menshikova (1710—2010)* [Personalities from Peter the Great's time — 2010. To Mark the 300th Anniversary of the Menshikov Palace (1710—2010). Proceedings of the Academic conference (Transactions of the State Hermitage Museum T. LII)]. St. Petersburg, 2010, pp. 169—184 (In Russ.).
4. Semina M. A. Original or remake. The problem of preservation and restoration of antique sculpture. *Aktual'nyye problemy teorii i istorii iskusstva* [Actual problems of theory and history of art: collections of scientific articles. Edition. 1], edited by S. V. Mal'ceva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova. St. Petersburg: NP-Print, 2011, pp. 265—274 (In Russ.).
5. *Muзей i sovremennost'* [Museum and modernity] / Ministry of Culture RSFSR. Research institutes of culture. Moscow, 1976, pp. 167—195 (In Russ.).
6. Bobrov Yu. G. *Teoriya restavratsii pamyatnikov iskusstva: zakonomernosti i protivorechiya* [Theory of restoration of art monuments: patterns and contradictions], Moscow: Edsmith, 2004, pp. 11—12 (In Russ.).

7. Aubrey de la Mottraye, «Voyages ...». *Bespyatyh Yu. N. Peterburg Petra 1 v inostrannykh opisaniyakh: Vedeniye. Teksty. Kommentarii* [St. Petersburg of Peter the Great in foreign descriptions: Introduction. Texts. Comment]. Leningrad: Nauka, 1991, pp. 236 (In Russ.).

8. *Dvorets Menshikova. Putevoditel'* [Menshikov Palace. Guide] / V. V. Meshcheryakov, I. V. Saverkina, E. A. Andreeva, E. I. Ignatyeva. St. Petersburg: Historical illustration, 2005, pp. 13—23 (In Russ.).

9. Shirokova N. V., Antipin V. M. On the progress of work and finding in the “Naugol'naya palata” from Menshikov Palace. *Petrovskoye vremya v litsakh — 2019: materialy nauchnoy konf.* [Personalities from Peter the Great's time — 2019: Proceedings of the Academic conference]. St. Petersburg, 2019, pp. 359—367 (In Russ.).

10. Leonov I. V., Bondarev A. V. Palace and park ensemble of Tsarskoe Selo as a historical and cultural gestalt: morphogenesis and architectonics. Article two. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2019, no. 1 (87), pp. 74—85 (In Russ.).

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.1

DOI: 10.34130/2233-1277-2021-2-157

А. Р. Воложанинова, С. Н. Терентьева

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Особенности адаптации студентов на начальном этапе обучения в вузе (на примере ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина»)

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью рассмотрения условий адаптации первокурсников к образовательному процессу в вузе. Важнейшим социальным требованием к высшим учебным заведениям является ориентация образования не только на усвоение обучающимися определенной суммы профессиональных знаний и умений, но и на развитие его личности, познавательных способностей, успешной социализации в обществе и активной адаптации в будущей профессиональной деятельности. Для современной системы высшего образования на первый план выходит проблема учебной адаптации первокурсников, одной из разновидностей социальной адаптации. От успешной адаптации обучающихся на первом курсе во многом зависит дальнейшая профессиональная карьера и личностное развитие будущего специалиста. Многочисленными исследованиями установлено, что эффективность обучения в вузе во многом зависит от возможностей студента освоить новую среду, в которую он попадает, поступив в вуз. Начало занятий и устройство быта означают включение студента в сложную систему адаптации: новая форма организации учебной деятельности, недостаточная сформированность познавательно-профессиональной самостоятельности, новые социально-

бытовые условия. В статье раскрыты трудности и проблемы, связанные с адаптацией студентов на младших курсах на примере ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина». На основании результатов анкетирования и интервьюирования первокурсников и кураторов академических групп описаны три группы особенностей адаптации студентов-первокурсников в вузе и условия, способствующие их успешной адаптации.

Ключевые слова: адаптация студентов-первокурсников, профессиональная адаптация, дезадаптация, адаптивность, профессионально-личностное развитие, профессионально-познавательная самостоятельность.

A. R. Volozhaninova, S. N. Terentyeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation

Specific Features of Adaptation of the First-year University Students (Case Study of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University)

The relevance of the issue is conditioned by the need for studying the first-year students' adaptation for university academic process. An important social requirement for universities is not only the focus on getting the necessary knowledge and skills but also personality and professional development as well as successful social adaptation. The modern higher education system prioritizes the freshmen's academic adaptation as a type of social adaptation. Effective adaptation of freshmen conditions the further professional activity as well as personal development of a future specialist. Multiple investigations have established that effectiveness of university studies depends a lot on the student's abilities to fit in the academic environment he has entered. Beginning of an academic year and conditions of every-day life mean a student's involvement into a new adaptation system — a new way of academic activities organization, lack of research and professional independence and new social and living conditions. The article reveals difficulties and problems of freshmen's adaptation as exemplified by Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. Based on questioning and interviewing freshmen and academic group tutors, three types of specific freshmen's adaptation and conditions of successful adaptation are described.

Keywords: freshmen's adaptation, professional adaptation, non-adaptation, adaptability, professional and personal development, professional and research independence.

Введение. Подготовка специалиста, соответствующего ожиданиям общества и государства, успешно освоившего ряд компетенций, — ведущее направление работы вуза и всего профессорско-

преподавательского коллектива. Известно, что первый год обучения в вузе является для студента адаптационным и наиболее сложным: происходит приспособление к неизвестному ранее формату обучения, к новой социальной ситуации и новому самостоятельному укладу жизни в целом. Такие изменения, несомненно, приводят к психологическому дискомфорту, что в свою очередь сказывается и на академической успеваемости.

Проблемы адаптации первокурсников в своих работах рассматривали Г. М. Андреева, В. В. Бахтина, В. Н. Клипинина, О. С. Куницкая, Е. Р. Исаева, В. Г. Овчинникова, Т. Ю. Ковтуни и другие.

Цель исследования: определить особенности адаптации студентов-первокурсников ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина» по направлениям подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» и выявить условия их успешной адаптации.

Методы исследования. В работе использованы теоретические (анализ психолого-педагогической литературы, обобщение и систематизация материалов исследований о сущности адаптационных процессов в вузе, абстрагирование и прогнозирование), эмпирические (анкетирование, интервьюирование) и статистические методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Интегрированное из биологии в педагогику и психологию понятие «адаптация» имеет множество интерпретаций, но все они несут мысль о том, что это процесс и результат взаимодействия человека с окружающей средой, который способствует оптимальному приспособлению к жизнедеятельности и благодаря которому достигается нормальность психической деятельности человека в тех или иных условиях, что в дальнейшем способствует психологическому, личностному и социальному развитию [1; 2; 3].

Обобщая основные теоретические положения, изложенные в трудах отечественных исследователей по вопросам адаптации, В. В. Константинов установил:

— адаптация — это целостный, системный процесс, характеризующий взаимодействие человека с природной и социальной сре-

дой. Выделение разных видов и уровней адаптации в известной мере искусственно и служит целям научного анализа и описания этого явления;

— особенности процесса адаптации определяются психологическими свойствами человека, уровнем его личностного развития, характеризующегося совершенством механизмов личностной регуляции поведения и деятельности;

— критериями адаптированности можно считать не только выживаемость человека и нахождение места в социальной структуре, но и общий уровень психологического здоровья, способность развиваться в соответствии со своим жизненным потенциалом, субъективное чувство самоуважения и осмысленность жизни [4].

Проблема адаптации актуальна для всех уровней образования, в том числе и для высшей школы. Потребность в адаптации возникает, когда человек начинает взаимодействовать с какой-нибудь системой в условиях рассогласованности с ней. Адаптивность — это выносливость, высокая работоспособность, устойчивость к различным факторам внешней среды; зависит от уровня здоровья, поэтому ее можно назвать своего рода мерой резервных возможностей организма [5]. Эмоциональное состояние студентов-первокурсников — показатель адаптированности к новой, ранее неизвестной форме обучения в вузе и новому, самостоятельному образу жизнедеятельности в целом. Положительные эмоции, психологический комфорт, удовлетворительное самочувствие — всё это свидетельствует о факторах адаптированности личности, и, наоборот, повышенный уровень тревожности, невозможность сосредоточиться и устанавливать социальные контакты — о факторах дезадаптации, о полярном адаптации процессе.

Г. М. Андреева к основному фактору дезадаптации относит недостаток информации, который приводит к стрессовому состоянию [6].

Поскольку обучение в вузе готовит человека к профессиональному виду деятельности, дает определенный набор знаний и обеспечивает усвоение ряда компетенций, то необходимо также остановиться на важнейших положениях профессиональной адаптации, к ним относятся [7, с. 196—197]:

1. Адаптация является постоянным процессом, который предполагает изменение, подстроение личностных особенностей специалиста под условия внешней среды, при этом должна обеспечиваться успешность его профессиональной и личностной самореализации.

2. Профессиональная адаптация является совокупностью психологических механизмов: успешность труда, удовлетворенность результатами деятельности при оптимальных затратах психофизиологических ресурсов личности — обязательное условие для адаптации.

3. Профессиональная адаптация обладает уровневой характеристикой: состоит из определенных отдельных периодов — наибольшего или наименьшего благополучия, кризисных периодов, подъема и спада успешной трудовой (учебной) деятельности.

Отметим тот факт, что от успешности адаптационных процессов в вузе напрямую зависит и академическая успеваемость студентов-первокурсников, что послужит основой и для дальнейшего успешного усвоения компетенций, предусмотренных ФГОС ВО, и для успешной профессиональной деятельности в совокупности с отдельными психологическими качествами личности.

По данным статистики, ежегодно по собственной инициативе с первого курса отчисляются 1—2 студента, со второго курса за академическую неуспеваемость отчисляют 5—7 студентов. Это происходит в связи с возникающими на первом курсе трудностями, выделенными Е. Р. Исаевой, к ним относятся:

— поверхностный подход к анализу информации и к принятию решений;

— сложность в усвоении информации в больших объемах;

— повышенная отвлекаемость;

— неразвитость коммуникативных навыков;

— необходимость в организующей и направляющей помощи преподавателя;

— несамостоятельность;

— отсутствие навыков самоорганизации [8].

Кроме того, студенты-первокурсники встречаются с рядом проблем, описанных нами ранее в статье «К вопросу о познавательной профессиональной самостоятельности будущих учителей в процессе обучения в вузе» [9, с. 8—9], к ним относятся:

1) тяжелая, напряженная адаптация первокурсников к обучению в вузе на психологическом (личностное переживание) и социальном уровне (построение связей «преподаватель — обучающийся» и «обучающийся — обучающиеся»);

2) неточное представление о получаемой педагогической профессии (потеря времени на обучение по «неподходящему» направлению подготовки, несоответствие ожиданий действительности);

3) отсутствие любви и энтузиазма к получаемому педагогическому образованию, наличие только корыстных мотивов (программы «Земский учитель», «Молодой специалист» и другие привилегии работников образования).

Следовательно, во избежание перечисленных трудностей и проблем, с которыми сталкиваются студенты-первокурсники, важно в процессе обучения развивать такое качество личности, которое бы способствовало ответственному, осознанному, ценностно ориентированному и творческому отношению к процессу получения образования и обеспечивало сознательную самоорганизацию образовательной деятельности, активную научную деятельность и дальнейшее профессиональное саморазвитие. Такое качество, как «познавательная-профессиональная самостоятельность студента» [9], под которым мы будем понимать интегральное качество личности, развивающееся в процессе обучения в вузе посредством реализации определенных педагогических условий, подходов и технологий. Мы выделяем четыре уровня развития познавательной-профессиональной самостоятельности, которые определяются психоло-педагогической характеристикой студентов, базирующихся на структурных компонентах познавательной-профессиональной самостоятельности: нулевой, базовый, средний и высокий (таблица).

Таблица

Уровни развития познавательной-профессиональной самостоятельности студента

<i>Уровень ППС студента-первокурсника</i>	<i>Критерии развития ППС студента-первокурсника</i>	<i>Показатели развития познавательной-профессиональной самостоятельности студента-первокурсника</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Нулевой (как правило, такие студенты отчисляются по причине	мотивационный компонент	отсутствует интерес к процессу получения педагогической профессии, также отсутствует желание и потребность в участии в научной деятельности, в реализации проектов молодежной политики

Продолжение табл.

1	2	3
академической неуспеваемости)	операционно-действенный компонент	безразличное отношение к организации учебной деятельности, повышенная отвлекаемость
	коммуникативно-содержательный компонент	знания по изучаемым дисциплинам являются поверхностными и неосознанными, безразличное отношение к дополнительным источникам информации
	регулирующе-контрольный компонент	отсутствие способности рационально использовать время и возможности
Базовый	мотивационный компонент	деятельность студентов слабо мотивирована, целью обучения является получение диплома
	операционно-действенный компонент	наличие опорных знаний по изучаемым предметам, владение основными понятиями, правилами, законами, принципами, технологиями и пр., а также мыслительными операциями (анализ, синтез, аналогия, сравнение, обобщение, конкретизация)
	коммуникативно-содержательный компонент	познавательные интерес и активность проявляются в зависимости от внешних факторов; учебная деятельность студента направлена только на выполнение требований (заданий) преподавателя
	регулирующе-контрольный компонент	сформирован недостаточно: анализ и самооценка собственной учебной деятельности зависят от внешних и внутренних условий
Средний	мотивационный компонент	наличие устойчивого интереса к процессу обучения; внешняя мотивационная сторона преобладает над внутренней; целью обучения является получение знаний

Окончание табл.

1	2	3
Средний	операционно-действенный компонент	отмечается способность самостоятельно получать субъективно новую информацию путем логических суждений и изучения дополнительных источников информации — это вызвано интересом на стадии любознательности
	коммуникативно-содержательный компонент	активность в учебной и научной деятельности, трудоспособность зависят от ситуации
	регулирующе-контрольный компонент	прослеживаются процессы целеполагания, планирования и самооценки учебной и научной деятельности
Высокий	мотивационный компонент	наличие положительного отношения к процессу обучения, при этом целью обучения является получение новых знаний и усвоение набора компетенций, предусмотренных ФГОС
	операционно-действенный компонент	проявляется конструктивный подход к творчеству, в создании новых методов познавательно-профессиональной самостоятельности на основе уже усвоенных
	коммуникативно-содержательный компонент	содержательная активность и инициативность в процессе учебной и научной деятельности, самостоятельное изучение дополнительных источников профессиональной информации
	регулирующе-контрольный компонент	самостоятельность в планировании собственной учебной деятельности; грамотное использование времени, правильное расставление приоритетов; способность к саморазвитию и саморегуляции, рефлексии собственной познавательной деятельности

В статье более подробно рассмотрим мотивационный компонент развития познавательно-профессиональной самостоятель-

ности, который влияет на особенности адаптации студентов-первокурсников.

В диагностике приняли участие 210 первокурсников ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина» по направлениям подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» и 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» по следующим методикам [10]:

1) методика для диагностики учебной мотивации студентов (А. А. Реан и В. А. Якунин, модификация Н. Ц. Бадмаевой), позволяющая распределить мотивы учебной деятельности по значимости для студента. Анализ результатов позволил определить, что в начале обучения в вузе у первокурсников преобладают профессиональные мотивы — средний показатель 4,16 баллов, и коммуникативные мотивы — 4,1 балла. Наименьший средний показатель по шкале мотивов избегания — это 2,42 балла. Мотивы престижа составили 3,48 балла, творческой самореализации — 3,7 балла, социальные — 3,64 балла и учебно-познавательные — 3,68 балла, которые находятся в центре шкалы мотивов учебной деятельности студентов;

2) мотивация профессиональной деятельности (методика К. Замфир в модификации А. Реана). В основу методики положена концепция о внутренней и внешней мотивации. В результате обработки показателей выраженности каждого типа мотивации было выявлено следующее: средний показатель внутренней мотивации (ВМ) к профессиональной деятельности равен 4,7 балла, внешней положительной мотивации (ВПМ) — 4,5 баллам, и средний показатель внешней отрицательной мотивации (ВОМ) составляет 3,5 балла. Таким образом, полученные результаты позволяют утверждать, что 100 % респондентов соответствуют оптимальным типам сочетаний мотивационных комплексов личности студентов: $ВМ > ВПМ > ВОМ$;

3) методика изучения мотивации обучения в вузе (Т. И. Ильина) позволила распределить мотивацию первокурсников по следующим шкалам: приобретение знаний, овладение профессией, получение диплома. Обработка и интерпретация результатов позволила установить, что преобладают мотивы по шкалам «Приобретение знаний» (8,34 балла) и «Овладение профессией» (5,4 балла). Это свидетельствует об адекватном выборе студентом профессии и

удовлетворенности ее выбора. Средний показатель по шкале «Получение диплома» равен 4,45 балла;

4) методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реан) показала, что ни у одного первокурсника не диагностируется мотивация на неудачу (боязнь неудачи). Установлено, что у 50 % испытуемых выражена мотивация на успех (надежда на успех) — средний показатель 16 баллов, и у 50 % опрошенных мотивационный полюс не выражен — средний показатель составляет 11 баллов.

Таким образом, можно отметить, что результаты диагностики показывают достаточно хорошие предпосылки к профессиональной адаптации (мотивация выбора профессии, направленность на ее освоение) в процессе обучения на начальном этапе в вузе. Кроме того, анкетирование студентов позволило определить, что 100 % первокурсников согласны со следующими утверждениями: «Профессия учителя самая главная на свете», «Педагог — не столько профессия, это образ жизни, мыслей и чувств». Но при этом 90 % первокурсников имеют неточное представление о профессии учителя: опираются лишь на собственные школьные воспоминания, в центре их представлений образ школьных учителей.

Параллельно проведению тестирования по вышепредставленным методикам проводились анкетирование студентов-первокурсников и интервьюирование кураторов студенческих групп первых курсов, целью которых было выявление представлений о получаемой профессии студентами и выделение трудностей, связанных с адаптацией, которые сказываются на процессе обучения.

Полученные результаты позволили выделить следующие группы особенностей адаптации студентов-первокурсников в вузе:

1) особенности, связанные с новой формой организации учебной деятельности: неизвестный ранее режим обучения, новая форма изложения учебного материала, новая социальная ситуация;

2) особенности, связанные с недостаточной сформированностью познавательно-профессиональной самостоятельности: отсутствие представлений о возможных путях личностно-профессионального развития в процессе обучения в вузе;

3) особенности, обусловленные новыми социально-бытовыми условиями: недостаточная сформированность коммуникативного компонента, погружение в самостоятельную жизнь, «общезит-

ный» характер условий проживания в новом городе, разделение студенческой группы на «городской» и «неместный» контингент.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание тот факт, что именно от успешности адаптации на начальном этапе обучения в вузе во многом зависит дальнейшее обучение, формирование «здоровых» отношений в коллективе и, как следствие, профессионально-личностное развитие, необходимо создать условия, которые способствовали бы успешной адаптации, а именно:

— согласованное взаимодействие преподавателей и кураторов учебных групп первого курса в организации учебного процесса (знакомить преподавателей с потенциальными возможностями студентов и их психофизиологическими особенностями и т. п.);

— организация воспитательной работы, направленной на возникновение познавательно-профессиональной самостоятельности (профессионально ориентированные мероприятия, привлечение студентов-первокурсников к проведению конкурсов для школьников, активизация студентов и представление им возможных путей профессионально-личностного развития);

— эффективное использование здоровьесберегающих образовательных технологий, в частности психолого-педагогических, в построении учебного процесса.

Заключение, выводы. Таким образом, можно отметить, что организация образовательного процесса в вузе с учетом вышеизложенных условий и особенностей адаптации студентов на начальном этапе обучения в вузе поможет избежать неточного представления о получаемой педагогической профессии у первокурсников, будет способствовать возникновению потребности в постоянном поиске новой информации и повышению интереса к процессу обучения в вузе, создаст базу для последующего профессионального совершенствования.

Библиографический список

1. Битянова М. Р. Адаптация ребенка к школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка. М.: Образ. центр «Педагогический поиск», 1998. 112 с.
2. Кряжева И. К. Социально-психологические факторы адаптированности : дис. ... канд. психол. наук. М., 1980. 200 с.

3. Налчаджан А. А. Социально-психологическая адаптация личности (формы и стратегии). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 264 с.
4. Константинов В. В. К вопросу о понятии «адаптация» // Проблемы социальной психологии личности : сборник тезисов по проблемам психологии личности. Саратов: СГУ, 2005. С. 52—62.
5. Клищевская М. В., Солнцева Г. Н. Профессионально важные качества как необходимые и достаточные условия прогнозирования успешности деятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1999. № 4. С. 61—66.
6. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 384 с.
7. Овчинникова В. Г. Представления о профессиональной адаптации студентов на трудовом месте // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современной психологии и педагогике : сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: АЭТЕР-НА, 2018. 319 с.
8. Исаева Е. Р. Новое поколение студентов: психологические особенности, учебная мотивация и трудности в процессе обучения первого курса // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения 28.09.2020)
9. Воложанинова А. Р. К вопросу о познавательной-профессиональной самостоятельности будущих учителей в процессе обучения в вузе // Развитие науки и образования: новые подходы и актуальные исследования : сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 23 июля 2020 г.). Анапа: Изд-во «НИЦ ЭСП», 2020. 85 с.
10. Георге И. В. Формирование профессиональных компетенций студентов образовательных организаций высшего образования на основе организации самостоятельной работы : монография. Тюмень: ТИУ, 2016. 143 с.

References

1. Bityanova M. R. *Adaptaciya rebenka k shkole: diagnostika, korrekciya, pedagogicheskaya podderzhka* [Adaptation of the child to school: diagnostics, correction, pedagogical support]. Moscow: Obraz. centr «Pedagogicheskij poisk», 1998. 112 p.
2. Kryazheva I. K. Social'no-psihologicheskie faktory adaptirovannosti: Dis. ... kand. psihol. nauk [Socio-psychological factors of adaptation: dis. ... Cand. psychol. sciences]. Moscow, 1980. 200 p.
3. Nalchadzhian A. A. *Social'no-psihologicheskaya adaptaciya lichnosti (formy i strategii)* [Socio-psychological adaptation of the personality (forms and strategies)]. Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1988. 264 p.

4. Konstantinov V. V. *On the question of the concept of «adaptation». Problemy social'noj psihologii lichnosti. Sbornik tezisov po problemam psihologii lichnosti* [Problems of social psychology of personality: a collection of theses on the problems of personality psychology.]. Saratov, SGU, 2005, pp. 52—62.

5. Klishchevskaya M. V., Solnceva G. N. Professionally important qualities as necessary and sufficient conditions for predicting the success of an activity. *Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. 14, Psihologiya* [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology], 1999, no. 4, pp. 61—66.

6. Andreeva G. M. *Social'naya psihologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2001. 384 p.

7. Ovchinnikova V. G. Ideas about the professional adaptation of students in the workplace. *Informacionno-obrazovatel'nye i vospitatel'nye strategii v sovremennoj psihologii i pedagogike: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Information-educational and educational strategies in modern psychology and pedagogy: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference Predstavleniya o professional'noj adaptacii studentov na trudovom meste]. Ufa: AETERNA, 2018. 319 p.

8. Isaeva E. R. A new generation of students: psychological characteristics, educational motivation and difficulties in the process of teaching the first year. *Medicinskaya psihologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn* [Medical psychology in Russia: electronic scientific journal], 2012, no. 4 (15). Available at: <http://medpsy.ru> (accessed 28.09.2020)

9. Volozhaninova, A.R. On the question of the cognitive and professional independence of future teachers in the process of studying at the university. *Razvitie nauki i obrazovaniya: novye podhody i aktual'nye issledovaniya. Sbornik nauchnyh trudov po materialam VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Development of science and education: new approaches and topical research: a collection of scientific papers based on the materials of the VII International scientific and practical conference (Anapa, July 23, 2020)]. Anapa: Publishing house «NITs ESP» in the Southern Federal District, 2020. 85 p.

10. George I. V. *Formirovanie professional'nyh kompetencij studentov obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya na osnove organizacii samostoyatel'noj raboty : monografiya* [Formation of professional competencies of students of educational institutions of higher education on the basis of the organization of independent work: monograph]. Tyumen': TIU, 2016. 143 p.

В. М. Гурленов, Ю. И. Трофимова

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Как пользоваться знаниями о проявлениях личности при планировании и реализации урока иностранного языка

Учебный процесс, в частности обучение иностранному языку, традиционно рассматривается в контексте моделирования урока иностранного языка в форме конспекта. Принято представлять урок как образ урока, воплощенного в конспекте. В конспекте находят указания на систему упражнений для развития различных видов деятельности, на средства мотивирования обучающихся, на достижение результатов, согласно требованиям стандартов. Однако, как и всякое естественное явление, учебный процесс не может ограничиваться этим традиционным взглядом. Полезно увидеть эту реальность не со стороны достижения личностных результатов, а в самом процессе проявления личности ребенка при решении задач урока. В этом состоит содержание статьи: показать и объяснить учебный процесс с точки зрения развития личности ребенка начальной школы в различных аспектах ее проявления. Речь идет о векторе методологического характера в стремлении начинающего педагога осмыслить свою профессиональную деятельность, который позволяет понять глубинные импульсы активности личности, желающей овладеть иноязычной речью. Рассматриваются следующие свойства личности: межличностные отношения, активность личности, ее инициативность, вовлеченность в совместную деятельность, обладание определенным опытом, смысловое поведение, самовыражение, самооценка. Эти свойства раскрываются на примере обучения иностранному языку школьников начального периода обучения. Детально раскрываются приемы, создающие условия становления личности в обучении иностранному языку. Делается вывод о том, что анализируемые особенности личности, которая начинает развиваться в условиях группового (начального школьного) обучения, необходимо учитывать при моделировании урока иностранного языка.

Ключевые слова: личность, моделирование урока иностранного языка, межличностные отношения, активность личности, инициативность личности, вовлеченность личности в совместную деятельность, смысловое поведение, самовыражение, самооценка.

V. M. Gurlenov, Y. I. Trofimova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation

How to Use Knowledge about Personality Manifestations when Planning and Implementing a Foreign Language Lesson

The educational process, in particular, foreign language teaching is traditionally considered in the context of modelling a foreign language lesson in the form of a synopsis. It is customary to present the lesson as an image of the lesson embodied in the outline. In the synopsis, they find instructions on the system of exercises for the development of various types of activities, on the means of motivating students, on achieving results, in accordance with the requirements of the standards. However, like any natural phenomenon, the educational process cannot be limited to this traditional view. It is useful to see this reality not from the side of achieving personal results, but in the very process of manifesting the child's personality in solving the tasks of the lesson. This is the content of the article: to demonstrate and explain the educational process from the point of view of the development of the personality of an elementary school child in various aspects of its manifestation. We are talking about a vector of a methodological nature in the desire of a novice teacher to comprehend his professional activity, which allows him to understand the deep impulses of the activity of a person who wants to master a foreign language. The following personality traits are considered: interpersonal relationships, personality activity, its initiative, involvement in joint activities, possession of a certain experience, semantic behavior, self-expression, self-esteem. These personality traits are revealed by the example of teaching a foreign language to schoolchildren of the initial period of study. The techniques that create conditions for the formation of a personality in teaching a foreign language are disclosed in detail. It is concluded that the analyzed personality traits, which begins to develop in the conditions of group (primary school) education, must be taken into account when modelling a foreign language lesson.

Keywords: *personality, modeling a foreign language lesson, interpersonal relations, personality activity, personality initiative, personality involvement in joint activities, semantic behavior, self-expression, self-esteem.*

Введение. Ранее нами была поставлена проблема учета психологических особенностей школьников соответствующего возраста при решении конкретных профессиональных задач, которые ставятся учителем [1]. Речь шла об обучении школьников иностранному языку. Проблема заключалась в том, что студенты-бакалавры, готовясь к уроку иностранного языка, в процессе моделирования урока в виде конспекта не задумываются над тем, какие психоло-

гические особенности обучающихся определяют успех или неудачу их педагогических воздействий. Направленность мысли будущих педагогов сконцентрирована прежде всего на том, насколько грамотно построена система упражнений и какие приемы наиболее эффективны для реализации данной системы упражнений. Были выявлены векторы в представлении педагога о протекании урока иностранного языка. В связи с этим студенты должны были ввести в планирование уроков раскрытие следующих моментов согласно четырем основополагающим векторам:

1) релевантные психологические особенности школьников конкретного возраста, которые необходимо учитывать при решении данной конкретной задачи: 1), 2), 3) ... ;

2) релевантные психологические особенности школьников конкретного возраста, на основе которых предпочтительно строить обучение при решении данной конкретной задачи: 1), 2), ... ;

3) релевантные психологические особенности школьников конкретного возраста, тормозящие овладение школьниками данной деятельностью: 1), 2), 3) ... ;

4) релевантные психологические особенности школьников конкретного возраста, которые необходимо развивать в процессе овладения школьниками данной деятельностью: 1), 2), 3) ... [1].

Концентрация внимания на этой стороне учебного процесса позволяет, как показывает педагогическая практика студентов, глубже проникнуть в организуемое учителем мотивированное поведение школьника. К тому же эти знания являются естественным объяснительным принципом всего образовательного процесса, в частности в предметной области «Иностранный язык».

Вместе с тем нераскрытой оказывается еще одна сторона, определяющая успешность овладения иноязычной речью школьниками в определенном возрасте: личностные качества развивающегося человека. Это пятый вектор методологического характера в рефлексивном стремлении начинающего педагога осмыслить свою профессиональную деятельность; вектор, который позволяет понять глубинные импульсы активности личности, желающей овладеть иноязычной речью.

Не стоит полагать, что речь идет о примитивном переносе психологических знаний о возрастных особенностях развивающегося человека в предметную область «Иностранный язык». Адапта-

ция этих знаний к процессу обучения и научения владением чужим языком подвергается значительной детализации в силу наложения на эти знания предметной специфики.

Методы исследования, теоретическая база. В работе применен метод экстраполяции данных возрастной психологии на методическую действительность урока иностранного языка вместе с методом целенаправленного наблюдения. Теоретической базой исследования послужили работы В. С. Мухиной [2], работающей в области возрастной психологии, К. К. Платонова¹, исследующего психологию личности, В. А. Петровского, К. А. Абульхановой-Славской², раскрывших понятие активности личности.

Результаты исследования и их обсуждение. Детализация пятого вектора, определяющего особенности обучения иностранному языку, проводится здесь, как и в предыдущей статье, с привлечением контингента детей возраста 7—8 лет, начинающих овладение иностранным языком.

Прежде всего необходимо определиться с понятием *личность*. В статье принимается определение личности, данное К. К. Платоновым. Он утверждает: «Личность — это конкретный человек или субъект преобразования мира на основе его познания, переживания и отношения к нему»³. Психолог, как видно, выделил три основных момента, характеризующих деятельностного человека: субъект способен самореализовываться (самопреобразовываться): в 1) познании мира, 2) в переживании процесса познания и 3) в выражении отношения как к самому процессу познания, так и к его составляющим (в частности, к тем, кто захвачен этим процессом).

1. На начальном этапе обучения (1-й или 2-й классы начальной школы) особую роль приобретает развитие **межличностных от-**

¹ Структура личности по К. К. Платонову. URL: https://studopedia.ru/10_170296_struktura-lichnosti-po-kkplatonovu.html (дата обращения: 18.04.2021).

² Активность личности. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/20777> (дата обращения: 18.04.2021).

³ Структура личности по К. К. Платонову. URL: https://studopedia.ru/10_170296_struktura-lichnosti-po-kkplatonovu.html (дата обращения: 18.04.2021).

ношений, которые, впрочем, достаточно ограничены в связи с развитостью иноязычной речи. Тем не менее с самого начала обучения существует безусловная возможность и необходимость развивать с использованием иностранного языка отношения: 1) этикетные (*здравствуй(те), спасибо, пожалуйста, извини(те)* и под.), 2) контактоустанавливающие, когда говорящий хочет обратить на себя внимание (*послушай, скажи мне* и под.), 3) согласия/несогласия (*хорошо, согласен, ты не прав, хочу/не хочу* и под.), 4) паритетность/непаритетность, основой которых является признание равенства собеседников или их субординации в отношениях (*привет/здравствуйте, как дела?/рад Вас видеть* и под.), 5) активности/пассивности (*я расспрашиваю/ты отвечаешь, я утверждаю/ты поддакиваешь* и под.), 6) Я сам/ Ты — другой (*я знаю/а ты?, я могу/а ты?, я умею/а ты?* и под.). **Прием обучения** в данном случае довольно простой. Он заключается в создании ситуаций, побуждающих детей к выражению этих отношений в любой подходящий момент урока.

Необходимо отдельно отметить особые отношения, которые устанавливаются между учителем и учеником в том случае, когда учитель обращается к ученику как субъекту деятельности. Как и любые другие межличностные отношения, они построены: 1) на деловых оценках, 2) эмоциональных оценках, 3) предпочтениях людьми друг друга [см. об этом: 3, с. 21]. Эти качества хорошо проявляются и развиваются в партнерских отношениях (совместная деятельность увлекает как ученика, так и учителя) и отношениях сотрудничества (и учитель, и ученик воодушевлены совместной целью).

Прием обучения в данном случае строится с использованием событийно-ситуативного единства. Известно, что событием именуется некий факт, который является особо значимым в жизни человека. Человек стремится многократно переживать многие события. Приведем примеры некоторых событий для детей этого возраста, которые, безусловно, вовлекают их в различные деятельностные состояния: *Побываем в сказке!* (состояние эмоционального воображения), *Сможем ли мы...?* (состояние волевого усилия), *Ой, что я знаю!* (состояние коммуникативного любопытства) и под. Однако событие не может вызвать деятельность, оно только пробуждает потенциальную активность человека (*Хочется этим заняться!*). Деятельность же инициируется ситуацией. Ситуация, в отличие от события, представляет собой комплекс конкретных раздражите-

лей, вызывающих ответную реакцию человека и побуждающих к нужной нам учебной деятельности. Поскольку в нашем случае речь идет о событийно-ситуативном единстве, необходимо из события вывести ситуацию (или ситуации). Событие *Побываем в сказке!* преобразуется в ситуацию 1 → *Завтра день рождения Красной шапочки. Надо купить подарки. А какие подарки любят девочки?* затем в ситуацию 2 → *Мы в магазине подарков. Выбираем подарки для Красной шапочки.* Эта цепь ситуаций на основе одного и того же события, которые называются нами «развивающиеся ситуации», может быть, как можно понять, продолжена.

Здесь необходимо раскрыть одну особенность обучения иностранному языку в этом возрасте. Уровень иноязычной речи ребенка еще очень невысок. В то же время учитель, как можно увидеть в нашем контексте, стремится к тому, чтобы школьник в своей иноязычной речи вел себя естественным образом. Чтобы создать у школьника ощущение естественной речи, но продолжать строить обучение на подражании речи учителя, можно использовать **приемы Помогите(те) мне, Встаньте(те) на мое место.**

2. Следующая характеристика личности — ее **активность**. Определяя понятие *активность личности*, ученые рассматривают деятельность как носящую «самоподчиненный характер» (В. А. Петровский), как динамическую составляющую деятельности, реализуемую ситуативно, то есть здесь и теперь (К. А. Абульханова-Славская)¹. Другими словами, речь идет о такой деятельности, которая привлекает сама по себе в силу ее освоенности и возможности решать посредством ее возникающие задачи. Соответствующим **приемом обучения** следует считать перенос одних и тех же ситуаций в атмосферу разных событий.

3. Личность характеризуется **инициативностью**. Психика младшего школьника так устроена, что она превосходно поддается развитию инициативной иноязычной речи. Дело в том, что она преимущественно диалогична. Младший школьник любит задавать вопросы, характеризовать, советовать, просить, побуждать к действию [2, с. 311]. Следовательно, учителю остается только смоделировать ситуации, которые побуждали бы школьников к желанию спросить, охарактеризовать, дать совет, побудить к действию. Соот-

¹ Активность личности. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/20777> (дата обращения: 18.04.2021).

ветствующие побуждающие ситуации и будут **приемом обучения**, развивающим инициативность личности ребенка этого возраста.

4. Личность проявляется в ее **вовлеченности в совместную деятельность**. Речь идет об ощущении причастности к разворачивающимся на уроке событиям. Школьник может представлять самого себя или игрового персонажа, в маске которого он проживает ситуацию. При этом учителю необходимо стремиться моделировать драматические ситуации так, чтобы ребенок ощущал ответственность за результат совместной работы. Следует различать коллективную ответственность, лидерскую ответственность и аффилиционную¹ ответственность. В связи с этим следует различать **приемы обучения**, соответствующие психологическим состояниям, которые учитель предлагает испытать детям: *Нам предстоит совместно разработать ..., составить..., ответить на...* (коллективная ответственность), *Ты можешь организовать своих товарищей на...* (лидерская ответственность) и *Без тебя не получится...* (аффилиционная ответственность).

Следует упомянуть о введении традиции подражать речи учителя в аналогичных только что пережитых речевых состояниях. Соответствующим **приемом обучения** будет: *Попробуй, как я. Ты сможешь так же?*

5. Личность обладает различного рода **опытом** (рациональными и эмоциональными ресурсами), которым она умеет пользоваться. Границы этого опыта неодинаковы у каждого человека. Использовать эту особенность психики человека необходимо при обучении любой возрастной группы, а в случае с младшими школьниками это необходимо вдвойне. Это начало развития умений пользоваться индивидуальными ресурсами разного рода. Речь идет о совместном нахождении объема знаний, информированности, обеспеченности иноязычным речевым материалом всех учеников вместе и каждого в отдельности. Это процесс актуализации языкового, речевого, страноведческого материала, эмоционального и рациональных ощущений и рациональных представлений. Приемы обучения: *Давайте вспомним, Что мы знаем о ..., Мы это знаем? Что мы уже умеем? Мы это сумеем?*

¹ **Аффилиация** — стремление к взаимодействию, желание быть полезным кому-то.

6. Активность личности должна быть **смысловой**. Смысловой назовем такую активность, которая имеет значение (ценность) для человека. С другой стороны, если в процессе активности субъект осознанно/интуитивно пользуется свободой выбора на основе личностных смыслов, то такую активность можно назвать деятельностью. Младший школьный возраст — это благодатная пора для развития деятельностных начал маленького человека. **Приемами обучения** будут: *Как мы будем делать/поступить? Можно ли так поступить? Правильно ли мы делаем?* и под.

7. Личность в силу своей уникальности предрасположена к **самовыражению**. Условия для возникновения самовыражения следующие: неформальный/индивидуальный/противоречивый/конфликтный характер ситуации, вызывающей речевую деятельность; обращение к когнитивной, интеллектуальной, эмоциональной сферам личности. Наилучшим **приемом обучения** в этом возрасте будет интрига дидактической игры, которая подразумевает перевоплощение ребенка в образ героя (героев) согласно сценарию сюжета, с демонстрацией соответствующего ролевого поведения.

8. Личности свойственна **рефлексия, самооценка**. Развитию этого качества личности необходимо уделять пристальное внимание с самого первого урока иностранного языка. Причем рефлексия и самооценка должны быть не просто заключительным этапом урока, но пронизывать его по окончании каждого смыслового этапа. Приемы формирования: *Хорошо ли у нас получилось? Смогли ли мы это сделать? Почему это не получилось? Как сделать это лучше? Давайте сделаем еще раз!*

Приведенные выше особенности личности, которая начинает развиваться в условиях группового (начального школьного) обучения, необходимо, безусловно, учитывать при моделировании урока иностранного языка. Другими словами, урок нужно представлять себе с разных точек зрения: с точки зрения эффективности и рациональности упражнений, с точки зрения мотивирующих приемов, с точки зрения соответствия упражнений и приемов возрастным психологическим особенностям и, наконец, с точки зрения заботы о становящейся личности ребенка. Подчеркнем еще раз, что предмет «Иностранный язык» трансформирует общие представления о личности в особые, прикладные, представления.

Заключение. Представление определенного явления с разных сторон всегда приводит к любопытным выводам, иногда неожиданным. Традиционно представление учебного процесса складывается в виде образа урока (иностранного языка), воплощенного в конспекте урока. Этот образ способен накладывать шоры на осмысление реального процесса обучения. Одно из правил творческого интеллекта говорит о безусловной пользе рассмотрения проблемы в другом, более глобальном контексте. Традиционный, собственно говоря, узкий контекст конспекта урока, увиденный в контексте личности, позволяет дать объяснение многим методическим проблемам урока.

Библиографический список

1. Гурленов В. М., Трофимова Ю. И. Как пользоваться знаниями о возрастных психологических особенностях при планировании и реализации урока иностранного языка // Человек. Культура. Образование. 2020. № 3 (37). С. 164—177.
2. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 608 с.
3. Горянина В.А. Психология общения. 3-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 416 с.

References

1. Gurlenov V. M., Trofimova Y. I. *Kak pol'zovatsya znaniyami o vozrastnikh psikhologicheskikh osobennostyakh pri planirovani i realizatsii uroka inostrannogo yazika* [How to Use Age and Psychological Characteristics When Planning and Implementing a Foreign Language Lesson]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2020, no. 3(37), pp. 164—177 (In Russ.).
2. Muhina V. S. *Vozrastnaya psihologiya. Fenomenjlogiya razvitiya: uchebnik dlya studentov visshih uchebnikh zavedenii* [Developmental psychology. Phenomenology of development]. Moscow, Academia Publ., 2006. 608 p. (In Russ.)
3. Goryanina V. A. *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. Moscow, Academia Publ., 2005. 416 p. (In Russ.)

Н. В. Минаева

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Российская Федерация

Особенности применения нормативных правовых актов, регламентирующих требования к квалификации педагогического работника вуза

Статья посвящена анализу нормативных правовых документов, регламентирующих квалификационные требования к педагогическому работнику, относящемуся к профессорско-преподавательскому составу, проблемам их применения и внедрения в деятельность образовательной организации, а также порядку актуализации локальных нормативных актов вуза, содержащих требования к уровню знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы преподавателя. В связи с отменой профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.09.2015 № 608н, проблемы и противоречия, связанные с использованием данного нормативного правового акта на практике, а именно противоречия с Квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования», утв. приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 11.01.2011 № 1н, были сняты. Однако действующие в настоящее время требования к квалификации педагогического работника вуза носят отчасти формализованный характер, не указывая и не учитывая такую важную и во многом определяющую особенность, как профильность образования педагога. В статье рассмотрены плюсы и минусы применения на практике нормативных правовых актов, содержащих требования к квалификации педагогических работников вуза, указано на необходимость актуализации ряда локальных нормативных актов образовательной организации, таких как должностная инструкция, план профессионального развития педагогического работника и др.

Ключевые слова: требования к квалификации, педагогический работник, профессиональный стандарт, трудовая функция, должностная инструкция.

N. V. Minaeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation

Peculiarities of Normative Legal Acts Specifying Qualifications of the University Teaching Staff

The article is devoted to the analysis of normative legal documents regulating the qualification requirements of a teaching staff member, the problems of their application and implementation in the activities of an educational organization, as well as the procedure for updating local regulations of the University that contain requirements for the level of knowledge, competences, professional skills and work experience of a teacher. The author draws attention to the need to bring into compliance with the legislation such local regulations as the job description, professional development plan of a teacher, etc. In connection with the abolition of the professional standard "Teacher of vocational training, vocational education and additional professional education", approved by the Ministry of education of the Russian Federation. by order of the Ministry of labour and social protection of the Russian Federation of 08.09.2015 No. 608н, problems and contradictions associated with the use of this normative legal act in practice, especially contrary to the Qualification Handbook for managers, specialists and employees, section «Qualifying characteristics of posts of heads and specialists of higher professional and additional professional education», approved. by order of the Ministry of health and social development of the Russian Federation of 11.01.2011. No. 1Н was discarded. However, the current requirements for the qualification of a University teacher are partly formalized, without specifying or taking into account such an important and largely defining feature as the profile of a teacher's education. The article discusses the pros and cons of applying in practice regulations that contain requirements for the qualification of University teachers, indicating the need to update a number of local regulations of the educational organization»

Keywords: *qualification requirements, teaching staff, professional standard, labor function, job description.*

Требования к условиям реализации образовательных программ высшего образования регламентированы Федеральными государственными образовательными стандартами (далее — ФГОС ВО). Они включают в себя различные требования, в том числе требования к кадровым условиям реализации программ высшего образования. Это, в первую очередь, наличие определенного уровня квалификации педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу (далее — педагогические работники), а также их «остепененность» и участие в реали-

зации образовательной программы практикующих специалистов и руководителей. В нашей стране понятие квалификации терминологически было закреплено в трудовом законодательстве в 2012 г. [1, с. 212]. Квалификация — это уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника¹. Законом об образовании² установлено, что квалификация педагогических работников образовательной организации должна отвечать квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках и (или) профессиональных стандартах (при наличии). Действительно, в 2011 г. был принят квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования»³ (далее — квалификационный справочник, приказ 1 н), который в настоящее время является единственным документом, определяющим требования к квалификации педагогических работников вуза. Необходимо отметить, что до июня 2020 г. в России действовал также профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»⁴

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2020).

² Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2020).

³ Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования : приказ Минздравсоцразвития России от 11.01.2011 № 1н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2020).

⁴ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.09.2015 № 608н // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2020).

(далее — профессиональный стандарт педагогического работника, профессиональный стандарт), утверждённый приказом Минтруда России в 2015 г.

Безусловно, параллельное действие этих двух нормативных правовых актов вызывало вопросы, поскольку в них имелись явные противоречия, например, в части выполняемых педагогическими работниками трудовых функций (должностных обязанностей). Так, согласно квалификационному справочнику ассистент может вести учебную работу, за исключением чтения лекций; а обобщенная трудовая функция, содержащаяся в профессиональном стандарте педагогического работника, позволяет ассистенту вести любые формы занятий, правда, исключительно по программам бакалавриата. В квалификационном справочнике в требованиях к квалификации ассистента включен стаж работы не менее 1 года в образовательной организации (в любой должности), а в профессиональном стандарте к должности ассистента не предъявляются требования к стажу работы. В квалификационном справочнике, согласно пункту 11, на должность доцента могут быть приняты лица, не имеющие ученой степени кандидата/доктора наук и ученого звания, но имеющие стаж научно-педагогической работы или работы в организациях по направлению профессиональной деятельности, соответствующей деятельности образовательного организации, тогда как в профессиональном стандарте особым условием допуска к работе на должность доцента является наличие ученой степени (звания) и т. д. [1, с. 216—217]. Конечно, учитывая ориентацию современного образования на реализацию практико-ориентированных программ, такие требования к квалификации создавали сложности для привлечения к педагогической деятельности специалистов-практиков. В профессиональном стандарте не была предусмотрена возможность преподавания на специалитете работниками, занимающими должности старших преподавателей, преподавателей и ассистентов. Без ограничений работать в вузах могли только доценты. И возникал закономерный и неразрешимый вопрос о наличии у педагогических работников необходимого уровня квалификации, в случаях, когда ассистентом, преподавателем, старшим преподавателем работать квалификация не позволяет, в случае, например, при реализации образовательных программ исключительно специалитета по медицинским направлениям и др. Кроме того,

внедрение профессионального стандарта привело к тому, что значительному количеству наиболее квалифицированных работников, а именно профессорам вузов, не стало хватать учебной нагрузки (работы), так как данный нормативный правовой акт предписывал реализацию их трудовой функции исключительно по программам аспирантуры.

Таким образом, указанные противоречия ускорили процесс отмены профессионального стандарта педагогического работника.

Однако было бы неправильным говорить о полной «ненужности» и противоречивости профессионального стандарта. Этот документ, в частности, впервые прописал требования к «профильному» высшему образованию педагогического работника в отличие от приказа 1н, в котором данные требования являются формализованными. Так, в соответствии с квалификационным справочником старший преподаватель — это педагогический работник, имеющий высшее профессиональное образование и определенные требования к научно-педагогическому стажу. Тогда как профессиональный стандарт содержит прямое требование к высшему образованию, направленность (профиль) которого соответствует преподаваемому учебному курсу. Данное требование, безусловно, должно быть определяющим критерием подбора педагогических работников, хотя и не единственным. В уточнении нуждается требование о профессиональной переподготовке — в настоящее время его можно трактовать как обязательное, даже при наличии высшего «профильного» образования.

В связи с этим в рамках актуализации локальных нормативных актов в образовательной организации в соответствии с трудовым законодательством, а именно должностных инструкций педагогических работников, возникает значительное количество специфичных моментов. В целом, говоря об актуализации этого вида документов, необходимо уточнить, что трудовые функции педагогических работников не изменились. И в профессиональном стандарте, и в приказе 1н трудовая функция педагогического работника включает: учебную, научную, методическую, воспитательную и иную педагогическую работу. А вот конкретизация основных функций педагогического работника, адаптированных под профессиональный стандарт, нуждается в изменении, а именно в уточнении с учетом требований квалификационного справочника. Между тем необхо-

можно заметить, что некоторые разделы профессионального стандарта были весьма удачными и востребованными. Так, например, помимо определения квалификационных требований, в документе содержится подробная характеристика умений и знаний, необходимых педагогическому работнику для выполнения определенных трудовых действий. Конечно, этот раздел профессионального стандарта является обобщённым для любого из преподавателей и в этом смысле определяет некую основу, необходимую для ведения педагогической деятельности в вузе, например знание информационно-коммуникационных технологий, особенностей инклюзивного обучения, методики преподавания дисциплин (курсов) и др. Использование его в работе помогает сделать из должностной инструкции не формальный документ для «галочки», а полноценный локальный нормативный акт, с помощью которого можно мотивированно оценивать труд работников [2; 3].

Именно разделы, конкретизирующие знания и умения педагогического работника, могут послужить основой для создания планов профессионального развития педагогических работников, системы их непрерывного образования [4, с. 165]. Цели профессионального развития педагогического работника вытекают из требований к уровню квалификации и профессионального развития педагога (квалификационные требования), а также требований должностной инструкции, локальных нормативных актов вуза и др. Практически в содержание плана могут входить следующие направления (или виды) профессионального развития педагогических работников [5]:

1) обучение по профилю педагогической деятельности педагогического работника, направленность дополнительного профессионального образования (в том числе программы профессиональной переподготовки) соответствует преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю) в случае, если образования такого профиля нет;

2) обучение по дополнительным профессиональным программам по профилю педагогической деятельности целесообразно заменить на обучение методике преподавания учебных курсов (дисциплин);

3) получение опыта работы в области профессиональной деятельности, осваиваемой обучающимися или соответствующей пре-

подаваемому учебному курсу, дисциплине, стажировки; в настоящее время данный критерий является наиболее важным;

4) систематические занятия научной, методической или иной практической деятельностью, соответствующей направленности (профилю) образовательной программы и (или) преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю): подготовка научных и учебных изданий, аттестация в должности доцента/профессора по соответствующей научной специальности; защита диссертационных работ на соискание ученых степеней доктора/кандидата наук. Именно таким образом все трудовые функции педагогического работника будут периодически актуализироваться [6].

Таким образом, квалификационный справочник как единственный нормативный правовой документ, определяющий требования к квалификации педагогических работников вуза, нуждается в актуализации требований к высшему образованию педагогического работника (а именно направленности (профилю) образования); кроме того, профессиональный стандарт актуален как методический документ, используемый для рационального разделения и организации труда; разграничения функций, полномочий и ответственности, определения трудовых обязанностей работников с учетом особенностей применяемых технологий, организации подготовки и дополнительного профессионального образования работников, разработки локальных нормативных актов, например должностных инструкций, планов профессионального развития и др.

Библиографический список

1. Минаева Н. В. К вопросу об особенностях проектирования профессионального развития педагогических работников // *Человек. Культура. Образование*. 2018. № 2 (28). С. 164—168.

2. Глухов Е. А. Получение дополнительного профессионального образования педагогом: право или обязанность? // *Журнал российского права*. 2019. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Должностные инструкции работников образовательных организаций // *Управление образовательной организацией*. 2020. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Минаева Н. В., Садек М. О. Особенности применения профессионального стандарта педагогического работника // *Человек. Культура. Образование*. 2019. № 4 (34). С. 212—218.

5. Коренков Г. П. Квалификационные характеристики, профессиональные стандарты и должностные инструкции работников образовательных организаций // Управление образовательной организацией, 2020. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Озерникова Т. Г., Еловенко Д. А. Проблемы внедрения профессионального стандарта в систему управления трудовой деятельностью профессорско-преподавательского состава вузов // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. Doi 10.17150/2411-6262.2017.8(2).32.

References

1. Minaeva N. V. On the issue of the design features of the professional development of teaching staff. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2018, no. 2 (28), pp. 164—168 (In Russ.).

2. Glukhov E. A. Getting additional professional education by a teacher: a right or a duty? *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 7. Access from the SPS «ConsultantPlus».

3. Job descriptions of employees of educational organizations. *Upravleniye obrazovatel'noy organizatsiyey* [Management of an educational organization], 2020, no. 3. Access from the SPS «ConsultantPlus».

4. Minaeva N. V., Sadek M. O. Features of the application of the professional standard of a pedagogical worker. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2019, no. 4(34), pp. 212—218 (In Russ.).

5. Korenkov G. P. Qualification characteristics, professional standards and job descriptions of employees of educational organizations. *Upravleniye obrazovatel'noy organizatsiyey* [Management of an educational organization], 2020, no. 2. Access from the ATP «ConsultantPlus».

6. Ozernikova T. G., Elovenko D. A. Problems of introducing a professional standard into the system of labor activity management of the teaching staff of universities. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Electronic scientific journal of Baikal State University]. Doi 10.17150 / 2411-6262.2017.8 (2) 32.

Сведения об авторах

Ананьева Юлия Станиславовна, кандидат химических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: isan1963@yandex.ru

Болгова Елена Викторовна, аспирант кафедры филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация, e-mail: alena.bolgova2012@yandex.ru

Воложанинова Анастасия Романовна, аспирант, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: bazhuzhukowa91576@mail.ru

Гринько Елена Николаевна, кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет; г. Владивосток, Российская Федерация, e-mail: en-grinko@mail.ru

Гурленов Владимир Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: vmgurlenov@gmail.com

Долдо Наталья Валентиновна, кандидат культурологии, доцент, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация, e-mail: natalia_doldo@mail.ru

Епифанова Анастасия Геннадьевна, кандидат культурологии, доцент, Южно-Уральский технологический университет, г. Челябинск, Российская Федерация, e-mail: Ag-epifanova@mail.ru

Жаркова Анастасия Геннадьевна, выпускник факультета архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического

университета им. И.И. Ползунова по специальности «Архитектор-дизайнер», г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: madsheart@gmail.com

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Российская Федерация, e-mail: oivanishcheva@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8495-05302>; SPIN-код: 1082-6004, AuthorID: 329364

Игнатьева Елена Игоревна, старший научный сотрудник отдела «Дворец А. Д. Меншикова» Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: laricheva.l@yandex.ru

Иткулов Сергей Зуфарович, кандидат культурологии, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская ГСХА имени Д. К. Беляева, г. Иваново, Российская Федерация, e-mail: italian.sergey79@mail.ru

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, Южноуральский государственный аграрный университет; Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; Российская Федерация, e-mail: kazakovagm@mail.ru

Минаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-политических наук, начальник управления кадрового и документационного обеспечения, Сыктывкарский государственный университет, г. Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: minaeva28@rambler.ru

Мищенко Игорь Евгеньевич, кандидат педагогических наук, старший помощник начальника отдела, филиал ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске, Челябинск, Российская Федерация, e-mail: chvaush@mail.ru

Пост Кристина вон, преподаватель кафедры педагогики, социальных и гуманитарных наук, Факультет педагогики, социальных и гуманитарных наук, Эребру университет, Эребру, Швеция; e-mail: Christina.Vonpost@oru.se; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8031-5982>

Райхе Хельге, доктор философии, старший преподаватель кафедры педагогики, социальных и гуманитарных наук, Факультет педагогики, социальных и гуманитарных наук, Эребру университет, Эребру, Швеция; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2263-9617>; e-mail: Helge.Raiha@oru.se

Сокровищук Алсу Ахметовна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: yagudinaaa@mail.ru

Терентьева Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии, Сыктывкарский государственный университет, г. Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: terentjew.swetlana2@yandex.ru

Трофимова Юлия Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка института иностранных языков, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: adrom@mail.ru

Филиппова-Стоян Любовь Евгеньевна, сотрудник учебного методического управления Российского государственного педагогического университета им. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Stoyan_lyubov@mail.ru

Our Contributors

Yulia S. Ananyeva, PhD in Chemistry, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Primary Education, Altai State Pedagogical University, Barnaul, the Russian Federation, e-mail: isan1963@yandex.ru

Elena V. Bolgova, Post-graduate student of the Department of Philology and Media Communications of Murmansk Arctic State University, Murmansk, the Russian Federation; e-mail: alena.bolgova2012@yandex.ru

Anastasia R. Volozhaninova, Post-graduate student of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail: bazhuzhukowa91576@mail.ru

Elena N. Grinko, Candidate of Culture-studies, Associate Professor, Associate Professor of the Humanities Department of the Pacific State Medical University, Vladivostok, the Russian Federation, e-mail: engrinko@mail.ru

Vladimir M. Gurlenov, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the German and French Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail: vmgurlenov@gmail.com

Natalia V. Doldo, PhD in Culture-Studies, Associate Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, the Russian Federation, e-mail: natalia_doldo@mail.ru

Anastasia G. Epifanova, PhD in Culture-Studies, Associate Professor, South Ural Technological University, Chelyabinsk, the Russian Federation, e-mail: Ag-epifanova@mail.ru

Anastasia G. Zharkova, graduate of the Faculty of Architecture and Design, Altai State Technical University named after I. I. Polzunov, trained as Architect and Designer, Barnaul, the Russian Federation, e-mail: mad-sheart@gmail.com

Olga N. Ivanishcheva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Philology and Media Communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, the Russian Federation; e-mail: oivanishcheva@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8495-05302>; SPIN-код: 1082-6004, Author ID: 329364

Elena I. Ignatyeva, research associate, the Department of «Palace A.D. Menshikov» of the State Hermitage Museum, St. Petersburg, the Russian Federation, e-mail: laricheva.l@yandex.ru

Sergey Z. Itkulov, Candidate of Culture-Studies, Associate Professor of the General Education Department, D. K. Belyaev Ivanovo State Agricultural Academy, Ivanovo, the Russian Federation, e-mail: italian.sergey79@mail.ru

Galina M. Kazakova, Doctor of Culturology, Professor, South Ural State Agrarian University, Advisor to the Administration; Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Institute of Culture and Fine Arts, Professor of the Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology; Chelyabinsk, the Russian Federation, e-mail: kazakovagm@mail.ru

Natal'ya V. Minaeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, Head of the Department of Personnel and Documentation Support of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, the Russian Federation, e-mail: minaeva28@rambler.ru

Igor E. Mishchenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Assistant of the Department Head of the Chelyabinsk Branch of Research Centre BBC "BBA", Chelyabinsk, the Russian Federation, e-mail: chvaush@mail.ru

Christina von Post, Lecturer of the Department of Humanities, Education and Social Sciences, Örebro University, Örebro, Sweden; e-mail Christina.Vonpost@oru.se; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8031-5982>

Helge Råihä, Ph.D, Senior Lecturer Department of Humanities, Education and Social Sciences, Örebro University, Örebro University School of Humanities, Education and Social Sciences, Örebro Sweden; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2263-9617>; e-mail: Helge.Raiha@oru.se

Alsu A. Sokrovishchuk, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Culture-Studies and Fine Arts, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: yagudinaaa@mail.ru

Svetlana N. Terentyeva, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Pedagogy and Psychology Institute, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia, Syktyvkar, Russia, e-mail: terentjewa.swetlana2@yandex.ru

Yulia I. Trofimova, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the English Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail: adrom@mail.ru

Lyubov E. Filippova-Stoyan, The Herzen State Pedagogical University of Russia, dispatcher, the Department of education and methodology, St. Petersburg, the Russian Federation, e-mail: Stoyan_lyubov@mail.ru

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 2(40) 2021

Редактор *Л. В. Гудырва*

Корректор *Е. М. Насирова*

Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 24.06.2021. Дата выхода в свет 09.07.2021.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 11,5. Уч.-изд. л. 11,4.

Заказ № 60. Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,

ул. Савина, 81